

НАДЁЖНОЕ БУДУЩЕЕ

Подготовка специалистов для внутренних войск МВД России ведётся достаточно широко и охватывает вузы Минобороны, ФСБ России и военные институты внутренних войск.

В этом году войсковыми вузами под руководством Главного командования внутренних войск МВД России проведена серьёзная работа по переходу на федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования третьего поколения, на основании Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 309 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта)" изменены структура и содержание федеральных государственных образовательных стандартов и основных образовательных программ, разрабатываемых на их основе. Вместо компонентной структуры стандартов и квалификационного подхода к содержанию подготовки введены модульная структура и компетентный подход.

С 1 сентября 2011 года подготовка будущих офицеров в наших вузах начнётся по новым специальностям: "Правовое обеспечение национальной безопасности", "Перевод и переводоведение", "Психология служебной деятельности", "Транспортные средства специального назначения", "Стрелково-пушечное, артиллерийское и ракетное оружие", "Применение и эксплуатация автоматизированных систем специального назначения", "Специальные радиотехнические системы".

Образовательные программы по этим специальностям в полной мере учитывают и обеспечивают правоохранительную направленность в профессиональной подготовке выпускников к выполнению служебно-боевых задач, возложенных на войска Федеральными законами "О полиции" и "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации". Такие выпускники готовы дать реальную правовую оценку принимаемым решениям при выполнении внутренними войсками служебно-боевых задач.

В Новосибирском и Санкт-Петербургском военных институтах внутренних войск МВД России с этого года также начинают работу новые структурные подразделения: разведывательный факультет и факультет морально-психологического обеспечения соответственно. В ближайшей перспективе – создание факультета тыла в Пермском военном институте внутренних войск. Кстати, в этом году на факультете автоматизированных систем управления состоялся первый выпуск молодых лейтенантов – специалистов в области автоматизации.

Во всех военных институтах идёт подготовка офицеров по программам дополнительного профессионального образования – действуют курсы повышения квалификации офицерского состава. Создана и укрепляется система послевузовского образования – плодотворно работают адъюнктуры по подготовке научно-педагогического состава, и в конце прошлого года в Санкт-Петербургском военном институте был открыт диссертационный совет по педагогическим наукам. В канун 200-летия внутренних войск МВД России создание первого в истории войск МВД России собственного диссертационного совета стало знаковым событием – научные исследования будут в большей степени способствовать выполнению возложенных на войска служебно-боевых задач.

Развивается и учебно-материальная база военных институтов. Компьютерные классы, тренажёры и учебные пункты управления становятся повседневной реальностью процесса обучения. Совершенствуются и учебные центры военных институтов. Так, учебный центр "Искитим" Новосибирского военного института был признан лучшим в системе МВД России за Уралом.

Улучшаются и условия обучения и проживания курсантов. На территории вузов строятся современные учебные корпуса и курсантские общежития, оборудованные современными евромодулями на 3–4 человека и обеспеченные всем необходимым.

Поэтому во всех вузах войск правопорядка встречаешь горящие глаза курсантов – от первокурсников до выпускников: учиться удобно, приятно, интересно и перспективно. А осуществляет учебный процесс высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав с боевым опытом, помогающим сформировать у курсантов навыки выполнять возложенные на войска служебно-боевые задачи. Ведь подготовка специалиста для внутренних войск уникальна: он должен действовать в нестандартной, быстроменяющейся обстановке, в условиях опасности и риска, уметь принимать грамотные решения, обеспечивающие безопасность общества и государства в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Благодаря добросовестной работе военных институтов внутренних войск МВД России именно такой грамотный молодой офицер-выпускник ежегодно приходит в войска правопорядка, а значит, у наших войск – надёжное будущее.

Полковник Сергей ЧЕПУСОВ,
заместитель начальника управления боевой
подготовки ГКВВ МВД России

В службе честь!

НА Б ОЕВОМ ПОСТУ

Журнал – лауреат
премии МВД России

Учредитель: Российская Федерация.
Полномочия учредителя от имени
Российской Федерации
осуществляет МВД России

Издатель: Главное командование
внутренних войск МВД России

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Регистр. № 01420**

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.
тел.: (495) 361-82-57

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВ К.А., АРТЮХОВ Е.А.,
архиепископ Челябинский и Златоустовский
Феофан (АШУРКОВ И.А.), БАБАЙЦЕВ С.В., БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
БОЛТИКОВ В.В., ГРЕКОВ В.И., ДОЛОНИН Н.А., ДУРКАЧ Р.П.,
ДЮЛЬДИН С.А., ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАЛИНИН В.В., КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С. (зам. главного редактора),
КРЫСАНОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г., МАКОВЕВ Т.К.,
МИХАЛЁВ А.Н. (зам. главного редактора),
НИКУЛЬШИН А.В. (зам. главного редактора),
НОВОЖИЛОВ В.Ю., ПАНЧЕНКОВ В.В., ПЕТЕЛИН Н.Н.,
ПОРТНОВ С.А., РОВЕНСКИЙ П.Н.,
СОРОКИН А.К. (ответственный секретарь),
СОФРОНОВ И.Е. (зам. главного редактора),
ЧЕПЯШЕВ С.К., ЭДКОВ А.А.

Дизайн БОЛТИКОВ В.В.

Вёрстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Отдел распространения и маркетинга

тел./факс: (495) 361-83-14
e-mail: nbp-market@yandex.ru

Финансовый отдел

тел.: (495) 361-83-85

Отдел рекламы

тел./факс: (495) 361-87-27
e-mail: reklamavvmvd@mail.ru

Типография

тел.: (495) 361-88-54

Сдано в набор 03.08.2011. Подписано к печати 24.08.2011.
Формат бумаги 60х90 1/8. Общий тираж изданий 15000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 246.

Отпечатано в типографии редакции
журнала "На боевом посту" внутренних войск
МВД России

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а

Телефоны для справок: (495) 361-81-71

E-mail: vvpst2006@yandex.ru

© Журнал "На боевом посту", 2011

**№ 9 (527)
сентябрь 2011**

На 1-й странице обложки:

Фото Виктора БОЛТИКОВА

**Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник
учебно-методических
материалов
"Войсковой вестник".**

При перепечатке материалов ссылка
на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать
и литературно обрабатывать принятые
к публикации тексты. Редакция может
публиковать материалы, не разделяя
точку зрения авторов. Рукописи не
рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов, имён
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций,
за достоверность рекламных
объявлений – рекламодатели,
за качество печати – типография.
Переписка с читателями ведётся
только на страницах журнала.

Индекс для **подписки** через
агентство "Роспечать" –

70 610

СОБЫТИЕ

**4 ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ
СВЯТОГО ВЛАДИМИРА**

СЛУЖБА

**9 ВЕРНЫ ПРИСЯГЕ, СТРАШНЫ
ВРАГУ**

**14 ОТВЕТ НЕЗНАКОМОМУ
СКЕПТИКУ**

18 КИСЛОВОДСКИЙ ФОРПОСТ

23 ЧАСОВЫЕ ПИТЕРСКИХ УЛИЦ

ОФИЦЕРЫ

27 ВЕЗЁТ ТОМУ, КТО САМ ВЕЗЁТ

**31 СТЕПАН ТОПЧИЙ:
СЛУЖБА НАЧИНАЛАСЬ
В ОМСДОНЕ**

СОДЕРЖАНИЕ

СЛУЖБА

Начальник оперативного управления главного штаба ГКВВ МВД России –
заместитель начальника главного штаба внутренних войск
генерал-лейтенант Владимир ПОДРЕЗОВ:

**СМВЧ ЗОРКО СТОЯТ НА СТРАЖЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА**

6

ВЕРА

**33 О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ
СИЛОЮ**

ПОЗИЦИЯ

35 ЗЕМЛЯКИ

ТРАДИЦИИ

38 НИКТО НЕ ЗАБЫТ

ИСТОРИЯ

41 ЛИГОВСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

44 ОГНЁМ И БРОНЁЙ

КУЛЬТУРА

46 ОТ РУСИ ЕГО ДО ИТАЛИИ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

**52 ВЫДАЮЩИЙСЯ
СОСЛУЖИВЕЦ**

ЛИТЕРАТУРА

**55 "К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ
ТАК ХОЧЕТСЯ БЫТЬ БЛИЖЕ!"**

**57 "Я ПРИВЕТСТВУЮ ЗНАМЯ
ПОД ВЕТРОМ..."**

58 РАССКАЗЫ

46

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ СВЯТОГО ВЛАДИМИРА

28 июля, в День святого равноапостольного великого князя Владимира – небесного покровителя внутренних войск МВД России, в Кафедральном соборном храме Христа Спасителя состоялись торжественная литургия и молебен. В богослужении приняли участие генералы и офицеры Главного командования, военнослужащие Отдельной дивизии оперативного назначения, воинских частей непосредственного подчинения главнокомандующему и Центрального регионального командования внутренних войск – всего более 400 человек.

Внутренние войска МВД России обрели своего небесного покровителя в 2002 году по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Икона святого равноапостольного великого князя Владимира находится в здании Главного командования внутренних войск и лишь один раз в год перемещается в храм Христа Спасителя для поклонения ей верующих.

Святой равноапостольный великий князь Владимир известен в истории как объединитель русской земли. Князь Владимир правил Киевом 37 лет. Во время своего правления принял христианство и в 988 году окрестил Русь. Дружины во главе с подчинёнными лично ему воєводами-посадниками в городах и землях

Руси стали регулярной вооружённой силой, во многом способствовавшей централизации власти, созданию единого государства со столицей в Киеве.

Примечательно, что День святого равноапостольного великого князя Владимира в этом году совпал с новой памятной датой – Днём крещения Руси.

Соответствующие изменения были внесены в перечень памятных дат России федеральным законом, подписанным 1 июня 2010 года Президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым. Как отмечается в справке Государственно-правового управления, этот закон направлен на «закрепление в качестве памятной даты важного исторического события, оказавшего значительное влияние на общественное,

духовное и культурное развитие народов России и на укрепление российской государственности».

Присутствовавший на торжественной литургии и молебне временно исполняющий обязанности начальника главного штаба внутренних войск МВД России генерал-лейтенант Вячеслав Рожко обратился к военнослужащим, священнослужителям и прихожанам храма Христа Спасителя. Он отметил, что в истории России святой равноапостольный великий князь Владимир совершил преобразования, которые оказались близки предназначению внутренних войск МВД России, созвучны с возложенными на них федеральным законом служебно-боевыми задачами.

– Внутренние войска через тысячелетие продолжают дело, начатое

святым равноапостольным великим князем Владимиром, – сказал он. – Они служат надёжным щитом и мечом государства в разрешении международных конфликтов, в неспиримой борьбе с экстремистскими, националистическими и террористическими попытками разрушить целостность Российского государства.

Генерал-лейтенант Вячеслав Рожко поблагодарил Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, руководителей епархий на местах, настоятелей церквей и всех священнослужителей Русской православной церкви, которые оказывают активную помощь в воспитании личного состава, духовно окормляют военнослужащих не только в местах постоянной дислокации воинских частей, но и в районах выполнения

войсками служебно-боевыми задач, в том числе на территории Северного Кавказа.

– Нам особенно приятно, что День великого святого земли Российской и небесного покровителя внутренних войск мы отмечаем в

главном православном храме страны, – подчеркнул генерал-лейтенант Вячеслав Рожко.

★
Подполковник
Александр ЛЕБЕДЕВ
Фото Ивана МОРДВИНЦЕВА

Начальник оперативного управления главного штаба ГКВВ МВД России – заместитель начальника главного штаба внутренних войск генерал-лейтенант Владимир ПОДРЕЗОВ:

СМВЧ ЗОРКО СТОЯТ НА СТРАЖЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

30 сентября отмечают 45-летие специальные моторизованные воинские части внутренних войск (СМВЧ).

Специальные моторизованные части милиции внутренних войск (СМЧМ) – так раньше назывались нынешние СМВЧ – были созданы на основании постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 23 июля 1966 года № 571 “О мерах по усилению борьбы с преступностью” и приказа МООН СССР от 30 сентября 1966 года № 03 “О формировании специальных моторизованных частей милиции МООН СССР”.

Первыми были сформированы три полка СМЧМ – в Москве, Ленинграде и Киеве, а кроме того – 40 отдельных батальонов в крупных административных и промышленных городах СССР. Эти воинские части предназначались для борьбы с хулиганством и иными проявлениями преступности на улицах, стадионах, в парках, клубах и других общественных местах, где они несли патрульно-постовую службу. Также им надлежало выполнять другие внезапно возникающие оперативно-служебные и боевые задачи по охране общественного порядка.

Комплектование СМЧМ офицерским и сержантским составом частично осуществлялось сотрудниками милиции, отвечавшими требованиям службы в войсках, имевшими необходимое военное, а также специальное образование и опыт службы в войсковых подразделениях.

Личный состав обучался по программам, разработанным в Главном управлении внутренних войск, внутренней и конвойной охраны и Главном управлении милиции МООН СССР. Подготовка и переподготовка офицеров велась при военных училищах общесоюзного Министерства охраны общественного порядка.

Во всех городах, где приступали к службе СМЧМ, ежегодно снижался уровень уличной преступности. В частности, к июлю 1972 года эта тенденция наблюдалась в Ростове-на-Дону, Астрахани, Омске, Красноярске, Ворошиловграде (ныне Луганск), Караганде, Тольятти. А Львов избавился от уличных правонарушений на 58,6 процента!

В 1973 году специальные моторизованные части милиции выполняли задачи патрульно-постовой службы в 43 городах, при этом общий объём службы составлял около 2000 суточных постов. Ежедневно для патрулирования выделялось свыше 2400 рядов, из них более 516 – на автомашинах.

Ряд воинских частей привлекался к обеспечению карантинных изоляционно-ограничительных мероприятий, розыску и задержанию осуждённых, вооружённых преступников, оказанию

помощи при ликвидации последствий стихийных бедствий. В течение того же, 1973, года было выполнено 5366 задач по обеспечению общественной безопасности массовых мероприятий.

За этот же период ряд военнослужащих специальных моторизованных воинских частей был удостоен государственных наград. Вот лишь несколько примеров самоотверженного выполнения долга военнослужащими тех лет.

6 июля 1969 года около 22 часов мимо сержанта В. Петровского и рядового А. Зубарева, патрулировавших одну из кемеровских улиц, пронеслась на бешеной скорости “Волга”. А вслед за ней показались мотоцикл с коляской. Увидев солдат, мотоциклист остановился и сообщи, что эта машина только что сбила двоих детей.

Не раздумывая патрульные вскоńczyли на мотоцикл и погнались за “Волгой”. Когда они поравнялись с автомобилем, водитель прижал мотоцикл к обочине, пытаясь столкнуть его в кювет. Тогда начальник войскового наряда, изловчившись, перебрался с мотоцикла на крышу “Волги” и, держась рукой за антенну, сполз на капот, закрыв своим телом лобовое стекло. Ослепленный преступник нажал на педаль тормоза...

Отважный воин Валерий Петровский был награжден медалью “За отличную службу по охране общественного порядка”.

31 августа 1981-го в ресторане “Сары-Арка” Караганды завязалась пьяная драка. К месту происшествия выдвинулся войсковой наряд в составе сержанта К. Сариева, рядовых В. Сиворакиши и С. Филёва. У входной двери один из дерущихся бросился с ножом на Сариева. Сержант приёмом самбо выбил оружие, но следом хулиган выхватил из кармана боевую гранату Ф-1 и выдернул предохранительную чеку. Казалось, взрыв неминуем. Но Сариев и Филёв упредили бандита, захватив его руку с зажатой в ладони гранатой. Сиворакиша сумел разжать пальцы задержанного и осторожно извлёк “эффу”. Взрыв прогремел через полчаса, когда военнослужащие вывели гранату за город, в глухой овраг. Все это время Сиворакиша сжимал в руке гранату с выдернутой чекой...

Рядовой Виталий Сиворакиша был награжден орденом Красной

Звезды, сержант Култас Сариев и рядовой Сергей Филёв – медалью “За отличную службу по охране общественного порядка”.

Специальные моторизованные воинские части принимали активное участие в охране общественного порядка в период проведения Московской Олимпиады-80, Игр доброй воли в 1994 году в Санкт-Петербурге, XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в 1985 году в Москве, мероприятий, посвящённых V конференции мэров крупнейших городов, 850-летию Москвы, 300-летию Санкт-Петербурга, международных экономических саммитов в городе на Неве, празднований Дня Победы в Великой Отечественной войне, 1000-летия Казани, осуществляли охрану общественного порядка в период проведения выборов в Государственную думу и Президента Российской Федерации. 14 специальных моторизованных воинских частей Московского округа внутренних войск участвовали в обеспечении общественной безопасности при проведении Всемирных юношеских игр в Москве в 1998 и 2002 годах. Большой опыт действий при возникновении массовых беспорядков в населённых пунктах

был приобретён во время выполнения этими воинскими частями задач в городах Москва, Алма-Ата, Баку, Сумгаит, Кишинёв, Фергана, Ош, Ереван и других, при ликвидации последствий землетрясения в Ленинграде.

С декабря 1999 года по февраль 2003 года 5 сводных специальных моторизованных полков численностью более 4 тысяч человек принимали участие в проведении контртеррористической операции на территории Чеченской республики.

За 45 лет СМВЧ прошли славный боевой путь. Несколько сот воинов награждены орденами и медалями, 13 военнослужащих навечно зачислены в списки воинских частей, трое удостоены звания Героя Российской Федерации.

И в настоящее время, являясь основной правоохранительной составляющей внутренних войск, воины СМВЧ уверенно стоят на страже правопорядка. Только в 2010 году на боевую службу по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности от специальных моторизованных воинских частей внутренних войск выделялось более 1 млн. 169 тыс. военнослужащих.

В ходе выполнения служебно-боевых задач в указанный период при непосредственном участии внутренних войск войсковыми нарядами за различные правонарушения задержано свыше 958 тыс. человек, в том числе за совершение преступлений – 7332 человека.

Активность войсковых нарядов при несении боевой службы позволила в 2010 году снизить уличную преступность в 31 городе Российской Федерации из 53, в которых дислоцируются СМВЧ внутренних войск. За минувший год ими изъято 71 единица огнестрельного и 38 единиц холодного оружия, 1 650 шт. боеприпасов, 9 взрывных устройств, более 37 кг наркосодержащих веществ.

В частности, 7 февраля 2010 года войсковым нарядом отдельного специального моторизованного батальона (г. Екатеринбург) в составе начальника патруля ефрейтора А. Гаджаматова, патрульных рядовых М. Кадирова и Д. Шемшеева были задержаны двое граждан, у которых было замечено и в последующем изъято огнестрельное оружие. Когда задержанных доставили в ОВД, была установлена причастность этих граждан к грабежам и разбойным нападениям.

12 мая 2010 года в ходе проведения специальной совместной пог-

раничной операции «Единство-2010» отличился войсковой наряд сводной патрульной роты специального моторизованного полка (г. Челябинск) в составе начальника войскового наряда младшего сержанта И. Маркина и патрульного кинолога младшего сержанта И. Файзулина. Досматривая автомобиль, они обнаружили контрабандный товар, незаконно ввезённый на территорию Российской Федерации.

5 ноября 2010 года войсковой наряд отдельного специального моторизованного батальона (г. Уссурийск), возглавляемый начальником патруля сержантом М. Михайловым, принял устное заявление об изнасиловании. Военнослужащие по горячим следам по описанию задержали двоих подозреваемых. В ОВД задержанные были опознаны изнасилованной девушкой. Кроме того, у них были изъяты наркотические вещества.

Рассказывая о боевых буднях наших военнослужащих, нельзя не упомянуть о воинских частях и подразделениях СМВЧ, дислоцированных в горячих точках Северо-Кавказского региона. Так, необходимо отметить высокое мужество и профессионализм военнослужащих 141-го специального моторизованного полка (г. Грозный), кото-

рым командует Герой России полковник А. Делимханов, и 249-го отдельного специального моторизованного батальона (г. Ведено) под командованием подполковника А. Магомадова 46-й отдельной бригады оперативного назначения Северо-Кавказского регионального командования, которые в непростых условиях, с риском для жизни в 2010 году выполнили множество разноплановых и важных задач. За минувший год ими изъято 29 единиц огнестрельного оружия, 4803 боеприпаса, 25 взрывных устройств, уничтожены и задержаны ряд членов незаконных вооружённых формирований.

Достоинство выполняют возложенные на них задачи и военнослужащие созданного в прошлом году в Махачкале 450-го отдельного специального моторизованного батальона 102-й ОБРОН СКРК ВВ под командованием полковника К. Ашурбегова. За столь короткий срок с момента его создания личный состав принял участие в проведении более 700 специальных мероприятий, в ходе которых уничтожено 2 боевика, задержано 18 человек по подозрению в причастности к бандподполью. Изъято 22 единицы огнестрельного оружия, 167 боеприпасов различного калибра.

Согласно проекту концепции строительства и развития внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации на период до 2020 года, строительство и развитие основных компонентов внутренних войск будет осуществляться адекватно возникающим внутренним угрозам безопасности Российской Федерации. Специальные моторизованные воинские части продолжают своё совершенствование в деле охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. До 2015 года состав специальных моторизованных воинских частей будет оптимизирован, а к 2020 году во всех городах с населением миллион и более человек, где криминальная обстановка остаётся сложной, будут созданы СМВЧ.

В канун наступающего 45-летия специальных моторизованных воинских частей внутренних войск от всей души желаем нашим военнослужащим крепкого здоровья, благополучия, добра и успехов в их нелёгком ратном труде.

ВЕРНЫ ПРИСЯГЕ, СТРАШНЫ ВРАГУ

22 сентября прошлого года приказом министра внутренних дел Российской Федерации в Дагестане был создан 450-й отдельный специальный моторизованный батальон. Он появился после обращения к Президенту России Дмитрию Медведеву главы республики Магомедсалама Магомедава и вошёл в состав 102-й отдельной бригады оперативного назначения Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск. Изначально комплектовать его штаты решили дагестанцами, поэтому жадные до сенсаций журналисты тут же окрестили батальон «специальным подразделением, не подконтрольным федеральному центру», «личной гвардией главы Дагестана» и «национальным спецбатальоном».

Более подробно разобраться в том, что же это за подразделение и какие задачи оно выполняет, попытался наш корреспондент.

СТАНОВЛЕНИЕ

Поначалу батальон планировали разместить в Каспийске – пригороде дагестанской столицы, однако в итоге новичкам пришлось обживать территорию бывшей базы республиканского ОМОНа на южной окраине Махачкалы.

Начинать свою жизнь части пришлось с палаток, печек-буржук, нар, полевой кухни, котелков и прочих прелестей военной походно-полевой жизни. Но эти труднос-

ти для большинства солдат и офицеров, прибывающих к новому месту службы, оказались не в диковинку. Основной набор в батальон шёл из дислоцированных в соседней Чечне военных комендатур и 46-й отдельной бригады оперативного назначения, считающихся хорошей школой закалки характера. Но отдельные, даже очень хорошие сами по себе люди – это ещё не воинский коллектив. Сформировать же сложные подразделения, способные

самостоятельно выполнять боевые задачи, серьёзная проблема, и именно её в кратчайшие сроки предстояло решать комбату полковнику Кадиру Ашурбаеву и его замам.

Чего греха таить, иные командиры, выполняя разнарядку на комплектование батальона, направляли в Махачкалу далеко не самых достойных кандидатов, зачастую избавляясь от надоевшего им хуже горькой редьки балласта. Некото-

На месте подрыва при въезде в поселок Губден.
14 февраля 2011 года

рым из тех, кто решил распрощаться со службой, прямо говорили: “Из Махачкалы быстрее уволишься”. И люди писали рапорта с просьбой о переводе в батальон. В итоге в числе первых в столицу Дагестана прибыло много случайных людей: нарушителей воинской дисциплины и разгильдяев, не желающих носить погоны.

— С первых дней нам поставили задачу усилить милицейские посты в городе, и некоторым офицерам приходилось буквально уговаривать солдат встать в строй, — вспоминает начальник группы по работе с личным составом батальона майор Николай Игумнов. — Мотивация отказов у каждого была своя: кого-то не устраивали оклады (поначалу они были ниже обещанных), кто-то ожидал, что, попав на родину, будет жить дома, а некоторые бойцы почему-то посчитали, что раз они уже не в Чечне, то им можно расслабиться, и ударились во все тяжкие.

Времени на уговоры и увещевания не было, поэтому, чтобы не сорвать выполнение служебно-боевых задач, выполнять их вместо отказни-

ков часто шли те, кто только что сменился с дежурства. Так и происходил естественный отбор. От случайных людей быстро избавлялись, против некоторых из них возбудили уголовные дела. Наиболее добросовестные, грамотные и порядочные, напротив, выдвигались на вакантные должности старшин рот, командиров отделений и замкомвзводов. Вскоре стабилизировалось и денежное довольствие: солдат-стрелок батальона стал получать на руки 23–26 тысяч рублей. И вскоре по республике пошли слухи, что на окраине Махачкалы появилась воинская часть, где за престижную мужскую работу платят серьезные деньги. Брать людей с улицы сюда не предполагалось: офицеры батальона отправились в Чечню и сами стали отбирать кандидатов. Собеседование с каждым из них, работа с личными делами и анкетирование дали положительные результаты.

Через пару месяцев батальон обновился на треть, и это были уже другие люди: серьезные, надёжные, определившиеся в жизни и, главное, желающие служить и к чему-то стремиться. Сохранились и заданные параметры по национальному составу — почти сто процентов военнослужащих являлись уроженцами Дагестана.

— На многие должности, например водителей, даже образовалась

своего рода очередь, — рассказывает заместитель комбата по вооружению майор Анатолий Левашов. — В результате у меня появилась возможность досконально изучить каждого кандидата, убедиться, что права у него не купленные и он на самом деле умеет водить машину.

Как только наладилась работа с кадрами, дела в батальоне быстро пошли в гору. В часть пришло немало грамотных специалистов, любящих и знающих дело, готовых делиться опытом с другими и добиваться своего, если этого требуют интересы службы. Под их влиянием стало меняться и отношение людей к делу. Например, начальником инженерной службы батальона стал капитан Тельман Себидов — один из лучших сапёров Северо-Кавказского регионального командования. На его личном счету более 500 разминирований, офицер дважды был ранен. Именно Тельман Сеидович добился того, чтобы все военнослужащие при выполнении служебно-боевых задач в обязательном порядке надевали бронежилеты и “сферы”, на что до него смотрели сквозь пальцы: на всё воля Аллаха — “иншалла!” Очень скоро бойцы убедились, что, даже надеясь на Всевышнего, бронежилет лучше надевать.

ПРОВЕРЕНЫ БОЕМ...

А тем временем на батальон стали возлагать новые, более ответственные задачи — участие в разведывательно-поисковых и оперативно-розыскных мероприятиях, выставление засад, заслонов, застав. Стали появляться и первые результаты. Не мной замечено, что лучший результат будет в том подразделении, где есть требовательные, грамотные офицеры и обученные солдаты, а также полное взаимопонимание между ними. Такой, например, считается рота, которой командует майор Анзор Мулаев. Именно на его подразделение выпало испытание, подтвердившее профессиональную зрелость всего батальона.

14 февраля рота Мулаева несла службу в посёлке Губден Карабудакентского района — одном из центров нестабильности в регионе. Часовой рядовой Руслан Гасанов, охранявший здание поселковой администрации, где на втором этаже размещался один из взводов роты,

издалека заметил странную молодую женщину славянской внешности, белизна лица которой сразу бросалась в глаза: “Откуда здесь русская девушка? Почему такая бледная?”. В руках у неё был пакет с мандаринами, а направлялась она прямо к зданию, очевидно, намереваясь пройти внутрь. Заподозрив неладное, часовой приказал ей остановиться и поднял автомат. Поняв, что в здание ей не попасть, женщина начала сбивчиво объяснять, что пришла к знакомым, а потом, вдруг завопив “Аллах акбар!”, привела в действие взрывное устройство, закреплённое на теле. Её буквально разорвало в клочья. Погиб и оказавшийся рядом рядовой Алхан Эльдарханов, который только что сменился с поста и вышел на крыльцо без бронежилета покурить. Это и стоило ему жизни. Ещё пятеро военнослужащих, находящихся вблизи, получили ранения различной степени тяжести. Проявив Гасанов нерешительность, замешкался на минуту, жертв среди его товарищей могло быть больше. Инструктаж часового за полчаса до подрыва проводил заместитель командира роты по работе с личным составом старший лейтенант Мурат Рудиханов.

Через пару часов на въезде в посёлок прогремел второй взрыв. Террорист-смертник взорвал себя в машине перед постом милиции, где совместно с милиционерами несли службу солдаты второго взвода. Сразу после подрыва пост подвергся обстрелу из автоматического оружия. Обязанности командира взвода в тот момент исполнял старший сержант Шамиль Магомедов, но что-либо предпринять не успел: взрывом ему оторвало обе ноги. Мужественный воин не потерял сознание, он отполз к бетонному блоку и самостоятельно перетянул жгутом одно бедро. На другое просто не хватило сил. Когда зазвонил телефон, Шамиль поднёс его к губам и, уже отключаясь, прошептал: “Командир, на посту подрыв. Я ранен”.

Факты свидетельствуют, что никто из солдат в эти минуты не растерялся, не запаниковал, каждый в отсутствие командиров знал, что ему делать. К слову, сильно поредевшая, но не потерявшая управление и боевой дух рота ещё двое суток продолжала нести службу в посёлке. До прибытия подкрепления бойцы самостоятельно подавили огневые

Заместитель начальника управления по работе с личным составом генерал-майор Николай Долонин вручает знак “За отличие в службе” II степени старшему сержанту Шамилю Магомедову

точки противника и начали эвакуацию раненых. От мощного взрыва тогда пострадали и милиционеры, и оказавшиеся поблизости мирные жители. Общий итог второго теракта: двое убитых, около 20 раненых. Солдаты останавливали проезжавшие мимо машины, загружали туда пострадавших и отправляли в районную больницу. Так удалось спасти жизнь многим. В том числе и старшему сержанту Магомедову. Его со словами “Держись, Шама” в переполненный “уазик” запихал рядовой Дадаш Абдураков.

Сегодня Шамиль, завершив курс реабилитации в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск, вернулся в строй. Хотя и на протезах, но он пожелал продолжить службу в родном батальоне. Эту просьбу он высказал исполняющему обязанности начальника управления по работе с личным составом ГКВВ генерал-майору Нико-

лаю Долонину, когда тот вручал ему в госпитале нагрудный знак “За отличие в службе” II степени. Решение по старшему сержанту принимал главнокомандующий внутренними войсками генерал армии Николай Рогожкин. Вернулись в батальон и все остальные бойцы роты, получившие в тот день ранение. Ни один из них не написал рапорт на увольнение или перевод в более спокойное место.

Можно много рассуждать и гадать о причинах такого единодушия, ведь делало это люди, не стовариваясь. Большинство из раненных тогда бойцов, вернувшись в часть, продолжают выезжать на боевые за-

дачи, связанные со смертельным риском. И дело тут не в том, что все участники вышеописанных событий поощрены командованием и прорабатываются вопросы досрочного обеспечения их жильём – ведь сначала они приняли решение вернуться, а награждения и поощрения были уже потом. Дело скорее всего в том, что они вместе пережили то, что нельзя так просто забыть. Они пережили смерть, которая, пройдя

рядом, могла забрать любого из них. Это сблизило, породнило людей, и поэтому батальон стал для них семьёй, а из семьи так просто не уходят. Тем более на Кавказе. По той же, очевидно, причине продолжает служить в части и мама погибшего рядового А. Эльдорханова старший прапорщик медицинской службы Айшат Гаджимагомедтибировна. “Наша мама Айшат” – так называют её многие солдаты.

... И УВЕРЕНЫ В СВОЕЙ ПРАВОТЕ

Перед отъездом ещё раз обошёл бывшую омовскую базу. С каждым днём она всё больше преобразуется, обживается, облагораживается. Построен автопарк с тёплым боксом, работает спортзал, запущен мобильный банно-прачечный комплекс, действуют медсанчасть и стационарная столовая. Кормят там прекрасно. А какая выпечка! Отвечает за этот участок работы не кто-нибудь, а мастер своего дела рядовой Лиана Гасанова, занявшая одно из призовых мест на смотре-конкурсе поварского мастерства, проходившем недавно в Ростове-на-Дону. Полным ходом идут ремонтно-восстановительные работы и в помещении бывшего штаба. Параллельно с ремонтом стен, полов и потоков собирается мебель, вставляются пластиковые окна.

Один из солдат, занятых ремонтом, во время обеденного перерыва зашёл в небольшой вишнёвый сад, разбитый прямо под окнами штаба, и не спеша положил в рот несколько налитых соком ягод. На лице – блаженная улыбка.

Захожу в клуб, библиотеку. Читателей пока нет – все заняты на службе, но командование уже думает о будущем. Со второго полугодия батальон подписался на 12 экземпляров журнала “На боевом посту”. Так что у людей в свободное время будет возможность почитать центральное войсковое издание.

И чего бы в батальоне не служить? Питание – отменное, жалование – достойное, льготы – реальные, задачи – понятные и привычные, отношения в коллективе, как я убедился, братские. Да и служит абсолютное большинство у себя на родине, можно сказать, дома. Семьи рядом, скучать не приходится. Если не в наряде или на спецоперации, то можно после службы идти домой, к родным.

Перечитал написанное и понял, что чего-то не хватает в этом тексте. Чего же? Пожалуй, того, что и в суе, когда его забудешь посолить. В данном случае – перчинки – меткого словца, мнения солдат о службе. Дагестанцы – люди остроумные и весёлые, иногда скажут – не в бровь, а в глаз! Порой за шуткой скрываются и очень серьёзные вещи. Ещё раз в этом убедился, когда подошёл к бойцам одной из рот, занятых чисткой оружия.

– Здорово, служивые! Салям алейкум!

– Ва-алейкум ас-салям!

– Как служите, парни?

– Как можем, так и служим.

– А всё-таки?

– Хорошо. Лучшее, чем в Чечне, – с удовольствием подхватывает разговор боец, занятый чисткой снайперской винтовки. Как выяснилось позже, аварец из Казбековского района рядовой Гасан Гутарханов. – Тут мы на своей земле, поэтому чувствуем себя как дома. Здесь и умирать, если придётся, легче.

– Значит, ты патриот?

– Да. Мы тут все патриоты.

– Не ври, – выкрикивает кто-то из солдат. – Ты сюда из-за денег пришёл.

Эта реплика несколько не смутила лихого снайпера.

– Ну да, – соглашается он, орудуя шомполом. – Чего скрывать, каждый из нас пришёл сюда, потому что тут платят хорошие деньги. Но ведь есть ещё и другое. Родина! А ей нет цены. Для меня Родина не только село, где родился, но и весь Дагестан. И я горжусь тем, что дагестанец. Мы все гордимся. Хочется только, чтобы на моей земле поскорее наступили мир, справедливость и порядок. Тогда будем ещё больше гордиться.

– А почему некоторые дагестанцы уходят в лес, берут в руки оружие? – задаю провокационный вопрос. – Они ведь тоже объясняют,

что воюют за справедливость и порядок?

– Многие пошли в лес, потому что дома нет работы. Но идти в банду из-за денег, конечно, не выход, – поясняет свою позицию Гасан. – А лозунги разные за веру и свободу придумывают не дагестанцы. Беда в том, что думать, жить своим умом и соображать не все хотят и могут. Я бы ни за что не пошёл в лес, чтобы за доллары и непонятные идеи убивать по чьей-то указке своих сограждан. Уважать себя надо! Лучше уж умереть за Родину.

– Слушай, уважаемый, что ты всё заладил: умереть да умереть? Шахид какой! Поживи ещё! – включается в разговор широкоплечий сосед слева, занятый чисткой пулемёта.

– А ты чего больше всего хочешь, о чём мечтаешь? – обращаюсь к нему.

– Дочистить своё оружие и скорее пойти домой, к семье, – парирует пулемётчик.

Уже собираясь покинуть гостеприимную часть, встретил начальника штаба батальона подполковника Сергея Козирева. Оставшийся “на хозяйстве” за командира офицер заинтересовался моими впечатлениями о части, людях. Я поделился с ним впечатлением об увиденном, пересказал разговор с солдатами. Начштаба почесал затылок и в задумчивости задал неполиткорректный вопрос:

– Если они воюют за свою Родину – Дагестан, то что делаем здесь мы, русские?

– А то же, что делали всегда и везде наши предки: помогая им, защищаем интересы нашей Родины – России.

– Согласен!

***

Год, конечно, это немного, однако за это время из молодого солдата должен получиться защитник Отечества. На примере “национального” батальона, как называли его журналисты, можно убедиться, что, пройдя за этот короткий срок испытание огнём, он вполне состоялся как боевая единица. На это и рассчитывало руководство, когда принимало решение о создании воинской части. Надо полагать, в последнее время призадумались и прячущиеся по лесам бандиты. Ведь им противостоит серьёзный, достойный противник, уверенный в своей правоте и готовый за это умереть. А такой воин всегда страшен для врага.

★
**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**
Фото автора и из архива части

*Фамилии некоторых офицеров
изменены.

ОТВЕТ НЕЗНАКОМОМУ СКЕПТИКУ

В тот вечер я, как обычно, возвращался со службы. В метро царил привычный час пик. У эскалаторов, словно у плотины, скапливалась толпа пассажиров, увеличивалась, набухла, разделялась на два потока, устремляясь вниз.

Наконец подошла моя очередь, и, ухватившись за резиновый пору-

чень, я шагнул на ребристые ступени. Впереди меня оказался тучный мужчина барственного вида с недозволенным, будто обиженным на жизнь лицом.

— Вот бардак! Не могут нормально всё организовать! — пробурчал он, обернувшись ко мне, очевидно, ища поддержки. Спустя полминуты Барин (как я его миглом окрестил про себя) вновь раздражённо выпалил: —

И плафоны пыльные! Куда начальство смотрит?!

Тем временем внизу показалась запруженная народом платформа. Среди разноцветных курток, пальто, плащей выделялись три фигуры в серых милицеских шинелях — наряд специальных моторизованных воинских частей. Встав полукругом, они сканировали взглядами станцию: то ли искали в толпе кого-то проходя-

щего по ориентировкам, то ли просто бдительно следили за порядком.

Бойцов заметил и мой сосед по эскалатору.

— Вот, полюбуемся! — вновь обернувшись ко мне, кивнул он на патрульных. — Понабрали хрен знает кого...

— В каком смысле понабрали? — недоумённо поинтересовался я.

— Да вот этих задохликов! — возмущённо пояснил Барин, ткнув пальцем в одного из солдат, который был почти на голову ниже своих товарищей. Про таких в народе говорят “метр с кепкой”. — Вот скажите, какой из него толк? Только харчи лопают да стоят как дурачок в метро. Да и от остальных тоже пользы, как с козла молока!

— Да нет, уважаемый, — в свою очередь, не выдержав я, почувствовав в душе обиду за родные войска. — Есть от них польза.

— И какая же? — насмешливо поинтересовался собеседник.

— А вот, к примеру, глядите. — Я указал на двоих подвыпивших молодчиков, вышедших из вагона и опасливо косившихся в сторону бойцов. — Секунду назад этим ухарям платформа тесна была, а как наряд заметили, живо притихли.

— Подумаешь! — огрызнулся Барин. — Тоже мне подвиг: пьяную гопоту напугать! И вообще, чего это вы за этих эвэзэшников так заступаесть? — Он подозрительно уставился на меня. Внимательно окинул взглядом мою короткую уставную стрижку и выправку и вынес вердикт: — Ясно все. Вы тоже из этих! — Он мотнул головой в сторону войскового наряда и, сойдя с эскалатора, раздражённо зашепел в сторону подошедшего поезда.

Я вздохнул. Мужчина явно пел с чужого голоса: подобное звучало уже не раз со страниц газет, экранов телевизоров.

Я было направился в противоположную сторону, как вдруг остановился и обернулся, пристально вглядываясь в маленького солдатика, раскритикованного моим соседом по эскалатору. Во всем его облике: невысокой щупловатой фигуре, аккуратно подогнанном обмундировании, узком худом лице, сосредоточенном, цепком взгляде, было что-то до боли знакомое. Казалось, когда-то давно мы встречались с этим парнем...

И лишь когда я сел в поезд, то понял, кого напоминает мне боец: ря-

дового Тужикова, служившего в моём взводе тринадцать лет назад.

***

Фёдор Тужиков с самого начала службы выделялся среди молодых солдат, прибывших в нашу роту после курса молодого бойца. На занятиях он лучше всех постигал мудрёную ратную науку, первым из своего призыва научился составлять словесный портрет, наизусть выучил все приказы, инструкции, статьи законов, необходимые для несения патрульно-постовой службы в городе. Его конспекты по различным дисциплинам можно было смело преподносить как образец. И даже на стрельбище в первый раз он, единственный из одноклассников, выполнил все упражнения на “отлично”.

Кроме того, Фёдор поразил всех и в спорттородке. Подтянуться на перекладине он мог почти тридцать раз, а полосу препятствий одолевал с такой лёгкостью, что ему позавидовал бы киношный человек-паук. Да и внешний вид солдата не мог не радовать: всегда аккуратный, подтянутый, с отполированными до блеска берцами. А вдобавок ко всему ещё и на редкость старательный, исполнительный, никогда не унывающий. Словом, золото, а не боец.

При множестве плюсов Тужиков имел единственный недостаток — рост его едва достигал метра шестидесяти, а фигурой солдат и вовсе напоминал тшедшного подростка, одетого в милицескую форму. Впрочем, в тот весенний призыв далёкого девяносто восьмого среди молодого пополнения было немало парней, мягко говоря, небогатырского сложения.

— Конечно, — невесело заявил по этому поводу мой приятель, заместитель командира соседнего взвода прапорщик Александр Шилин. — Все “качки” косят от армии правдами и неправдами, а призывают только тех, у кого денег и на еду-то не всегда хватает — не то что на взятки врачам!

— Чего уж тут горевать, — урезонил я товарища. — Будем работать с теми, кто есть.

Разговор тот происходил в спорттородке, где оба наших взвода отбатывали приёмы рукопашного боя. Ещё пять минут назад мои бойцы рассеивали с помощью щитов и резиновых палок толпу разбушевавшихся фанатов, которых изображали шилинские подчинённые. Теперь

же, разбившись на пары, они защищались от ударов холодным оружием. Взмах учебного ножа, перехват, залом руки за спину, и “нарушитель” обмякал в захвате бойца. Особенно старался Тужиков. Молниеносно уходя с линии атаки, он блокировал предплечье руку “противника” с захватой в ней финкой, обозначал удар в голень, смещался влево, выкручивая запястье и... замирал. Так вышло, что партнёром Фёдора оказался двухметровый сержант Вадим Лучко, занимавшийся на гражданке спортивной греблей. Силы были явно не равны, и окружающие с сочувственной усмешкой косились на Тужикова.

— Вот, смотри, пример, как говорится, перед глазами, — кивнул в его сторону Шилин. — Ну как этого заморыша можно на службу ставить? Его же любая шпана вмиг сомнёт, не говоря уже о серьёзном злодее! И что нам делать с такими вот воинами? — Но-но, полетче на поворотах, — обиделся я за своего любимца. — Таких бойцов, как Тужиков, ещё поискать. Ротный его постоянно в пример остальным ставит...

— Константин, да разве я говорю, что он плохой солдат? — перебил меня Александр. — Вот только ростом да статью подкачал, тут уж ничего не попишешь. Потому боязно его на маршрут отправлять: он же пацан отчаянный, храбрый! Если что, так и запросто может здорового лба броситься урезонивать... Его бы по-хорошему в писари определить.

— Значит, говоришь, не будет от него толка на “пэпээсе”? — задумчиво произнёс я.

— Естественно! Против лома нет приёма. — Сослуживец в который раз сочувственно глянул на Тужикова, безуспешно пытающегося заломать богатыря Лучко.

— Ну, если голыми руками против ножа действовать — это одно. А если спецсредства грамотно использовать?

— Ты имеешь виду “пээр”?

— Именно.

— Вряд ли, — покачал головой прапорщик. — Если противник тебя вдвое больше, то тут хошь не хошь, а проиграешь, — при этом он невольно глянул на меня сверху вниз: рост у Сани достигал метра девяносто семи, а вес зашкаливал за все сто двадцать кило — в прошлом Шилин был разрядником по вольной борьбе.

Снисходительный взгляд приятеля больно задел моё самолюбие.

— Скажешь, и я, к примеру, с тобой ничего сделать не смогу? — переспросил я.

— Ну как тебе сказать, — замялся замкомвзвода. — Ты, конечно, мужик крепкий, но вот весовые категории у нас с тобой... сам понимаешь. Нет, какого-нибудь обычного баклана здорового ты, да еще с “пээр”, одолеешь, спору нет. А вот меня... Я же не меньше тебя тренированный, мне вооружённого палкой спеленать — раз плюнуть. Даже такого, как ты.

— Может, попробуем? Ты с ножом, а я с “пээр” — в запальчивости выпалил я и тут же пожалел об этом: моя фраза была услышана солдатами, и теперь три десятка пар глаз мгновенно устали на нас с Шилиным.

— Саньч, брось, не хватало ещё на глазах у бойцов позориться... — понизив голос, попытался урезонить меня Александр.

— Нет уж, давай попробуем, — упорно повторил я, ибо отступить было некуда.

— Как знаешь, — предчувствуя мой проигрыш, вздохнул Шилин.

Взяв у ближней пары солдат учебный нож, он сделал несколько шагов назад, выходя, пока я вооружусь резиновой палкой.

— Ну что, начали?

Осторожно ступая, как на борцовском ковре, прапорщик начал медленно подходить ко мне, выставив вперёд клинок.

— Чур, по колену, голени и это... в общем, ниже пояса не бить! — негромко предупредил он меня.

— Замётано.

Перехватив поудобнее “пээр”, я сделал вид, что отступаю. Выждав момент, резко шагнул вперёд, взмахнув каучуковой дубинкой, словно хотел достать “противника” по макушке.

Расчёт оказался верен: Шилин выбросил вперёд руки, намереваясь левой перехватить палку, и заученным рывком свалил меня на землю. Но в следующее мгновение я резко изменил траекторию удара, хлестнув по тыльной стороне кисти прапорщика.

Нож шмякнулся на песок, а замкомвзвода, отступив назад, болезненно сморщился, потирая ушибленную руку.

— Ну и хитёр ты, Саньч, — сдавленно прошептал он мне и тут же, совладав с собой, нахмурившись, обратился к наблюдающим за поединком солдатам: — Ну, кто скажет, по

какому принципу действовал прапорщик Алексеев, обезоруживая противника, превосходящего по силе и весу?

— Разрешите ответить? — тут же подал голос Тужиков. — Прапорщик Алексеев с помощью штатного спецсредства воздействовал на атакующую конечность согласно инструкции по применению ПР-73.

— Молодец! — похвалил солдата Шилин. — Всё верно. Так что запомните: резиновая палка всегда применяется в первую очередь для ударов по рукам и ногам, а не по голове. Во-первых, бить по жизненно важным частям тела запрещено законом, а во-вторых, посудите сами: если бы прапорщик Алексеев попытался мне захватить, к примеру, по лбу, то я бы без труда не только отбил “пээр”, но и скорее всего запросто завладел спецсредством. А тут всё было правильно: Константин Александрович не стал рисковать и приблизиться к вооружённому ножом противнику, а

Помнится, я промолчал тогда в ответ, не желая продолжать извечный, набивший оскомину спор.

***

С того дня прошло примерно месяца полтора. Молодые уже полностью освоили необходимый минимум навыков и заступали на патрулирование. В числе первых отличился не кто иной, как Тужиков, взяв с полчищем подростков из интерната, пытавшихся вскрыть припаркованный у магазина автомобиль, дабы поживиться дорогой импортной магнитолой. А ещё спустя неделю боец вновь задержал очередного злодея, да какого!

Как назло, в тот день у меня выдался редкий выходной, поэтому о случившемся я узнал постфактум от ротного.

— Ну наконец-то! — воскликнул он, увидев меня. — Ты же у нас с пятиницы за взводного остался!

Подтянуться на перекладине он мог почти тридцать раз, а полосу препятствий одолевал с такой лёгкостью, что ему позавидовал бы киношный человек-паук. Да и внешний вид солдата не мог не радовать: всегда аккуратный, подтянутый, с отполированными до блеска берцами. А вдобавок ко всему ещё и на редкость старательный, исполнительный, никогда не унывающий. Словом, золото, а не боец. При множестве плюсов Тужиков имел единственный недостаток — рост его едва достигал метра шестидесяти, а фигурой солдат и вовсе напоминал тщедушного подростка, одетого в милицейскую форму. Впрочем, в тот весенний призыв далёкого девяного восьмого среди молодого пополнения было немало парней, мягко говоря, небогатерского сложения.

на расстоянии выбил “перо”. Так что учитесь, молодёжь! — подытожил он.

... — А всё-таки мой тебе совет: поговори с ротным насчёт Тужикова. — Эти слова Шилин произнёс, когда мы возвращались в казарму. — Писарь ведь наш осенью на дембель уходит. По мне, так лучше твоего Фёдора на это место не сыскать. Боец грамотный, аккуратный, конспекты

— загляденье! А то на ППС, не дай бог, нарвётся на какого-нибудь отморозка... Жаль будет, если покалечат парня...

— Так точно.

— Так давай быстрее подписывай представление, чтобы завтра комбат его в дивизию отнёс.

— Какое ещё представление? На кого? — не понял я.

— На твоего Тужикова. Сам комдив приказал в понедельник в штаб соединения все бумаги на награду представить!

— Ничего себе! — Я оторопело уставился на бланк, где в последнем абзаце значилось: “...За высокие показатели в боевой и профессиональной

подготовке в период прохождения военной службы и за личные отвагу и мужество при задержании особо опасного вооружённого преступника рядовой Тужиков Фёдор Владимирович представляется к медали “За отличную службу по охране общественного порядка”.

— Это кого же он повязал? — приди в себя, изумлённо произнес я. — И когда?

— Да вчера, когда ты, Саньч, отдыхать изволил, — ответил за капитана вошедший в канцелярию Шилин. — Я как раз дежурным по войсковому наряду заступил. Только успел два маршрута проверить, как из штаба сигнал поступил срочно на станцию мчаться.

...В тот вечер Тужиков и Лучко дежурили вблизи одной из железнодорожных платформ. Фёдор первым обратил внимание на коротко стриженного мордоворота в кожаной куртке, настороженно зыркающего по сторонам. Да и физиономия его показалась солдатам знакомой.

На просьбу старшего войскового наряда предъявить документы “браток” напряжённо кивнул и полез во внутренний карман куртки. Однако вместо паспорта в руке албала неожиданно блеснул пистолет.

— А ну тихо, салага, завали! — прошипел он, наставив его на сержанта.

На стоявшего сбоку Тужикова бандит не обратил внимания: как может этот худосочный заморыш? А зря. Только браток на миг обернулся на шум подходящего поезда, Фёдор что есть силы ударил его дубинкой по руке с пистолетом.

Ствол полетел на перрон. Мордоворот охнул, схватившись за кисть, а Тужиков тут же отфутобил оружие, одновременно ещё пару раз давнув албала “пээр” по рукам и добавив тяжёлым армейским берцем под колено.

Бандит со стоном осел на платформу. Опомнившийся Лучко навалился на него сверху, заламывая руку. Ещё спустя полминуты на выручку к солдатам прибежали два милиционера, дежуривших на другом конце перрона.

Задержанным оказался находящийся в розыске отморозок из одной подмосковной “бригады”, неделю назад застреливший двоих своих подельников. Забирать его в линейный отдел милиции приехал аж целый полковник из “убойного” отдела управления уголовного розыска...

... — Ну дела-а-а! — восхищённо протянул я, выслушав рассказ ротного и Шилина. — Ну Тужиков, ну красавчик! Кстат, а где он сам?

— Где-где... — добродушно усмехнулся капитан. — К завтрашнему строевому смотру готовится. Он же у тебя акуратист каких поискать!

Тужикова я нашёл в бытовке. Сосредоточенно нахмурился редкие белёные брови, он усердно наводил утюгом стрелки на серых форменных брюках.

— Ну Фёдор! Прямо слов нет! — Я от души обнял солдата. — Как же ты не испугался, брат, на такого мордоворота да вдобавок со стволом ринуться?

— Скажете тоже, товарищ прапорщик, — смущённо зарделся боец. — Ещё как струхнул, когда он на Лучко ствол наставил.

***

Всю дорогу до дома я вспоминал тот короткий спор с соседом по эскалатору. Кто знает, если бы нам удалось поговорить подольше, возможно, и изменил бы мой попутчик своё мнение о солдатах внутренних войск, что каждый день заступают на маршруты патрулирования. Да, их служба и впрямь с первого взгляда кажется обычной, ничем не примечательной. Но если присмотреться повнимательнее, вникнуть в её суть, то картина выглядит совсем иной.

Вот только официальная статистика: в городах, где несут службу бойцы СМВЧ, уличная преступность сократилась как минимум на двадцать-двадцать пять процентов. А вот данные из УВД по охране Московского метрополитена: с тех пор, как туда в помощь милиции были приданы военнослужащие 55-й специальной моторизованной дивизии Центрального регионального командования внутренних войск, число правонарушений в столичной подземке уменьшилось на добрую треть. Оно и понятно: только один вид солдат в милицейской форме сразу отрезвляет шпану и разного рода ухажер. И не столь важно, каковы с виду служивые: гренадёрской ли стати или же невзрачные на первый взгляд, вроде моего бывшего подчинённого Фёдора Тужикова, лихо спеленавшего здорового бандита со стволом.

“Единичный случай!” — усмехнуться скептики. Да нет, не единичный. Помнится, пару лет назад, будучи в командировке в воронежском полку

СМВЧ, я фактически стал свидетелем того, как рядовые Алексей Менцеров и Фазил Ильгубатов обезвредили двоих отморозков, грабивших возвращавшуюся из театра супружескую пару. Гоппики без промледения пустили в ход ножи, едва глава семейства попытался сопротивляться. И сто к одному стал бы этот вечер для мужчины и женщины последним в жизни, если бы их крики не услышал войсковой наряд. Парни действовали чётко и решительно: в мгновение ока выбили у нападавших ножи, “успокоили” злодеев с помощью резиновых палок, самостоятельно заковали в наручники, прежде чем на выручку солдатам примчался дежурный по войсковым нарядам. И даром что Менцеров, что Ильгубатов внешне были далеко не богатырями, а задержанные ими преступники — косяя сажень в плечах.

А недавнее происшествие в Хабаровске, где трое ранее судимых за разбой рецидивистов зарезали таксиста из-за выручки? Как потом выяснилось, за ними тянулся длинный шлейф подобных преступлений. А точку в этой кровавой череде поставили опять же простые солдаты внутренних войск ефрейтор Артём Якунин и рядовой Василий Котюков, обезоружив и задержав негодяев на месте преступления.

А уж рядовому Ивану Шулекину из столичного соединения СМВЧ в нашем журнале был посвящён целый очерк. И было о чём писать: солдат, будучи в форме, во время несения службы на маршруте, помимо дебоширов и грабителей, неоднократно ухитрялся брать с полчищем... карманников! Да-да, именно тех самых щипачей, которых порой не могут повязать и матёрые оперативники, специализирующиеся на пресечении подобных краж. А тут обычный боец-срочник умудрялся усыпить бдительность ворихе и прихватить их прямо в момент совершения злодеяния, с неопровержимыми уликами. Каждое новое задержание Ивана было мастерской оперативной импровизацией. Шулекина так и прозвали сослуживцы — Маэстро.

И таких случаев множество. В общем, что бы ни говорили отдельные скептики, а в войсках по-прежнему служат не тужат рядовые Тужиковы. И служат самоотверженно, на совесть.

★
Майор Константин АЛЕКСЕЕВ
Фото из архива редакции

КИСЛОВОДСКИЙ ФОРПОСТ

Осенью 1991 года в мятежном Грозном вооружённые сторонники Дудаева блокировали подразделения Российской армии и МВД. Одним из них был батальон СМВЧ. События той поры изложены в книге «ВВ: кавказский крест», автор которой наш коллега член Союза писателей России полковник в отставке Борис Карпов. Воины внутренних войск неделю оборонялись, находясь в кольце блокады, а потом врукопашную дрались с прорвавшимися в часть бандитами.

Против 152 солдат правопорядка стояли 700 вооружённых, в том числе и пулемётами, дудаевских гвардейцев. Комбат спрятал печать воинской части в бронежилет, а к ключам от ружья пристегнул гранату. Перед штурмом он успел уничтожить ключи шифровальной аппаратуры, а знамя батальона уже было на квартире надёжного русского.

Уходя из батальона, наши несли раненых на себе (их было 52 человека). Дудаевцы пытались обыскивать военных, говорили, что, если найдут оружие, расстреляют на месте. Из Грозного военнотружущие выезжали с сопровождающими от Дудаева, уходили через Северную Осетию. Потом личный состав прибыл в Пятигорск.

Воспоминания комбата:

Поселили нас в учебном пункте. На третий день приехал командующий. Он мне сказал: "Я расформирую вашу часть буду". Ну, как я понял, как деморализованную после всех этих дел. Я всех солдат собрал в столовой. Командующий сказал: "Все будете направлены служить в другие места". Встал солдат и обратился к генералу: "Товарищ командующий, мы хотим служить вместе со своими командирами. Просим часть оставить". Командующий: "Кто за это предложение?" Все подняли руки. А мы с замполитом заплакали — у нас нервы не выдержали. Мы не в состоянии были терпеть. Ну и всё — судьба наша решилась, часть нашу сохранили. Знамя есть, печать есть, есть солдаты, есть командиры".

Местом постоянной дислокации батальона стал Кисловодск. Казалось бы, вот она, долгожданная благодать после хождения по кругам адovým — служба в курортном городе. Но, разумеется, расслабиться никому не пришлось.

***

С бывшим командиром взвода

старшим прапорщиком Артёмом Григорьяном я разговаривала в Кисловодске. Он служил в батальоне с 1994 года. Сейчас уже на пенсии, но на предложение встретиться с войсковым журналистом и вспомнить былые отклики охотно. Начал, пожалуй, с главного:

— Когда я пришёл в батальон, там служили те, кто в 1991-м выводил часть из Грозного. Радует, что старая гвардия и сейчас в строю. Начальник продовольственной службы старший прапорщик Борис Борзых со своими подчинёнными, рискуя неимоверно, вывез из Грозного всё, что было возможно. То же самое сделала начальник секретной части Валентина Шилко. У неё выслуга за 30 лет, она службу знает идеально, не раз признавалась лучшей секретницей тогда ещё Северо-Кавказского округа внутренних войск. Начальник финансовой службы Нина Двойнос тоже человек старой закалки. Достойные люди. Тогда они просто выполняли свой долг, но есть в этом что-то героическое.

В 1995 году в Чечне батальон выполнял задачи по охране оперативно-тактической группировки в станице Ассиновская, военнотружущие несли боевую службу на заставах в Ачхой-Мартановском районе около села Самашки. В 1996-м выехали в командировку в Пригородный район Северной Осетии, где ещё тлел осетино-ингушский конфликт, и любой провокации было достаточно, чтобы тишину зыбкого мира вспороли автоматные очереди. В 1997 году в Карачаево-Черкесии выставляли блокпосты для огневой прикрытия сотрудников внутренних дел. Тогда в Мало-карачаевском районе около посёлка с символическим названием Мирный бандиты ночью обстреляли блокпост. Контрактники внутренних войск братья Иштуловы не растерялись в чрезвычайных обстоятельствах. Быстро заняли позиции и ответили огнём из "калашей".

В 1999-м, когда в Черкесске происходили многотысячные митинги с призывами свергнуть действующую

власть, воины батальона охраняли Дом правительства, не допуская прорыва к зданию разъярённой толпы. А ведь и в месте постоянной дислокации в Кисловодске патрульно-постовую службу никто не отменял. Выходили на маршруты туда, где всегда многолюдно, — в районы железнодорожного вокзала и центрального рынка, на главный городской бульвар — Курортный. Однажды во время проверки паспортного режима в гостинице "Кавказ" задержали двух мужчин, которые, как выяснилось позже, находились в федеральном розыске.

— В 90-е годы к нам в подразделение приходили физически крепкие, грамотные молодые люди, со средним образованием, — вспоминает мой собеседник. — Сейчас ситуация несколько другая. Образовательный уровень призывников стал ниже, к тому же у 40 процентов парней недостаточный вес. А ведь в СМВЧ отбор должен быть такой же, как в спецназ. Судите сами: система физической подготовки, методика рукопашного боя для наших подразделений точно такая же, как для частей специального назначения. Эта проблема существует не первый год, и её надо решать. Я говорю об этом потому, что душа болит за батальон. Ведь в Кисловодске, который к тому же граничит с неспокойной Карачаево-Черкесией, это серьёзная сдерживающая сила на случай возникновения ЧП.

***

Сегодня батальоном командует майор Александр Тарасов. С его подчинёнными познакомилась на следующий день. На пятигорском ипподроме в рамках Фестиваля дружбы народов Северного Кавказа проводились скачки на приз полномочного представителя Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе Александра Хлопонина. На мероприятие съехались главы субъектов самого южного российского округа. В обеспечении безопасности были задействованы представители

Патрулирование на железнодорожном вокзале

всех силовых структур региона, в том числе и военнослужащие внутренних войск из Пятигорска и Кисловодска.

В тот день в батальоне был ранний подъём. Колонна выдвинулась в Пятигорск, когда ещё не испарилась ночная роса на траве. А когда подъехали к ипподрому, воздух уже был горячий, сухой. И ни порыва ветерка. Солдатам предстояло несколько часов кряду стоять на солнцепёке.

Заместитель командира батальона по работе с личным составом майор Сослан Саповев ставит задачу подчинённым:

— Держим одинаковый интервал по всему периметру. Распределяем силы в пределах визуальной видимости. Чтобы с той стороны, — он показывает на частный сектор, — никто к ипподрому не подходил.

Личный состав рассредоточивается по периметру, образуя второй рубеж заслона. В первом — оמוновцы. Даже если приглядеться, их сложно заметить в зелёнке. Это мы у них как на ладони, а значит — и потенциальный противник тоже. Скачки начались. Солнце в самом зените. Подхожу к одному из солдат, рядовому Сер-

Командир взвода обеспечения боевой службы капитан Пётр Бобровник

гею Логинову. И хотя ему к жару не привыкать (родом из Краснодарского края), видно, что тяжело парню, но держится молодцом.

— Для нас это обычная работа, — говорит Сергей, щуря глаза на солнце. — В прошлом году в День города вот так же стояли в оцеплении на стадионе в Ессентуках. С двух часов дня до двенадцати ночи дождь лил как из ведра, все промокли до нитки, но терпели. Служба приучает терпеть. Пом-

ню, в Лабинске проходило ротовое тактическое учение, мы занимались в полном обмундировании. Тяжко было, но интересно. Ребятам нравятся занятия по боевой подготовке. К примеру, тема “Тактика ведения боя в городе”. Нас учили, как выживать при ведении боевых действий. Я не пожалел, что попал во внутренние войска. Мой отец Владимир Фёдорович — офицер запаса. Служил в пожарной части, у него в подчинении были лю-

2010 год. Посещение батальона Президентом России Дмитрием Медведевым и главнокомандующим внутренними войсками генералом армии Николаем Рогожкиным

ди. Он очень ответственный человек. В детстве я мечтал пойти по стопам отца. Хотел в военный институт поступить, но не прошёл медкомиссию по зрению. Окончил филиал Всероссийского государственного социального университета в Анапе. Много нужно там почерпнул, и служба много дала. К родителям теперь отношусь по-другому, больше стал ценить их. Понял, как важна поддержка близких людей.

— Да, армия учит тому, о чём раньше не задумывался, — продолжает разговор заместитель командира взвода младший сержант Григорий Григоращенко. — Мы выходим на маршруты там, где постоянно большой поток людей. Кто-то спрашивает дорогу, у кого-то необходимо проверить документы. Командиры учат в любых ситуациях быть корректными и вежливыми. Случаи бывают разные, но необходимо справляться со своими эмоциями. Нужна выдержка. Я уверен, это качество в дальнейшей жизни очень пригодится. Знаете, какое у меня было первое положительное впе-

чатление от внутренних войск? Капитан Марат Салахитович Гасанов. Нас только привезли, и мы увидели человека, который сидел на скамейке около плаца на самом солнцепёке. Он был спокоен, в нём заметна была сила и мужественность. Сказал нам: “Не переживайте. Вам всё объяснят”. И мы сразу почувствовали себя увереннее.

...В это время мимо нас прошли связисты батальона. На память прищёл наш разговор с начальником ра-

диоузла прапорщиком Виктором Моисеевым и командиром взвода обеспечения боевой службы капитаном Петром Бобровником. Пётр Петрович, рассказывая про своих солдат, обмолвился, что учит их, но и сам че-

Охрана общественного порядка на ипподроме

Занятия по строевой подготовке

му-то учится у подчинённых. Вспомнил офицер водителя-электрика командно-штабной машины рядового Дмитрия Колесникова. Этот специалист был нарасхват, потому что руки у него золотые. За полтора месяца он, можно сказать, поднял с колен КШМку, которая до него годами бегала permanently неисправная: починил электропроводку, привёл в порядок тормозную систему и ходовую часть.

Офицер рассказал и об аккумуляторщике рядовом Александре Постникове. Это его трудами в батальоне восстановлены кабельные линии связи, да и весь текущий ремонт радиостанций и телефонов был на нём. Как-то на учениях капитан Бобровник поставил подчинённому задачу установить внутренний городской телефон на КП и обеспечить радиоканал. Через 15 минут тот доложил: "Задача выполнена". Этому солдату можно было доверять смело.

А вот рядовой Борисенко, который до поры до времени ничем себя не проявлял, однажды приятно удивил. На полевых занятиях командир взвода не уставал повторять бойцам: "В бою необходимо сохранить радиостанцию". И однажды в поле из-под одной машины повалил густой дым, что-то случилось с электропровод-

кой. Борисенко кинулся к автомобилю, схватил две радиостанции и бегом обратно. Вот так достойно проявил себя в чрезвычайной ситуации этот неприметный с виду солдат. За разумную инициативу командир батальона объявил рядовому благодарность.

— Тучи набегают, идите-ка вы в машину, — предложил майор Сапоев. — А то сейчас ливанёт.

И ливануло. Скачки закончились, награждение состоялось, но войны батальона продолжали оставаться на своих позициях. Подумалось: всё-таки большую выдержку и терпение надо иметь, чтобы вот так, весь день (а уже вечерело) нести службу то под палящим солнцем, то под проливным дождём.

* * *

Живёт батальон. На его базе проходят сборы медиков, спортсменов, представителей воинских частей внутренних войск со всей страны. В прошлом году в кисловодском батальоне побывал Президент России Дмитрий Медведев. Он наградил отличившихся во время выполнения боевых задач военнослужащих Северо-Кавказского регионального командования. Также президент ознакомился с учебным процессом в подразделении, вооружением и техникой.

Сегодня в районе Кавказских Минеральных Вод, самого тревожного

российского региона, спокойно. Но если грянет беда, военнослужащие СМВЧ справятся с поставленными задачами. Так же, как в 2000 и 2001 годах, когда срочно выезжали в Карачево-Черкесию на спецоперации и были признаны лучшими в округе по результатам служебно-боевой деятельности. Так же, как в 2002-м, когда принимали участие в ликвидации последствий стихийного бедствия, вызванного проливными дождями, в Пятигорске, Кисловодске, Минеральных Водах, Черкесске. Так же, как в 2005-м, когда в ходе спецоперации "Вихрь-Антитеррор" в Нальчике выполняли боевые задачи по поиску и блокированию боевиков.

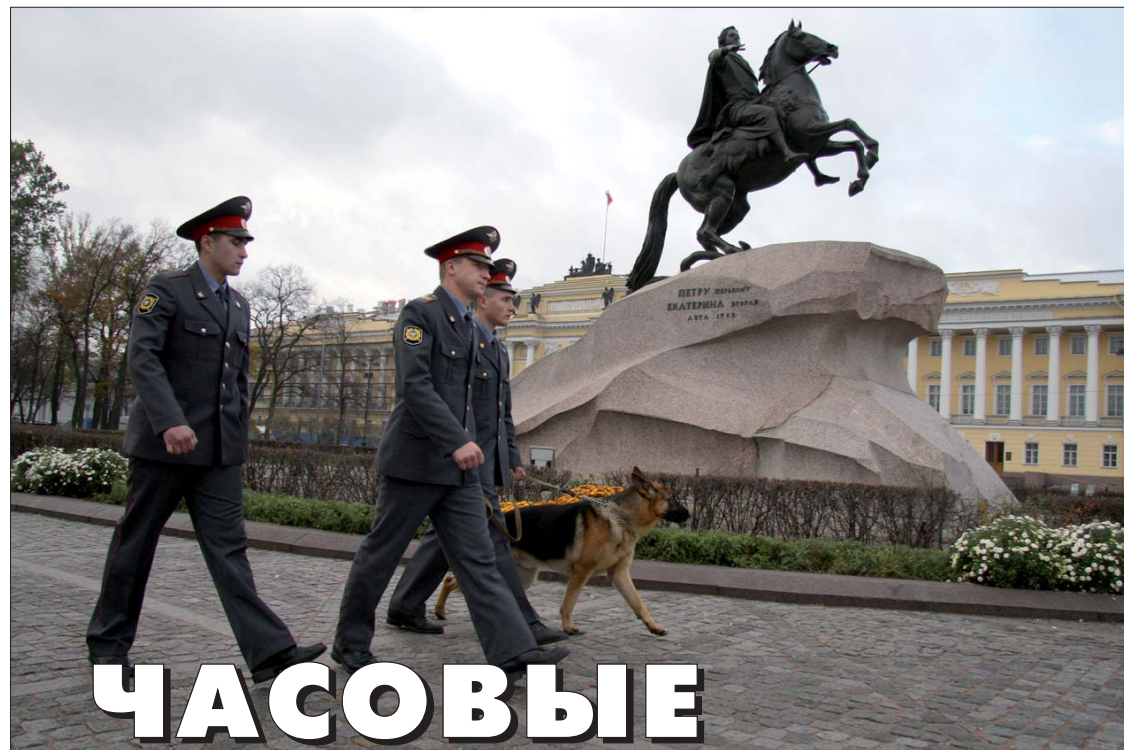
В батальоне служат люди, верные долгу, преданные делу. Они любят город, покой которого охраняют, и этот удивительно красивый, с небом синее синего и внезапно падающими сумерками южный край, про который Лермонтов сказал:

*Как сладкую песню Отчизны моей
Люблю я Кавказ!*

Здесь их семьи. Здесь растут их дети. Это их родной дом. А что может быть важнее в жизни человека? Поэтому они знают, что события осени 1991-го, которые произошли в Грозном, тут не повторяются. Это их форпост. Отсюда уходить некуда, и они не уйдут.

Майор Елена ЖАРНИКОВА
Фото Сергея КОРЕЦ и

ЧАСОВЫЕ ПИТЕРСКИХ УЛИЦ

Жители Санкт-Петербурга привыкли видеть людей в полицейской форме на футбольных матчах, концертах, да и просто в оживлённых районах города. Многие, не задумываясь, принимают их за сотрудников полиции, не обращая внимания на молодость этих служителей закона. На самом деле они военнослужащие специального моторизованного полка внутренних войск, который 30 сентября отпразднует 45-летие. Без личного состава этой воинской части не обходится ни одно массовое мероприятие в северной столице. Их постоянно направляют туда, где собственных сил полиции недостаточно.

КАЗАРМЫ ИЗМАЙЛОВСКИХ ГВАРДЕЙЦЕВ

В здании, которое сейчас занимает Санкт-Петербургский специальный моторизованный полк, когда-то располагались офицеры Измайловского гвардейского полка. Он был третьим полком лейб-гвардии в России, сформированным в 1730 году подполковником Хрущёвым по повелению императрицы Анны Иоанновны. В Измайловский, как и в другие гвардейские полки, набирали рослых, физически сильных муж-

чин. А их внешним отличием от сёмёновцев и преображенцев, помимо цвета мундира, был тёмный цвет париков.

Наименование полка было дано по названию любимой подмосковной резиденции Анны Иоанновны. В начале XIX века дорога, проходившая через слободу полка, получила название Измайловского проспекта. Измайловская слобода была прорезана прямыми улицами, носившими названия расквартированных на них рослых, физически сильных муж-

надцатая улица называлась Заротной; там была расквартирована нестроевая команда. После октября 1917 года эти улицы были переименованы в Красноармейские с соответствующими порядковыми номерами.

Напротив расположения полка находится Троице-Измайловский собор, заложенный в 1828 году в день Пресвятой Троицы и освящённый после завершения семилетнего строительства. Это огромное четырёхкупольное здание вмещает более 3 000 человек, а его главный купол —

голубой, когда-то усыпанный золотыми звёздами, виден за несколько километров.

В августе 2006 года загорелись строительные леса, установленные для реставрации собора, начался сильный пожар. Пламя занялось, когда в храме шла служба. Внешние конструкции большого купола собора обрушились. На помощь людям, запертым огнём с собора, поспешили военнослужащие полка: приехав на автобусе, вместе со священнослужителями спасли церковные ценности...

ДЛЯ УСИЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Решение о создании в составе внутренних войск специальных моторизованных частей милиции было принято в Министерстве охраны общественного порядка СССР в 1966 году на основании постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о мерах по усилению борьбы с преступностью. Первоначально были созданы три полка – в Москве, Ленинграде и Киеве.

Первым командиром ленинградского полка стал Николай Мартынович Хуторной – ветеран Великой Отечественной войны, имевший огромный служебный и жизненный опыт, который очень пригодился при создании новой воинской части.

Большинство офицеров пришли в полк из частей МГБ или армии, некоторые – из милиции. И для тех, и для других в новой службе многое было в диковинку: войсковые офицеры не имели опыта выполнения задач по охране общественного порядка, для милиционеров непривычной была работа с военнослужащими по призыву.

В момент формирования полк размещался на улице Халтурина (нынешней Миллионной). Для патрулирования выделяли автомобили ГАЗ-21 и ГАЗ-69. Автомобиль полагался не только каждому дежурному по войсковым нарядам, но и каждому старшему патрульной группы.

В то время, как и сейчас, основными «клиентами» войсковых патрулей были пьяницы, дебоширы, люди без определённых занятий и мелкие хулиганы. Их задерживали и доставляли в ближайший отдел милиции. Благодаря добросовестности военнослужащих задержанных было так много, что милиционеры еле успевали всех оформлять и спуска какос-то

время стали при случае с опаской интересоваться, в каком районе сегодня работает полк. Примечательно, что пьяниц и хулиганов часто возили на «Волгах». Легковые машины в то время ещё не стали привычным

транспортом на городских улицах, и прохожие с удивлением наблюдали, как подвыпившего гражданина милиционеры увозят на роскошной машине, на которой многие добропорядочные граждане только мечтали

НА БОЕВОМ ПОСТУ

покататься. Примерно через год «Волги» заменили на УАЗы.

Начиная с первого же призыва, командование вновь сформированной части старалось комплектовать подразделения полка призывниками из Ленинграда, мотивируя это тем, что молодые солдаты из других регионов приходилось долго учить хоть немного ориентироваться в городе. Существовал другой, не менее важный принцип комплектования милицмейской части: служить в ней наврядлились молодые люди с не менее чем десятком классами образования.

ПРОВЕРКА ОЛИМПИАДЫ

Помимо патрульно-постовой службы, одним из важнейших предназначений полка было и остаётся обеспечение общественного порядка при проведении массовых мероприятий. Ни один футбольный матч, большой концерт или политическая акция не обходится без участия военнослужащих в полицейской форме. И как показывает практика, подразделения специальной моторизованной части никогда не сидят без дела на таких мероприятиях.

За последние годы обеспечение событий международного масштаба стало для личного состава полка привычным делом. В 2003 году широко праздновалось трёхсотлетие Петербурга. Спустя три года в городе на Неве прошла встреча лидеров государств «Большой восьмёрки». Ежегодно в северной столице проходит Международный экономический форум, нынешний стал уже пятнадцатым по счёту.

Но первой серьёзной проверкой на профессионализм для воинской части была Олимпиада 1980 года. Главным объектом охраны в Ленинграде на две олимпийские недели стал стадион им. С.М. Кирова.

Полк в те дни выполнил свою задачу безукоризненно. Все военнослужащие получили грамоты, подписанные министром внутренних дел. В подшивке газеты Северо-Западного регионального командования внутренних войск «Защитник Родины» за тот период есть материалы, рассказывающие о конкретных эпизодах службы в дни Олимпиады. Вот только некоторые из них.

«Старший сержант Анатолий Путинцев заступил на пост по охране автотранспорта на стоянке. Он сразу обратил внимание на туриста, кото-

рый задержался у автобуса дольше остальных. С беспечным видом тот закурил, облокотившись о машину. А потом не спеша пошagal к трибунам, оставив два небольших свёртка около багажника. Старший сержант Путинцев немедленно задержал неизвестного. Оставленные им предметы предназначались для нарушения общественного порядка».

«Прапорщик Нугзар Кадейшвили обратил внимание на группу иностранцев, столпившихся недалеко от проходного турникета. Прошёл мимо, увидел: какой-то неизвестный проводит с окружающими денежный обмен. Прапорщик Кадейшвили внезапно подошёл к подозреваемому и попросил предъявить документы. Тот попытался скрыться, но безуспешно. Задержанного сдали сотрудникам милиции, которые подтвердили: это был валютный спекулянт».

«В перерыве между соревнованиями зрители чересчур активно спешили к торговым точкам. Создалась толчея. Дав указание рядовому Мельнику, сержант Никулин вместе с ним не только восстановил порядок, но и задержал неизвестного, который фотографировал происходящее. Задержанный действовал по указанию определённых лиц, пытаясь опорочить организацию Олимпиады».

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

До конца 1980-х годов полк выполнял задачи исключительно в Ленинграде. Однако среди военнослужащих части уже тогда были люди, побывавшие в различных горячих точках и районах чрезвычайного положения.

Когда полк только создавался, в его рядах оказались офицеры, прошедшие Великую Отечественную. Среди них Виктор Александрович Ключин и первый командир полка Николай Мартынович Хуторной.

В полку служил Павел Иванович Озеров. Он был замполитом заставы в Чернобыле практически с самого начала работ по ликвидации последствий аварии. Ряд военнослужащих прошёл войну в Афганистане: Борис Павлович Хатков, Евгений Брониславович Шиков, Хайбула Гаджиевич Алиев. А Иван Павлович Бабенко послужил прообразом корректировщика артиллерийского огня в фильме «Девятая рота».

Знания и опыт этих людей пригодились полку в 1989 году, когда части довелось выполнять задачи в Степанакерте. Затем был Баку, где войсковой оперативный резерв возглавлял исполняющий обязанности командира полка подполковник Олег Андрущенко, который впоследствии четыре года ко-

мандовал полком. Далее последовали командировки в Ереван, Ленинскан, Фергану...

Первые серьёзные стычки военнослужащих полка с боевиками произошли в Азербайджане: бандинты устраивали засады, обстреливали блокпосты, но подразделения в большинстве случаев давали отпор без потерь со своей стороны. Были и различные диверсии, вроде толчёного стекла, которое однажды удалось своевременно обнаружить в партии хлеба, привезённой в воинскую часть.

Ещё была командировка в Габардино-Балкарию в 1992 году, где сводный батальон возглавлял майор Вадим Павлов, через несколько лет ставший командиром части. А взводом специального назначения тогда командовал старший лейтенант Сергей К. Его сослуживец Виктор Кутыр в одном из своих рассказов упоминает интересный эпизод.

Однажды вся часть была поражена известием, что Сергей перешёл на сторону боевиков. Ни у кого это не укладывалось в голове. Но вскоре офицеры стали замечать, что при планировании операций командир очень подробно рассказывал о предстоящих действиях боевиков и практически никогда не ошибался. Откуда он получал такую информацию, не знал никто.

Тайна раскрылась, когда в части появился Сергей, вскоре после своего возвращения представленный к ордену Мужества. Оказалось, старший лейтенант был внедрён в группировку боевиков и долгое время передавал информацию об их планах, с его помощью была проведена не одна успешная операция. Но агента раскрыли, и ему лишь чудом удалось спастись.

Вскоре из-за полученной травмы Сергея комиссовали, а его награжденные документы, по-видимому, затерялись в штабных канцеляриях. Справедливость удалось восстановить только год назад, и офицер получил-таки свою награду!..

В ГРОЗНОМ

В 1995-1996 годах полк выполнял служебно-боевые задачи в Ингушетии и Чечне.

В Грозный специальный моторизованный полк ввели осенью 1995 года. Его бойцам была постав-

лена задача охранять завод “Красный молот” и выставить КПП на реке Сунже возле президентского дворца. Подразделения ленинградского полка внутренних войск тогда первыми организовали патрулирование чеченской столицы вместе с местной милицией.

В августе 1996-го отряды боевиков попытались взять Грозный под свой контроль. Подвергся атаке и Дом правительства, охраняемый караулом полка. Несколько дней военнослужащие отбивались от бандитов. Затем огонь был прекращён – начало действовать перемирие. Солдаты и офицеры покинули охраняемое здание и направились к основным силам полка. Боевики хотели забрать у них автоматы, как того требовали условия прекращения огня, но караул с оружием не расстался. До своих тем не менее добрались благополучно.

Когда начался вывод войск с территории республики, командир питерского специального моторизованного полка получил приказ выдвигаться в Моздок. Произошло это в полночь, а начать движение следовало в 6 утра. В кромешной тьме военнослужащие сворачивали полевой лагерь, и с рассветом машины двинулись в путь. Несмотря на пресловутое перемирие, колонну почти сразу обстреляли, сожгли БТР, который пришлось бросить на дороге, сняв вооружение. Дальше шли уже в сопровождении боевиков через их блокпосты. А из Моздока до Петербурга – пять суток эшелонам. Так закончилась для питерцев первая чеченская.

За мужество и отвагу, проявленные при выполнении служебно-боевых задач, орденом Мужества награждён 21 солдат и офицер полка, медалью “За отвагу” – 9, медалью Суворова – 4 военнослужащих.

ВЫ В КАКОМ ПОЛКУ СЛУЖИЛИ?

Те, кто когда-либо служил в петербургской специальной моторизованной части, отвечают на этот вопрос с гордостью.

Ещё в конце 1960-х, когда полк формировался в основном из ленинградцев, это активно поддерживалось руководством местной милиции. На то были свои резоны:

милицейское начальство рассчитывало, что бывшие военнослужащие, имея за плечами необходимую подготовку, придут в органы правопорядка. Так оно нередко и происходило.

В своё время службу в специальном моторизованном полку прошли начальник Управления МВД России по Рязанской области генерал-майор полиции Анатолий Агошков, бывший заместитель начальника ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Игорь Лычак, несколько лет возглавлявший питерский ОМОН Константин Плотников, начальник УМВД по Адмиралтейскому району Петербурга Сергей Петров. Несколько генералов, начальников академий и школ милиции – также выходцы из петербургской СМВЧ. В 1997-1998 годах полком командовал полковник Павел Дашков, ныне – генерал-лейтенант, командующий войсками Северо-Западного регионального командования внутренних войск МВД России.

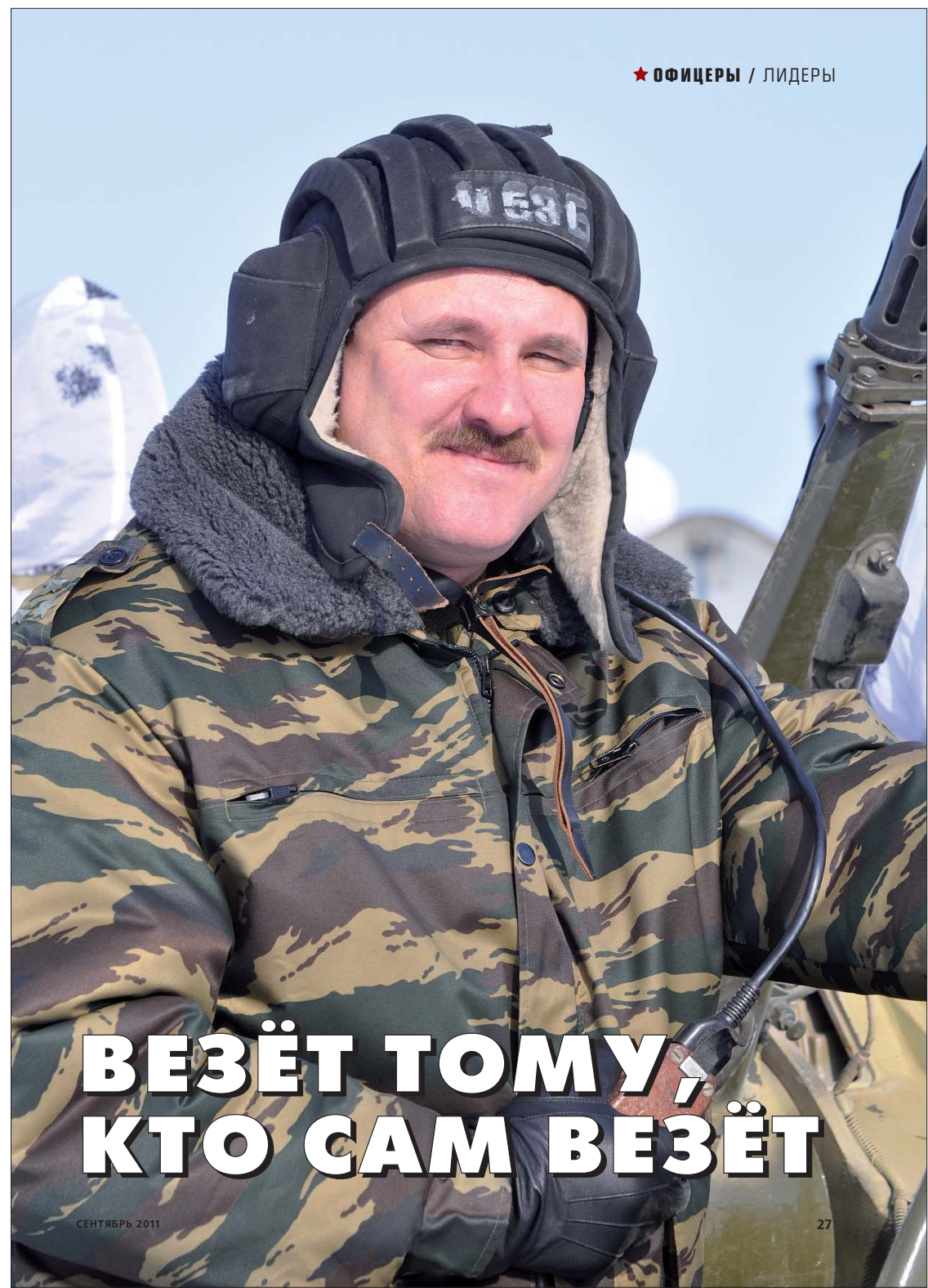
В своё время срочную службу в полку проходили Алексей Орлов и Сергей Булавин. Первый впоследствии занимал должность начальника ГУБЭП МВД России. Второй стал заместителем министра внутренних дел Российской Федерации. В числе тех, кто служил в этой воинской части, и нынешний первый заместитель полномочного представителя Президента России в Северо-Западном федеральном округе Александр Нестеров.

Много хороших традиций установилось в части за прошедшие годы. В советский период она неоднократно признавалась отличной, ей вручались переходящие Красные знамёна от командования дивизии и от МВД СССР. Не раз полк становился победителем различных соревнований.

Те солдаты и офицеры, которые сейчас служат в полку, являются достойными преемниками славных традиций. Они не раз доказывали, что им по плечу решение задач любой сложности, что петербургская СМВЧ и сегодня остаётся одним из важных инструментов поддержания законности и правопорядка в северной столице.

★
Капитан
Антон Смирнов

Фото из архива воинской части

ВЕЗЁТ ТОМУ, КТО САМ ВЕЗЁТ

Разорвавшая ночную тишину пулемётная очередь не застала врасплох бойцов охранения. Они давно привыкли к беспокойному огню. В то время “духи”, стараясь избежать открытого боя, использовали тактику “ударил – ушёл”. Однако крупнокалиберный пулемёт, который бандиты устанавливали то на автомобиль, то на запряжённую лошадыми повозку и использовали как кочующую огневую точку, сильно досаждал заставе. Дав несколько прицельных очередей, боевики тут же исчезали из поля зрения. Но в этот раз совсем обнаглели – стреляли с соседнего холма, практически в упор!

Во время второй очереди начальник охранения лейтенант Александр Пронькин уже давал целеуказания часовым сержантского поста, вооружённым, как и он сам, подствольными гранатомётами.

Третья очередь оказалась самой короткой. Едва затараторив, пулемёт замолчал: гранатные разрывы сначала отрезали боевикам путь отхода, а затем накрыли и саму “тачанку”.

Утром разведчики, прочесав местность, обнаружили разбитую повозку, искореженную станину пулемёта и обрывки окровавленных бинтов. Больше обстрелов заставы

не было. А лейтенанта наградили медалью Суворова.

***

Этот боевой эпизод из января 1995-го Александр Пронькин вспоминает не только из-за того, что он стал для молодого офицера боевым крещением. А прежде всего потому, что победа в том боестолкновении была одержана без потерь. Это был тот самый случай, когда успех достигается благодаря солдатской выучке и грамотной работе командира, которые и есть, в сущности, основа основ всякой победы.

Много воды утекло с тех пор. Александр Александрович успел исколесить практически всю Чечню и самые горячие места соседних с ней регионов. В первую чеченскую командовал взводом, бронегруппой, прикрывавшей работу пехоты и разведки. Уже приняв роту, участвовал в боях в Грозном в августе 1996-го. Во вторую кампанию, став командиром роты спецназа, прошёл большинство самых известных операций: Грозный, Алхан-Кала, Ахчой-Мартан, Катар, Гехи, Комсомольское, Элистанжи, Ведено, Ца-Ведено... Скучать его бойцам не пришлось, но задачи выполнили с честью.

Сам офицер не без гордости отметил, что вторую войну он закон-

чил без “двухсотых”. И тут же объяснил причину такого везения:

– С теми бойцами я год с полигона не вылезал. После боёв в Грозном самыми актуальными темами занятий стали оборона и продвижение штурмовых групп в городе. Когда азы были пройдены, в обучении всё чаще использовали ролевые игры. Роту делили на две половины: одна оставалась со мной, а другая уходила с моим заместителем старшим лейтенантом Эдуардом Рябцевым. “Воевали” друг против друга, поочередно меняясь ролями: то мы были “боевиками”, то они. Играть в такую войну бойцы были готовы бесконечно, в то же время в этих играх они получали жизненно необходимые навыки. Позднее, уже в Чечне, из пауз между боевыми выходами тоже старались извлечь пользу. Из трёх дней отдыха один уходил на пополнение запасов, второй – непосредственно на отдых, а третий – на работу над ошибками и подготовку к выполнению очередных задач.

Следующими в карьере боевого офицера стали должности начальника штаба, командира учебного батальона и начальника отделения боевой подготовки бригады.

Сегодня полковник Александр Пронькин – командир отдельного батальона оперативного назначения, расположенного в станции Червлённая. Вот уже несколько лет его часть числится в передовых, а по итогам служебно-боевой деятельности за прошлый год была признана лучшей оперативной частью в 46-й бригаде.

Естественно, я не мог не поинтересоваться у офицера, в чём секрет его успеха и что он считает в своей работе главным.

– Нет у меня никакого особого секрета, – без всякой рисовки сказал комбат. – Главным для военного человека во все времена была готовность к выполнению поставленных задач. По сути, вся наша служба и есть либо решение этих самых задач, либо подготовка к их выполнению. Основным гарантом успеха в любом деле, тем более в военном, всегда были и остаются люди. Именно поэтому первоочередная задача любого командира – создание коллектива единомышленников, подбор и подготовка кадров, которые и добудут победу. Мастерство руководителя во многом заключается как раз в том, чтобы уметь рассмотреть в каждом из подчинён-

ных изюминку, качества, которые можно использовать с максимальной отдачей. Что испытывает офицер при назначении на новую должность? В первую очередь гордость за то, что его заметили, оценили и доверили более ответственный участок работы. Затем некоторая эйфория сменяется пониманием того, насколько тяжела новая роль. Потом приходит здоровый азарт: доказать в первую очередь себе, а затем и всем вокруг, что это дело тебе по плечу.

Постепенно достигаешь такого уровня, когда соотношение затраченных усилий и полученного результата становится оптимальным. Высший пилотаж командирской деятельности – когда созданная система работает эффективно даже без твоего вмешательства. Самая любимая вводная, которую я чаще других подаю на полевых занятиях и учениях: “Командир убит!”. Если поставленная задача продолжает уверенно выполняться, значит, ротный либо взводный свой хлеб ест не зря. Если же после “потери командира” дело движется со скрипом – это повод для серьёзного анализа.

Первое, что я сделал, приняв батальон, – перенёс ежедневное совещание на час вперёд, а количество дней, выделяемых на занятия с сержантами и командирскую подготовку, увеличил. Кроме того, каждый командир, длительное время выполняющий задачи вне пункта постоянной дислокации, стал полу-

чать еженедельное индивидуальное задание. Основное внимание уделяем вопросам тактики служебно-боевого применения внутренних войск и умению принимать решения при изменении обстановки. В работе со вчерашними выпускниками вузов первостепенная задача – устранение традиционно слабых мест в методической подготовке и овладении боевой техникой.

***

Жёстко требует полковник не только с подчинённых, но в первую очередь с себя. Уровень собственной подготовленности Александр Александрович оценивает на четвёре с минусом. И в этом нет ни ложной скромности, ни кокетства: в 2008 году в финале общевойсковой конкурса служебного мастерства среди командиров частей он занял четвёртое место. И сделал для себя вывод: “Раз не первый – значит, ещё есть над чем работать”.

Первое же моё знакомство с системой боевой подготовки батальона показало, что её девизом вполне мог бы стать драгомировский принцип “учить солдат тому, что нужно на войне”. Львиная доля занятий посвящена именно тем вопросам, которые подразделение решают на практике. Для того чтобы по-настоящему чувствовать локоть товарища, люди ещё на полигоне работают в составе войсковых нарядов и манёвренных групп. Даже боевая стрельба подразделений, как правило, превращается в стрельбу заслонов и засад. Здесь, в Чечне, видимо, просто нельзя организовывать боевую подготовку по-другому. Экзамен на качество полученных знаний и навыков приходится дер-

жать не только и не столько перед проверяющими из вышестоящих штабов, сколько перед собой, во время ежедневной боевой работы.

Вот лишь один из примеров. В конце прошлого года ротная тактическая группа от батальона полковника Пронькина выполняла служебно-боевые задачи в Дербентском районе Дагестана. Передвижные контрольно-пропускные пункты, выставляемые его подчинёнными, действовали настолько эффективно, что криминогенная обстановка в районе в те месяцы заметно улучшилась, а ставшие одно время нормой обстрелы милицейских КПП из проходящего транспорта и вовсе прекратились.

***

Перед самым моим отъездом часть посетил заместитель командующего Северо-Кавказским региональным командованием генерал-майор Яков Петерс. Первым делом он проверил качество организации проходивших стрельб и полевых занятий, а после лично обошёл все объекты учебно-материальной базы. Известный своей требовательностью генерал излагал собственную точку зрения настолько эмоционально, что со стороны это выглядело как нагоняй за упущения по

службе. Комбату постоянно приходилось что-то доказывать, отстаивая свою точку зрения. Казалось, что к концу этой проверки от учебного городка не останется камня на камне.

Я выждал момент, когда Яковлевич остался один, и, представившись, попросил его поделиться впечатлениями от увиденного в батальоне. Каково же было моё удивление, когда генерал, который ещё минуту назад буквально рвал и метал, заявил:

— Впечатления очень хорошие! Лично я непосредственно с комбатом сталкиваюсь не часто. Но это и не важно, ведь лучше всего о человеке говорят результаты его дел. А они налицо: атмосфера в части рабочая, офицеры указаний сверху не ждут, а работают, так сказать, с упреждением. Судите сами: только за последний год возможности войскового стрельбища возросли вдвое, построена огненно-штурмовая полоса для специальных подразделений, а в городке ТСБП появилась целая «улица» для отработки поисковых мероприятий. Таких возможностей для учёбы в отдельных частях соединения больше нет нигде. Должен заметить, что и сами занятия проводятся в батальоне отнюдь не для галочки. Людей готовят для выполнения конкретных задач. Вы

обратили внимание на то, как проходила сегодня стрельба офицеров управления? Её возглавлял лично командир, и он же лучше всех выполнил упражнение из табельного оружия. Там, где существуют такие традиции, высокие результаты закономерны.

Мне показалось, что на этом генерал собирался закончить разговор, но, заметив, что я ещё чего-то жду, добавил:

— Вы, наверное, хотите спросить: бывают ли у комбата промахи? А как же без них! Не ошибается, как известно, только тот, кто ничего не делает. Иногда приходится слышать, как командиры разных степеней в случае этих самых промахов оправдываются, пеня на нерадивых подчинённых да на объективные причины. Так вот, у Пронькина, по его словам, подчинённые всегда молодцы, а текущие проблемы конечному результату не помеха.

Когда человек работает не покладая рук, даже обстоятельства оказываются на его стороне!

★
**Подполковник
Сергей КОРЕЦ**

Фото автора
и из личного архива
полковника
Александра ПРОНЬКИНА

СТЕПАН ТОПЧИЙ: СЛУЖБА НАЧИНАЛАСЬ В ОМСДОНЕ

Во внутренних войсках МВД России фамилия Топчий хорошо известна. Генерал-лейтенант Сергей Степанович Топчий с лейтенантских лет заслужил авторитет честного, преданного войскам офицера. Среди товарищей, соратников, командиров и подчинённых он снискал искреннее уважение. Прослуживший много лет в сибирских и уральских гарнизонах, с 1999 по 2003 год он был заместителем командующего войсками Московского округа ВВ МВД России по работе с личным составом, потом — заместителем главнокомандующего внутренними войсками МВД России — начальником управления по работе с личным составом ГКВВ МВД России. Сегодня он главный инспектор-координатор внутренних войск МВД России.

На протяжении многих лет приходилось видеть этого человека в разных обстоятельствах службы. Грамотный, трудолюбивый, отзывчивый, деятельный, он всегда отличался своим по-особому сердечным отношением к разным категориям военнослужащих, к их семьям, в особенности к тем, чьи близкие погибли при выполнении служебно-боевых задач. Постоянная опека и внимание со стороны Сергея Степановича адресовались ветеранам, участникам Великой Отечественной войны. Эта забота была и остаётся для него не просто должностной обязанностью, это для него — сыновний долг.

Не для красного словца вспомню сейчас, что при каждой нашей встрече первым вопросом был: «Как батя?» Когда отца моего, фронтовика, не стало, Сергей Степанович пришёл отдать последний долг ветерану внутренних войск, проститься и выразить соболезнование нашей семье.

Много раз беседовали с генералом Топчием на разные темы, касающиеся служебно-боевой деятельности наших войск, но никогда не заходил разговор о родословной Сергея Степановича. А ведь давно надо было затронуть и эту тему, которую журналисты обычно обозначают тради-

**Степан Иванович и
Александра Григорьевна Топчий
(1941 год)**

**Подполковник милиции
С.И. Топчий,
начальник Жердевского РОВД
Тамбовской области**

ционной рубрикой «Пути отцов — дороги сыновей».

Повод же для этой публикации самый подходящий — 18 августа нынешнего года исполнилось бы 95 лет Степану Ивановичу Топчию — фронтовику, офицеру Смерша, ветерану органов КГБ и МВД СССР, чей боевой путь начинался во внутренних войсках, в легендарной дивизии имени Ф. Дзержинского...

***

Отбор в эту дивизию особого назначения и был всегда особым: помимо высоких морально-политических качеств, крепкого здоровья необходима была и безупречная родословная. Степан Топчий подходил по всем статьям. Родившийся в семье крестьянина-бедняка, он к восемнадцати призывным годам успел поработать и в сельхозартели имени тов. Сталина, и слесарем-инструментальщиком на харьковском электромеханическом заводе. Был комсомольцем, крепким парнем...

Итак, в 1936 году началась его военная служба. В 1937-1939 годах, после окончания полковой школы, был командиром транспортного взвода. В книге учёта военнослужащих, проходивших службу в 1-м мотострелковом полку ОМСДОНа НКВД им. Ф. Дзержинского, имеется запись: «Убыл в ЛВО на белоянский фронт».

В документе, уже по линии КГБ СССР, другое подтверждение участия Степана Топчия в той войне: «6.XI. 1939 — 15.III. 1940 — командир транспортного взвода Особого отряда войск НКВД (группа особого назначения комдива Артемьева), финский фронт».

Документальных свидетельств о служебно-боевой деятельности того особого отряда практически не осталось. Но сам факт, что лично комдиву Артемьеву было поручено сформировать и возглавить отряд, говорит о важности и сложности порученного дела. В условиях той краткой зимней «войны незаманитой» бойцам и командирам дивизии войск НКВД надо

С.И. Топчий (шестой слева)
на сборе оперативного состава

было решать оперативно и грамотно отдельные, особые задачи.

В связи с окончанием войны и установлением новой границы между СССР и Финляндией для охраны северо-восточного побережья Финского залива в районе полуострова Койвис-то в составе пограничных войск Ленинградского округа был сформирован 103-й погранотряд, куда наряду с другими подразделениями войск НКВД были включены автотранспортная рота и транспортный взвод 1-го полка ОМСДОНА.

Уже оттуда Степан Топчий был направлен курсантом в Могилёвскую межкраевую школу НКВД СССР.

В первый же день своей второй – то была уже Великая Отечественная – войны он стал оперуполномоченным особого отдела НКВД 279-й стрелковой дивизии, которая сражалась с фашистскими захватчиками на Западном фронте. Бои были ожесточёнными. Офицерам-чекистам нередко приходилось поднимать бойцов в атаку либо отражать с оружием в руках атаки противника.

Младший лейтенант госбезопасности Степан Топчий 3 октября 1941 года получил множественные ранения в ноги и правую руку. На перекладных был отправлен на лечение. Эвакогоспиталь № 1922 дислоцировался в городе Кирсанове Тамбовской области. С этими местами в дальнейшем будет связана вся последующая служба и личная жизнь нашего вчерашнего омсдоновца.

У него, теперь уже оперуполномоченного Смерша, был ещё один длительный выезд за границу – в послевоенных 1946 – 1947 годах выполнял задачи в Центральной группе войск в Австрии.

В органах госбезопасности Степан Иванович прослужил до 1955 года, был уже в звании майора, когда в связи с оргштатными мероприятиями ему, офицеру опытному, побывавшему на двух войнах, награждённому двумя орденами Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги», предложили возглавить Тутуловский (с 1956 года – Жердевский) районный отдел внутренних дел Тамбовской области, где он проработал до 1961 года. И вновь реформы, теперь уже печально знаменитые хрущёвские. Вновь сокращение штатов...

Подполковник милиции Степан Топчий не мог оставаться бездельным пенсионером. Несколько лет он работал начальником дорожно-эксплуатационного участка, потом пять лет возглавлял автомотоклуб ДОСААФ – серьёзной организации, готовящей молодёжь к службе в армии и на флоте. Ему, в молодые годы получившему прекрасную выучку-закалку в знаменитой дивизии имени Ф.Дзержинского, а затем прошедшему фронтовыми дорогами, было хорошо известно, как учить допризывную молодёжь тому, что необходимо на войне...

Своего отца Степан Иванович не помнил, тот умер, когда крохе-сыну было всего-то два годика. Зато тесно общался в зрелые годы с отцом жены Григорием Семёновичем Левинным – кавалером ордена Красного Знамени ещё с Гражданской войны.

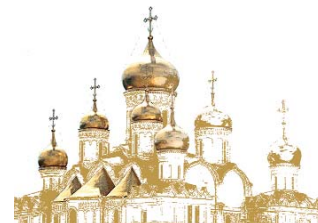
Из трёх братьев Топчий двоестарших – Егор Иванович и Александр Иванович – погибли на фронтах Великой Отечественной. Степан Ивановичу очень хотелось, чтобы у них с женой Александрой Григорьевной родился сын (две дочери, Лариса и Маргарита, уже подрастали). Сына, Сергея, дождался в 1954 году.

Степан Иванович очень гордился, что его наследник стал офицером, закончил военную академию. Несложно представить, как возмущался бы фронтовик, если бы дождался до того дня, когда его Сергей стал генералом, был назначен на одну из самых высоких должностей во внутренних войсках МВД России. Тех самых воюющих войсках, в которых Топчий-старший начинал свою солдатскую службу.

Генерал-лейтенант Сергей Степанович Топчий – человек радужный, семьянин примерный, в нашей беседе не без гордости ещё упомянул и такой факт из семейной хроники: два его племянника избрали офицерскую стезю. Владимир Анатольевич Антонов после окончания военного училища и военной академии дослужился до полковника, теперь в запасе. А подполковник Андрей Анатольевич Митькин, выпускник Общевоинской академии ВС РФ, продолжает службу в одном из управлений Генерального штаба. Словом, в большой родне Сергея Степановича есть на кого равняться, есть кому продолжать традиции...

★
Полковник в отставке
Борис КАРПОВ

Фото из семейного альбома
генерал-лейтенанта С.С. ТОПЧИЯ

У сотрудников силового ведомства, военнослужащих внутренних войск МВД России, которые по долгу службы призваны пресекать общественное зло силовыми методами, постулат о «непротивлении злу насилием» должен вызывать естественные вопросы... А если человек лишь поверхностно знаком с христианской верой, он может почесть откровения графа Льва Николаевича Толстого за некое «очищенное» от исторических наслоений христианство и прийти с таким «христианством» в непримиримое противоречие.

На деле постулаты, выдвинутые Л.Н. Толстым, имеют очень мало общего с евангельской проповедью, почему, собственно, мы и можем говорить о толстовстве как об отдельном еретическом учении. Кстати, одним из характерных признаков еретической системы является перенесение имени её основателя на последователей. Так, если в древности были еретики-ариане, несториане, савеллиане и тому подобные, то к концу XIX века появились ещё и еретики-толстовцы.

Ересь Л.Н. Толстого противоречит церковному учению во многом. Но мы остановимся на одном пункте, взгляדים в его теорию «непротивления злу насилием». В самом наименовании «насилие» уже содержится негативная оценка. Слова «насилие», «насылник» у нормального носителя русского языка вызывают отторжение как от чего-то злого и преступно-

О СОПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ СИЛОЮ

го. Употребив оценочно окрашенное слово «насилие» вместо нейтрального «сила», Толстой оказывает психологическое давление на людей, к которым обращена его речь.

Относительно же проповеди Христа в Евангелиях засвидетельствовано, что слово Его было с силою, со властью, а не как у книжников и фарисеев. Иоанн Богослов в своём Евангелии повествует, как Христос, взяв бич, выгнал из храма торговцев, опрокинул столы меновщиков денег. Конечно, здесь налицо употребление силы.

В подтверждение правоты Л.Н. Толстого кто-то может привести слова Христовы: «...говорю вам: не противься злему, но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему другую» (Мф. 5, 39). В данном случае речь идёт о зле относительно, которое можно иначе обозначить как огорчение, неприятность. Если мы такое зло принимаем на себя, не ропща и не возмущаясь, мы прини-

маем его как духовное упражнение, призванное усовершенствовать нашу душу.

Так буквально исполнил заповедь Господню преподобный Серафим Саровский. Когда к нему подошли три преступника, он, будучи отнюдь не робкого десятка, обладая недюжинной физической силой и имея в руках топор, положил его на землю и сказал: «Делайте, что вам надобно». Те пробили ему череп, повредили позвоночник, переломали рёбра и оставили умирать в лесу. Святой же не питал в ответ на их действия злых чувств, за что получил от Бога награду. Перед нами высокий духовный подвиг. Цель его не в отсутствии физического сопротивления, на что способен, например, дождевой червяк, когда на него наступают ногой, а в незлобии. И если кто-то начнёт подставлять щёки обидчикам, не имея этой цели, мы назовём его жертвой зла, а не победителем, как преподобного Серафима.

И потом, когда обижают лично нас одних, мы вправе, если чувствуем в себе такую силу, дать место личному подвигу незлобия. Но когда обижают ближнего, на первый план выступает высшая заповедь – любовь: “Нет больше той любви, как если кто положит душу (то есть жизнь) свою за друзей своих”. Если же кто по долгу службы обязан защищать людей слабых от наглой вооружённой злобы, тот должен противиться злу однозначно, силе противопоставляя силу не только физическую, но и духовную, потому что его дело правое, и противиться он должен, обязан злу безотносительно, безусловно.

В конце XIX – начале XX века толстовство разедало русскую общественную жизнь, подобно ядовитой плесени. Являлись офицеры, солдаты, работники судебного ведомства, не желавшие бороться с преступниками, оправдывавшие их, помогавшие им. Непротивленцы злу превратились в служителей зла. Незлобия, подобно Серафиму Саровскому, они стужать не пытались, да и неспособны были, но своё раздражение направляли против устоев государства и общества. Итог – разлитие зла, море человеческой крови.

Итак, злу как началу, враждебному Богу и всему святому, можно и должно противиться. Из Священного Писания мы знаем, что первую войну начали святые ангелы во главе с архистратигом Михаилом. Они низвергли богоотступников в преисподнюю. Поэтому не правы те, кто объявляют войну абсолютным злом. Они будут иметь себе судей того же архангела Михаила. Зло в конечном счёте всегда гнездится в душе разумного и свободного существа, а война может быть праведной и священной. И не случайно образ духовной войны постоянно занимал мысли святых апостолов: “Покоритесь Богу, противостаньте диаволу, и убежит от вас” (Иак. 4, 7); “...наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять...” (Еф. 6, 12-13); “Боязливых же и неверных... участь в озере, горящем огнём и серою” (Откр. 21,8).

Высокая духовность, тонкая человеческая культура и могучая военная сила, когда они сочетались на Руси, помогали выстоять в самых страшных битвах. Рассматриваемая тема прекрасно и всеобъемлюще раскрыта в труде великого русского философа Ивана Александровича Ильина, который так и называется “О сопротивлении злу силою”, где отмечено, что “настоящее, религиозно-верное сопротивление злодеям ведёт с ними борьбу именно не как с личными врагами, а как с врагами дела Божия на земле...”

**Священник
Сергей КАРАМЫШЕВ,
настоятель Троицкого храма
в п. Каменники
Рыбинского района
Ярославской области**

ПОМОЖЕМ ВОЗРОЖДЕНИЮ ХРАМА

Троицкий храм в посёлке Каменники Рыбинского района Ярославской области был построен в 1791 году “тщанием прихожан”. Убывало в годы бореяния с Церковью прихожан, прирастал сельский погост вокруг храма. В 1936 году в Каменниках населения прибавилось – люди уезжали из города Мологи, 700 сёл и деревень, попадавших в зону затопления при создании Рыбинского водохранилища. Прибавлялось в Рыбинске и окрестностях и других печально известных зон. Летом 1938 года в храме сняли колокола, осенью взорвали колокольню, в 1939 году церковь была переоборудована в заводскую контору. В алтаре устроили кабинет директора.

Долгое святотатство прекратилось в 2000 году, когда в храм был назначен настоятель, стали избавляться от мерзости запустения. 12 февраля 2001 года на празднике трёх святителей была отслужена первая литургия. С тех пор службы идут регулярно.

Мир не без добрых людей: помогли настелить крышу, восстановить порушенные стены, обзавестись минимумом необходимой для церковных треб утвари. Увы, как правило, добрые люди не слишком богаты, чтобы храм привести в надлежащий вид быстро и дружными усилиями. Ещё ждут средств и рабочих рук два боковых придела, надо возвести колокольню, благоустроить интерьер и территорию. Неподаляку – монумент в честь земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны, за этим памятником также ухаживают прихожане.

Помогай им Бог! Да и ваша помощь, братья и сёстры, не будет лишней в благом деле нашего возрождения.

Для добродетелей, готовых пожертвовать хоть малую толику денежных средств на реставрацию православного храма, сообщаем банковские реквизиты прихода:

Местная религиозная организация “Приход Троицкого храма”.

Посёлок Каменники Рыбинского муниципального образования Ярославской области Ярославской епархии Русской православной церкви.

Р/сч. 40703810800000000024

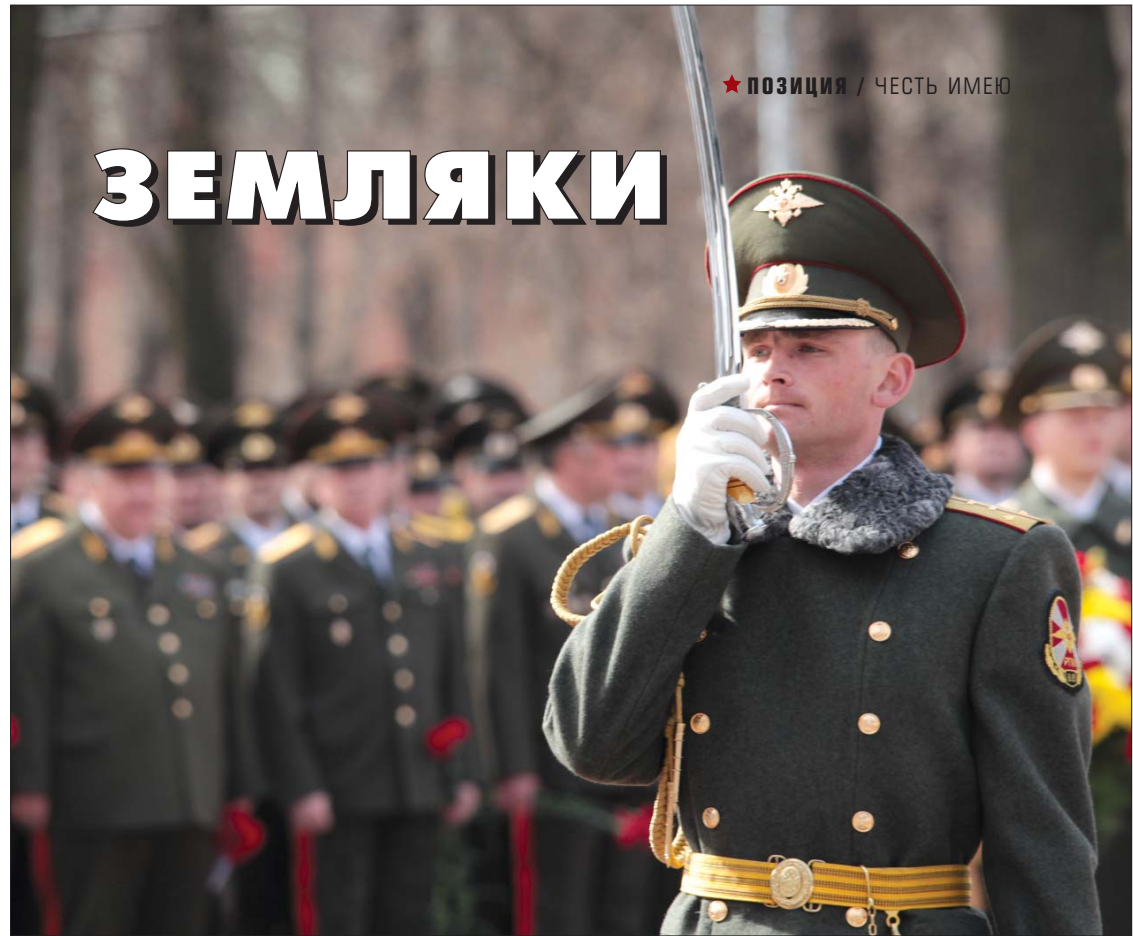
В КБ “Верхневолжский”, г. Рыбинск

Кор.сч. 30101810600000000715

ИНН 7610048140

БИК 047885715 КПП 761001001

ЗЕМЛЯКИ

На днях встретил бывшего сослуживца. После взаимных приветствий и расспросов об общих знакомых он заинтересовался:

– Слушай, а ты знал Л.?

– Ну да, – отвечаю, – а как же! Служака был ещё тот. Очень он любил на партсобраниях выступать. Вылезет, бывало, на трибуну: “Я, как коммунист, не могу молчать...” И пошёл чествовать языком так, что не остановишь. Да ещё заложит кого-нибудь – мама, не горюй! Я сам как-то пострадал от него, причём незаслуженно. После он передо мной даже извинялся. Правда, наедине, с глазу на глаз. А так под принципиальное всегда косил. Начальство его любило и всегда продвигало по службе. Правда, партбилет он выбросил в числе первых... Конечно, помню, как не помнить!

– Вот-вот, – поддержал меня собеседник. – Он всегда умел пургу гнать! Я-то его знал как облупленно-

го ещё с училища, ведь на одном курсе учились да ещё в одном взводе были. После выпуска меня на Севере переквалифицировали в политработники – была такая практика, а он остался при своём ВУСе. А вообще-то мы с ним из одних мест, земляки, с Украины.

– Так вот, – продолжил знакомый, – когда началась перестройка, закончившаяся перестрелкой, в войсках, ты помнишь, проходила уйма всяких собраний, конференций, выборов-перевыборов и т.д. Тогда СМИ начали выворачивать всё, что было и чего не было в нашей истории. В том числе в армии и во внутренних войсках. Помнишь, публикацию в “Комсомолке” “Случай в спецвагоне”, которая произошла тогда фура в войсках? Или “100 дней до приказа” Полякова? Армию тогда крепко куснули. Хотя на поверку многое оказалось липой, а то и заказухой. Но

это теперь мы такие умные и всё понимаем. А тогда даже таких слов не знали, как “заказуха”. Бывало, бежишь рано утром сломя голову на службу из своей общаги, а у газетных киосков уже очередь стоит, как за хлебушком в голодные годы. Да так и зыркают, так и зыркают на тебя – видать, опять в “Огоньке” про военных начитались. Что-то сейчас не видно у киосков очередей. Или теперь уже никого ничего не интересует? – усмехнулся старый товарищ.

– Ну да ладно, – сказал он. – В общем, в то лихое, как сейчас говорят, время мы служили с Л. в одной дивизии. И вот он взял моду, когда началась вся эта кутерьма, при каждой нашей встрече, причём на людях, меня цеплять. Сначала вроде бы как в шутку, а потом, вижу, на полном серьёзе и даже с какой-то злостью. “Ну что, – говорит, – политработчик, кончилась ваша лафа! Ты вчера видел, как по

Об авторе.
Владимир Васильевич ЗАЙЦЕВ родился в 1948 году в семье офицера-фронтовика. Срочную службу проходил в пограничных войсках. В 1974 году окончил Ленинградское высшее политическое училище МВД СССР, в 1981 году – Военно-политическую академию им. В.И.Ленина. Во внутренних войсках служил командиром взвода, заместителем командира роты, батальона, бригады, дивизии. В 1986–1988 гг. выполнял интернациональный долг в ДРА, принимал участие в боевых действиях на Северном Кавказе в первой и второй кампаниях. Награждён орденом Красного Знамени и орденом Славы Республики Афганистан, многими медалями. Полковник в отставке. Живёт и работает в Курске.

НТВ вашего брата замполита обува-ли? А то привыкли языком молотить да больше ничего не делать”. И всё в таком же духе. Я поначалу отшучивался. А однажды не вытерпел и говорю, и тоже при всех:

“Знаешь, землячок (он аж надулся – мы-то в звании были равном, а в должностях – разных. Он к тому времени служил командиром учебного полка, а я – начальником политотдела бригады. Но я-то в качестве зам комбрига, а он единоначальник), – ты, – говорю, – с чего офицерскую службу начинал? С курсовых офицеров. Остался тогда в училище, а потом на кафедре пригнулся. А мы все двинули на периферию – потому что нам, молодым и зелёным, говорили, что, мол, передовые рубежи внутренних войск проходят на Севере да за Уралом. И если хочешь стать настоящим войсковым офицером, то будь добр испытай себя в этих широтах. А то до генералов дослужитесь, а офицерами так и не станете... А кто говорил, помнишь? Деды-фронтовики, которых мы все уважали. И слова их за истину в последней инстанции считали. И всё равно ты до академии в войска ни ногой. Это теперь тебя соблазнили хоть и в Сибири, но областным центром, да и то лишь на время. Да перспективу вплоть до лампасов в кадрах нарисовали. Думаешь, не знаем?”

А я начал со взводного, с Решот. Есть такие интересные места среди тайги, как Колочий, Ревучий, Горево, да ещё Заполярья и кизельской бригады с Губахой хвхтануд, прежде чем в ВПА поступил... Ты тогда и не слышал о таких “курортах”. А

в них для меня была лафа, как ты говоришь. Век не забуду! Там и начинал тянуть лямку, там и стал политрабочником, как ты нас называл. Поставили на роту замполитствовать, особенно при этом не спрашивая, потому что просто некого было ставить. Все умники типа тебя остались на асфальте. Так я и за взводного, и за замполита, и за старшину спившегося – за всех тянул. Половина караулов была моя, а вторая половина – ротного, который тоже тащил, как ишак, всё остальное: и боевую службу, и боеготовность, и боевую подготовку. Потому что мы с ним на роте фактически были вдвоём. Командиров взводов не успевали снимать или переводить. А в роте – 200 человек! Это почти половина твоего нынешнего учебного полка. Да два выходных было – один зимой, другой летом. И то если заболел и температура под сорок. А зимой мороз далеко за пятьдесят. Да ещё побегти случались. Ты до сих пор толком не знаешь, что это такое и как за них спрашивают. Вот так, голубок”, – выдал я ему.

Тут он как-то запыхтел, хотел что-то сказать, а я в довершение возьми и брякни:

“А от мужиков я слышал, что когда тебя хотели послать в Афган, ты жену привёл на заседание командования, где она то рыдала, то хохотала, чтобы отмазать тебя. Поэтому и тут у тебя всё получилось. Так что везде, как видишь, у тебя, а не у меня лафа. Ты просто адресом ошибся”.

Он как вывернется на меня:

“Ты жену мою не трожь!”

“Да я и не трогаю, – говорю, – ты чего? Только глаза на меня не выка-

тывай – у меня “за речкой”, в провинциях Герат и Гур да на старой джала-лабадской дороге – 150 суток “боевых”. Поэтому меня страдать не стоит, земляк”.

Он тут всплеснул, затрясся. Тогда нас офицеры развели по сторонам. И правильно сделали. На этом разговор и закончился. Стал земляк на меня дуться, не разговаривает, отворачивается. Да ещё и бабе своей напел, а та моей – землячки всё же. А той только дай на меня полкана спустить.

Мне как-то однажды даже неудобно стало – я на окружных сборах обратился к Л., так сказать, по службе, а он – никакой реакции. Все удивились. В общем, страшно обиделся на меня мой землячок. Воистину правда глаза колет.

Но вот однажды мы были в дивизии на совещании, а это уже где-то в начале девяносто первого происходило. Обстановка тогда, помнишь, была аховая. И в перерыве в куртке среди офицеров зашёл разговор о том, что, мол, по ящику болтают: на территории СССР могут появиться новые государства, со своими армиями и внутренними войсками и т.п. Это тогда казалось просто нелепостью! Ну я возьми и скажи:

“Какие могут быть новые армии и новые войска?! У нас одна армия. Была советская – станет российской, да и наши войска тоже”.

И привёл по памяти цифры: до 90 процентов офицерского состава Советских Вооружённых сил составляют русские, украинцы, белорусы да ещё татары. А любая армия – это в первую голову офицеры. Поэ-

тому не нужно нам никаких других армий.

И тут, к моему удивлению, Л. вступил в наш разговор:

“Не знаю, не знаю, но если такое случится, то завтра первыми присягать в новые армии побегут политрабочие, им не привыкать перекаршиваться. Были замполитами, станут замполисами. А лисы – звери хитрые”.

Говорит так и сбоку смотрит на меня. А я там один среди всех политработников оказался. Ну, народ тут грохнул смехом, правда, беззлобным, услышав про “замполисов”. Я возмутился, но не стал только не налечь. Подумал: пусть на его совести сказанное будет. Но, признаюсь, задел тогда Л. меня крепко.

Потом, помнишь, как всё пошло-поехало? И впрямь появились независимые государства и новые армии. Кое-кто сразу рванул под их знамёна. А тут ещё эти горячие точки, которые только ещё сильнее стали разгораться, и мы, естественно, не обошли их стороной. И так далее. Многие даже вспоминать не хочется. Тем не менее я по-прежнему служу в Сибири и нигде не дёргаюсь. Было дело, начала меня подзуживать моя супруга:

“Будешь в отпуске – наведайся на Украину, посмотри, как там люди устриваются. А мы сколько будем здесь торчать?! Ты вечно за себя слова нигде не замолвишь. Поэтому тебя, а вместе с тобой и нас гоняют по всем дырам”.

Но я твёрдо решил: нет, от России ни шагу! 350 лет назад Богдан Хмельницкий всё верно определил. А теперь, когда России плохо и Россия в беде, когда все разбегаются из бывшего Союза, как тараканы, что же я, сын фронтовика, вслед за этими прибалтами да грузинами следом рвану? Не будет этого! Ведь в конце концов все, что тогда носил большие звёзды на погонах, прекрасно понимали, и пусть теперь глупости не говорят, что Советский Союз – это была та же Россия, причём Великая Россия. Служили и присягали ей в здравом уме и при ясной памяти. И я, украинец-малоросс, всегда гордился тем, что я советский, а значит, русский офицер. Да и батя, офицер-фронтовик, тогда был ещё живой, горячо меня поддерживал, когда я обратился к нему за советом. Служил, говорит, России и дальше, что бы ни было. В нашем казачьем роду никогда Варшаве не служили, а только Моск-

ве, за неё и воевали, когда надо было.

Но всё-таки пообещал я супруге, что в отпуске заеду в Киев, а там зайду в главный штаб внутренних войск Украины. Тогда у них начиналось формирование так называемой национальной гвардии. Решил посмотреть, что у них да как.

И вот я в Киеве. Захожу в штаб ВВ в районе аэропорта “Жуляны”, спрашиваю бывшего своего командира, а к тому времени начальника штаба внутренних войск Украины генерала Н.В. Скрыпника. Пока дежурный докладывал обо мне, я разглядывал наглядную агитацию на стенах. Боже ты мой! И кого они там только не налепили! И Ярослава Мудрого, и Мазепу, и Богдана Хмельницкого, и Бандеру, и каких-то ещё деятелей, которых я не знаю. И всё, как говорится, в одном флаконе. Рассматривая этот “вернисаж”, ещё раз убедился, что мне с ними не по пути. И тут меня пригласили к генералу.

Принял Николай Васильевич хорошо. Однако был он несколько не в себе, явно чем-то раздосадован. Мы вспомнили тех, с кем вместе служили в Сибири и Закарпатье. А потом я поинтересовался:

“Что-то вы, товарищ генерал, какой-то невесёлый?”

А он отвечает по-свойски, с крепким словом:

“Да тут не до веселья. Влез я в эту Хохляндию. Пока ещё терпимо, но неизвестно, что будет завтра. А если к власти придут откровенные бандеровцы? Вот будет картина... А ты чего сюда приехал?”

Я ему всё и рассказал. А он:

“Уезжай подобра-поздорову. Я вот и сам, между нами говоря, собираюсь отсюда перебираться”.

На том и расстались. А потом я узнал, что он погиб в Чечне, удостоен звания Героя России. Хороший был генерал, царство ему небесное.

После некоторого раздумья мой собеседник продолжил:

– Служу дальше, осваиваю горячие точки. И однажды от кого-то услышал, что Л. уже на Украине, в национальной гвардии и на высокой должности. Ну вот, думаю, наконец-то спор наш и разрешился. Всё стало на свои места. Но каково же было моё удивление, когда я недавно встретил Л. в ... Москве. Работает он в одной не самой бедной фирме начальником службы безопасности. Выглядит хорошо, упитанный такой, правда, поседел сильно. Увидел меня и, как будто только вчера расстались,

а не два десятка лет назад, тут же стал взахлёб рассказывать, как он на днях купил новую иномарку и что всё у него в ажуре. А я смотрел на него, слушал и вдруг спросил:

“Ты второй раз присягу принимал на Украине? А правду говорят, что у вас там какой-то бандеровский деятель всем офицерам, поступающим на службу в украинскую армию, задавал вопрос: “А с Россией воевать будешь?” И как же ты на него отвечал?”

Л. сначала даже смутился от таких вопросов. Однако быстро пришёл в себя, посмотрел на меня пренебрежительно:

“Да брось ты. Кому это теперь нужно?! Посмотри, что вокруг творится. Какая там присяга?! “Зелень” надо косить, понял, землячок? Каким ты был, таким и остался”.

И тут, думаю, мы впервые сошлись во мнениях. Я о нём аналогично подумал.

А когда я сказал Л., что не раз был в Чечне, в том числе и с его бывшими офицерами, когда он в нацгвардию Украины устроивался, то он на это заметил:

“А оно тебе надо было? Что ты там заблуд?”

Я даже опешил от такой наглости. И не нашёл, что ответить, каюсь. А надо было просто в морду дать.

Расстались мы с ним, мягко говоря, не друзьями. Особенно задело Л. то, что я ему бросил вдогонку:

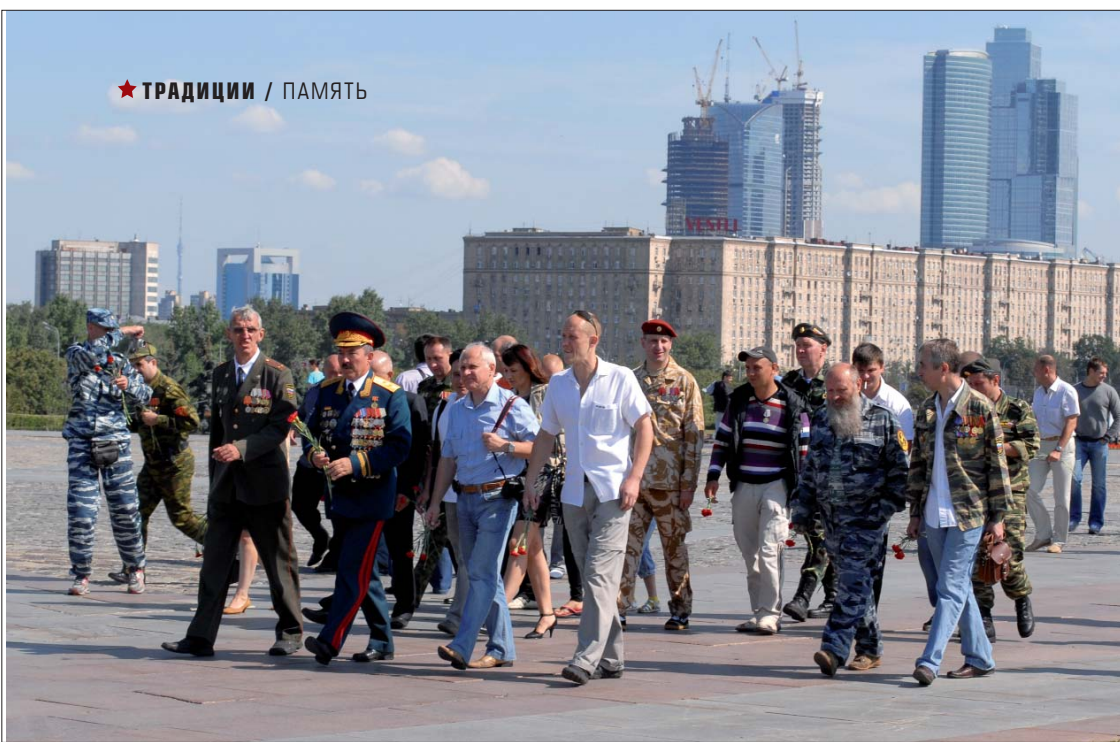
“Что ж ты, Иван, на ныньке-Украине не остался работать в охране? Я же помню, как ты москалей чистил в своё время – и такие они, и сякие, и немезанные”.

– Он аж, как мне показалось, подскочил от такого напоминания и – дёрнул меня, – закончил свой рассказ старый сослуживец. – Что бы со мной ни случилось, я к таким, как он, никогда не обращусь, хоть с голоду буду подыхать.

Чувствовалось, что для него эта тема была глубоко личной и очень болезненной. И я сказал своему давнему знакомому:

– Знаешь, Серёга, Иуда в конце концов удавился. Это не только библейский, но, говорят, и исторический факт. А иудин грех – это страшное дело. На детях и внуках отзывается. У Константина Симонова, помнишь, были такие слова: “Ничто нас в жизни не может вышибить из седла”... Так что давай жить дальше. Всё правильно. ★

Владимир ЗАЙЦЕВ,

НИКТО НЕ ЗАБЫТ

— Ещё на сборном пункте перед отправкой в армию мальчишки решили: вернёмся домой и устроим встречу на Поклонной горе, — вспоминает Наталия Николаевна Штукарева. Её единственный сын Алёша служил в Чечне, в 101-й особой бригаде оперативного назначения. О том, что он пропал без вести, мать узнала из газеты, которую кто-то подбросил в её почтовый ящик. Потрясённая известием, женщина в спешке собрала сумки и поехала в Чечню, чтобы найти сына...

6 августа 1996 года гранатомётчик группы спецназа младший сержант Алексей Штукарев в ходе ожесточённого боя на улицах Грозного был тяжело ранен. Дальше — плен, издевательства, грязь и боль... Штукареву и ещё нескольким военнослужащим боевики отсекли головы и повесили на забор — для всеобщего устрашения. Мать, метавшаяся между Ростовом, Моздокм и Грозным, ничего этого не знала. Она ещё надеялась встретить сына живым.

Останки любимого Алёшки Наталия Николаевна увезла в Калугу только в январе девяносто седьмого после длительных экспертиз в ростовской лаборатории. Все эти полгода

она жила в палатке с Алёшкиными сослуживцами — Сыром, Кешей, Кефиром и другими братишками — теми, кто уцелел после августовских боёв и превратился за это время из

вчерашних призывников в настоящих ветеранов войны.

6 августа 1996 года 101 ОСБрОН понесла самые большие потери: 18 человек погибли, 43 получили ранения, 35 пропали без вести. За один день. Он стал для ветеранов бригады днём памяти. Каждый год 6 августа они собираются у стелы на Поклонной горе, чтобы обнять друг друга, поделиться новостями, помянуть боевых товарищей и снова с ностальгией встать в строй по команде комбрига Завизионова. И вот они вновь вместе, как полтора десятилетия назад.

***

Ордена Мужества на кителях, камуфлированных куртках, пиджаках и даже футболках. Береты. Бойцы, служившие в спецназе и разведке 101-й бригады, не расстаются с ними даже через 15 лет после увольнения.

— Как ты, Дед? — Бравый сержант обнимает крепкого пожилого человека небольшого роста в шеголевском белоснежном костюме. Дед — так по-войсковски сослуживцы называют своего старейшину — командира взвода АГС Бадри Парулаву. Бадри до сих пор в строю, всё ещё служит в 46-й бригаде, которая стала в Грозном правопреимницей 101-й ОСБрОН.

— Это Иосиф Виссарионович нашей бригады и вся Ичкерия, — шутиливо подхватывают однополчане, указывая на Парулаву.

По ступенькам к стеле поднимаются ещё одна колоритная фигура в милицейской форме и с длинной густой бородой. Это психолог бригады Александр Степанович Беликов, врачеватель солдатских душ. Сколько их, молодых бойцов, вернувшихся из боя с искалеченной психикой, прошло через его полевую палатку под названием «пункт реабилитации». Сегодня он всерьёз увлечён направлением в психологию, которое помогает людям укрепить дух через сближение с национальными традициями. Традиция памятных встреч — хороший урок для будущих поколений, ведь на Поклонную гору бойцы и офицеры приводят своих жён, детей, внуков.

— Ребята, Змей идёт! — выкрикнули из шумной толпы.

Змей — это военврач Владимир Васильев. В той чеченской командирке в 96-м он был командиром оперативно-перевязочного взвода.

— Вот этот доктор взял топор и отрубил мне ногу, — улыбается Руслан Савчак, капитан, поступивший в полевую операционную с перебитыми ногами. Правую пришлось ампутировать, из левой извлекли сорок осколков...

— 6 августа мы провели сорок операций, — рассказывает доктор, — как сейчас помню: 28 реанимационных раненых и 12 человек в крайне тяжёлом состоянии. Все выжили. В Ханкалу я отправил их потом двумя «Уралами» практически без прикрытия — с одним автоматом и двумя пистолетами. Слава богу, проскочили через город, где было полным-полно «духов». — Под очками могучего Змея, Владимира Анатольевича, поблёскивают слёзы. Вздохлёб он рассказывает про своего санитаря Кольку Нечаева, который не успевал подтаскивать раненых, про Лену Хилько, ассистировавшую ему на операциях, — она

стала первой женщиной, награждённой орденом Мужества.

***

Наталию Николаевну Штукареву в этот день снова подвело здоровье: измерила утром пульс — 138 ударов. Выпила таблетки и решила: «Была не была, всё равно поеду». И снова, как и в прежние годы, её встречают на Поклонной горе Алёшкины друзья. Точнее — её друзья. А ещё точнее — её дети.

— Ребята меня очень поддерживают. Они мне как родные стали за все эти годы. Пишут, звонят, приезжают в Калугу, по хозяйству помогают. Здоровья-то нет, сердце болит после операции. Но я стараюсь не пропускать эти встречи. У нас, наверное, самая дружная бригада. У ребят уже дети пошли, они меня бабушкой зовут... С мамой погибшего комбата Героя России капитана Визнюка тоже под-

держиваю связь. Один раз к ней в Брянск ездила. Ходили на кладбище – красивая могила у Олега...

***

– Тише! Завизионов на подходе! – фамилия комбрига действует на собравшихся магически. Мигом они выстраиваются в одну шеренгу и замирают в строю.

– Здравствуйте, товарищи!
– Здравия желаем, товарищ генерал-лейтенант!
– Поздравляю вас с пятнадцатой годовщиной встречи боевых друзей!

– Ура!
Проходившие мимо иностранные туристы, замедляя шаг, настраивают фотоаппараты. На солнце поблёскивают новенькие памятные

медали от “Боевого братства”, которые генерал вручает ветеранам бригады. Постаревшие солдаты в зелёных беретах, лихо сдвинутых на затылок, размахивают флагом войсковой разведки. Мать погибшего бойца вытирает слёзы.

Вытирали слёзы и другие матери, не приехавшие на встречу. Для них эта дата вошла в жизнь чёрным пятном, которое не вывести ни временем, ни наградами, ни красивыми словами. Война запомнилась им как адская неразбериха, в которой они пытались отыскать своих сыновей. Младшего сержанта Виталия Шишкина мать искала полгода. Останки младшего сержанта Олега Шкляева родные захоронили только через 8 месяцев после августовского боя, а истлевшие угольки, то, что осталось от рядового Ивана Жарина, матери отдали аж через шесть лет.

До сих пор пропавшими без вести числятся 167 рядовых, сержантов и прапорщиков бригады. Дома – в Сибири и на Дальнем Востоке, в Адыгее и Башкирии, в Бурятии и на Урале – их по-прежнему ждут, пишут письма в различные инстанции и, получая отписки, вопреки здравому смыслу верят: “А вдруг вернётся...”

★
Старший лейтенант
Юлия АФАНАСЬЕВА
Фото Ивана МОРДВИНЦЕВА

ЛИГОВСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

“...В Смольном 30.08.1941 г. шло заседание военного совета Ленинградского фронта... Кроме оценки обстановки у стен Ленинграда рассматривался план боя в самом городе в случае прорыва в него противника... План боя в городе разрабатывался полковниками тт. Корниловым А.Д., Кара-Карой К.А. и Эйсмонтом И.П. Все названные товарищи были командирами войск НКВД... Тут же главнокомандующий Западного направления Маршал Советского Союза тов. Ворошилов К.Е., обратясь к нам, командирам 20-й и 21-й стрелковых дивизий войск НКВД, сказал: “Не допустите врага в город. Сделайте всё... С вами весь Ленинград”. /Из письма бывшего командира 21-й стрелковой дивизии войск НКВД генерал-майора запаса М.Д. Папченко, 16.01.1966 г./.

***

Вечером 18 сентября 1941 года 14-й Краснознамённый стрелковый полк 21-й стрелковой дивизии войск НКВД с приданными подразделениями 3-й гвардейской дивизии народного ополчения остановил танки и пехоту рвущихся к Ленинграду гитлеровцев в Урицке, почти у стен Кировского завода.

Интересно, что более или менее подробное описание этих событий дано, как ни странно, лишь Харрисоном Солсбери, специальным корреспондентом газеты “Нью-Йорк таймс” в СССР, ставшим очевидцем знаменитого боя, которое занимает четыре страницы его книги. Недавно она была переведена на русский язык под названием “900 дней. Блокада Ленинграда”.

14-й Краснознамённый полк выбил гитлеровцев из Урицка ещё в ночь на 17 сентября. Но не прошло и полусуток, как в результате громадного перевеса противника в технике и людях ситуация резко изменилась...

В ночь на 18-е член военного совета Ленинградского фронта дивизионный комиссар А.А. Кузнецов и начальник инженерной службы фронта подполковник Б.В. Бычевский выехали в Урицк, к командиру 21-й стрелковой дивизии войск НКВД полковнику М.Д. Папченко.

Диалог Кузнецова с Папченко Солсбери описал на основании свидетельства Бычевского (Солсбери называет Урицк “Лигово”; так именовался посёлок, на месте которого был построен Урицк).

“Командира дивизии, – пишет Х. Солсбери, – нашли в окопе, служившем командным пунктом 14-го Краснознамённого полка.

Папченко был в армейской стёганке, в каске. Он склонился над картой, которую освещала керосиновая лампа.

Кузнецов устало опустился на табуретку. “Вы мне вот что скажите, полковник, – отрывисто произнёс он. – Как же это так получается, что вчера ваша дивизия выгнала немцев из Лигово и Старо-Паново, сегодня вам дают приказ гнать их дальше, а вечером вместо этого вы отдаёте Лигово?”

Папченко объяснил, что утром два его полка наступали от Старо-Паново, но подверглись удару пятидесяти фашистских танков. Не успели оглянуться, как те прорвались

в Лигово. “У них танки, автоматические” — сказал Папченко (нетрудно догадаться, что ни танков, ни практически автоматов у него не было. — Т.М.).

“Приказа о том, что с вас снимут голову за отход с этого рубежа, вы не получали?” — спросил Кузнецов.

“Получил”, — угрюмо ответил Папченко”.

“Приказ Командующего войсками Ленинградского фронта 17 сентября 1941 г. № 0064, г. Ленинград

“Об ответственности за санкционированное оставление занимаемых рубежей”.

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово /станция в Урицке. — Т.М./, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армий указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленно расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

Командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии Г.К. Жуков.

Член Военного совета фронта секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов.

Член Военного совета фронта дивизионный комиссар А.А. Кузнецов.

Начальник штаба фронта генерал-лейтенант М.С. Хозин”.

***

“Плохо было то, — продолжает свой рассказ Х. Солсбери, — что дивизия осталась без укреплений и ей предстояло провести ночь в холоде, в грязи у порога огромного города. А позади — Кировский завод. Обстановка требовала непрерывных контра-так, нельзя было давать врагу никакой передышки. Надо было сделать всё. Даже ценой чудовищных потерь...”

Чудовищные потери ещё предстояли. Положение было таково, что только Клиновский дом, единственное здание, оставался в руках советских войск в Лигово. Он переходил из рук в руки...

Харрисон Солсбери

18 сентября в 1 час 30 минут ночи группа бойцов под командованием Лаврентия Цыганова и Николая Тихомирова осторожно пробралась к этому дому из ближайшего к нему окопа.

Верхние этажи дома были разрушены, однако бойцы отыскивали старую железную дверь, ведущую в подвал...

В нём оказалось много советских солдат. Само помещение представляло кольцо огневых точек, обращённых против немецких позиций.

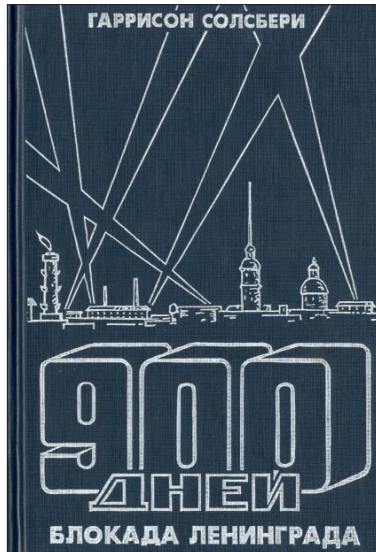
На длинном столе — кучки патронов. Возле печки сидели старик и четырнадцатилетний мальчишка. Многие находившиеся здесь бойцы были рабочими Кировского завода и Северной верфи. Днём они трудились, производя огромные танки КВ, ночью шли в траншеи, на баррикады.

“Мы такие же солдаты, как и вы”, — сказал Василий Мохов, старый кузнец Кировского завода. Он рассказал о командном пункте в подвале завода, откуда осуществлялось руководство обороной всего предприятия. Накануне вечером зазвонил телефон, странный голос произнёс с сильным акцентом: “Ленинград? Очень хорошо. Завтра мы приедем в гости в Зимний дворец и Эрмитаж”.

“Кто говорит?” — спросил инженер из рабочего батальона.

“Лигово”, — ответил немец.

Нацисты прорвались в Лигово, а телефонная связь сохранилась. Оказалось, и водопровод уцелел. Немцы пили воду из ленинградских запасов, пока кто-то не догадался отключить водоснабжение.

В три часа ночи немцы предприняли очередную атаку на Клиновский дом. Никакой артподготовки, тихая внезапная атака. Сколько их?

“Приготовиться!” — крикнул Родионов (командир 14-го Краснознамённого стрелкового полка войск НКВД. — Т.М.). — Гранаты!”

Цыганов метнул две гранаты. Третью кинуть не смог — перед ним неожиданно вырос офицер, на каске которого был изображён череп (эмблема моторизованной дивизии СС “Мёртвая голова”. — Т.М.), схватил за горло, стал медленно душить. Цыганов выхватил штык и вонзил в немца.

Остальные немцы уже тоже были в окопах, гранатами не взять, для винтовки — слишком близко.

Всё утро шёл бой. Была предпринята ещё атака...

К середине утра бойцы, к своему удивлению, услышали звуки музыки. На пункте “скорой помощи” заиграл оркестр, исполнявший любимую солдатами песню “Катюша”. В момент паузы русские вдруг услышали с немецкой стороны: “Играй ещё, русс! Играй ещё!”

***

В 13.30 началась атака русских. Молодой лейтенант Аникеев повёл своих бойцов, он не кричал: “За Родину! За Ленинград!” — сказал только: “Пошли”. И никто не кричал: “Ур-ра!”

Кировский завод. Сентябрь 1941 г.

Просто двинулись вперёд под огонь немцев. Полчаса длился кровавый бой; фашистов выбили с их второй линии у Клиновского дома.

В 16.30 Цыганова послали с донесением к полковнику Родионову, вручив его, он получил награду — полчаса сна... Разбудили и послали с другим поручением к Ивану Глутову, капитану, руководившему командой сапёров. Они находились возле плотины и канала; плотину Глутов заминировал и в случае сигнала, что немцы прорвались, обязан был взорвать, чтобы воды Финского залива затопили всю территорию от Лигово до больницы Фореля (там располагался штаб 21-й стрелковой дивизии войск НКВД. — Т.М.). Вот что должно было произойти, если бы немцы прорвали фронт у Клиновского дома...

Никогда не счесть жизней, отданных в те сентябрьские дни! Мимо Клиновского дома протекал ручей; долгое время он был красного цвета.

И не важно было, что нет оружия, патроны.

“Вооружались за счёт складов и мастерских НКВД, за счёт учебного оружия, которое приводилось в боевое состояние... Директору Кировского завода тов. Залыцкому было предложено передать... пушки 76 мм полковой артиллерии, но без панорам, панорам на заводе не было... За-

держали всю отходившую артиллерию и поставили на прямую наводку... Из милиции гор. Ленинграда выделялось 1200 человек милиционеров, ранее проходивших службу в артиллерийских частях... Нужны были артиллеристы, вот милиция и обеспечивала нас артиллеристами... “ /Из письма М.Д. Папченко от 16.01.1966 г./.

Приказ был неизменным: атаковать!

***

18 сентября в 11 часов вечера усталый Папченко поехал в Смольный с докладом Жукову и ленинградскому командованию. Он привёз отчёт. Суть отчёта состояла в том, что немцы остановлены.

На следующий вечер зазвонил телефон в кабинете Жукова в Смольном. Это был Сталин. Жуков сказал, что немецкие атаки стали слабее. Вскоре явилось подтверждение, слишком невероятное для измученного сознания тех дней: “Они оканываются”. Да, теперь немцы знали, что фронтальное наступление на город успеха не даст”.

Гитлеровцы перешли под Ленинградом к позиционной войне. Их рывок под Урицком был последней попыткой ворваться в северную столицу.

★
Подполковник Тимур МАКОЕВ
Фото из архива редакции

Воинам 21-й стрелковой дивизии войск НКВД. Санкт-Петербург, станция Лигово

После боёв в Урицке. Кладбище немецких военнослужащих

Подразделение отдельного танкового батальона 2-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР. На заднем плане – лёгкий танк БТ-7.

ОГНЁМ И БРОНЁЙ

Во второе воскресенье сентября в нашей стране отмечается День танкиста. По традиции в сентябрьском номере журнала мы рассказываем читателям о танковых подразделениях и частях, которые когда-то входили в состав внутренних войск НКВД-МВД СССР.

Лёгкий танк Т-60

В течение всего 1944 года части Красной Армии, методично выбивая немцев из одного за другим районов Западной Украины, неизменно сталкивались с яростным, отлично организованным и широко-масштабным сопротивлением местных националистических вооружённых формирований, принадлежавших к так называемым Украинской повстанческой армии – УПА и Украинской народной революционной армии – УНРА.

Эти формирования имели вполне войсковую структуру: батальон (курень) – рота (сотня) – взвод (чет) – отделение (рой), и располагали даже артиллерией, не говоря уже о миномётах. И воевали УПА и УНРА по всем правилам ведения боевых действий отдельными воинскими подразделениями.

В одной лишь Ровенской области для борьбы с «упавцами» только Главным управлением внутренних войск НКВД СССР были выделены пять стрелковых бригад и кавалерийский полк.

А в помощь им во второй половине марта 1944-го из Москвы прибыл отдельный танковый батальон 2-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД, насчитывавший 22 лёгких танка БТ-7. Получив в Ровно дополнительно восемь лёгких танков (6 – Т-70 и 2 – Т-60) от 13-й армии, батальон на время пребывания в командировке стал именоваться танковым полком внутренних войск НКВД Украинского округа. На территории Ровенской, а затем Тернопольской и Львовской областей Украинской ССР с марта по октябрь

Лёгкий танк Т-70М

1944 года подразделения полка вместе со стрелковыми частями внутренних войск, а также самостоятельно уничтожили сотни бандитов.

***

29 марта у села Бахарув Гошенского района Ровенской области три танка под командованием лейтенанта Попова подоспели на выручку бойцам 24-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД, прижатых к земле плотным огнём банды. Сперва танкисты выявили и уничтожили из башенных 45-миллиметровых орудий пулемётные точки националистов, потом двинулись на бандитов, расстреливая их с ходу, как говорится в докладной записке командира полка подполковника Зобнина. Интересно, что почти таким же образом спустя полтора месяца под Городищем (Тернопольская область) другой взвод полка, возглавляемый лейтенантом Зыряновым, выручил группу той же 24-й бригады.

29 марта 1944-го у Бахарува взвод Попова и группы 190-го отдельного стрелкового батальона 19-й стрелковой бригады ВВ НКВД истребили также 125 боевиков куреня Бегуна.

Через два дня в том же районе, неподалёку от села Бачаница, тройка БТ-7, возглавляемая комполка Зобниным, без содействия стрелковых частей уничтожила 20 «упавцев» из куреня Кавказца.

В течение последующих суток взводы Зобнина и Попова с опергруппами внутренних войск перебили заслон (30 человек) и охрану обоза куреня Жука между сёлами Матювка и Мечув Менжеричского района Ровенской области. Действовать пришлось при неожиданном в начале апреля снежном буряне, а подразделения 19-й бригады за отсутствием у них переносных радиостанций связывались с танкистами сигналами охотничьих рожков.

Следующим утром взвод Зобнина и опергруппы 21-й стрелковой бригады внутренних войск НКВД добились Жука у села Михальковичи Гошенского района. Бандиты потеряли свыше полусотни убитыми, ещё 18 из них были раздавлены гусеницами танков.

По прошествии суток танковый взвод лейтенанта Силина спас от неминуемого разгрома роту 21-й бригады, ночью окружённую и атакованную «упавцами» у хутора Майдан (Ровенская область).

Спустя три дня опергруппа в составе двух танков с десантом на броне атаковала отряд националистов близ села Здолбунца Здолбуновского района Ровенской области. Но бандиты открыли по группе такой шквальный огонь, что десантники вынуждены были покинуть машины и вжаться в землю. Командир одного танка погиб в результате прямого попадания бронебойной пули в башню. Тем не менее обе боевые машины и без десанта устремились к вражеским позициям, которые вместе с двумя десятками их защитников через несколько минут перестали существовать...

24 апреля того же года в Тернопольских лесах (Тернопольская область) танкисты Зобнина перехватили и полностью ликвидировали банду, пытавшуюся уничтожить штаб 21-й бригады.

24 сентября 1944 года в селе Подкапень Львовской области экипажи лейтенанта Петрия по сигналу опергруппы о помощи оттужили бандпозицию, раздавив гусеницами находившиеся на ней 45-миллиметровую пушку и противотанковое ружьё.

3 октября 1944 года в селе Пинятын, это тоже на Львовщине, два взвода танков и подразделения 208-го отдельного стрелкового батальона 17-й отдельной стрелковой бригады внутренних войск НКВД, разделившись, взяли в клещи отряд УНРА.

Результат операции – убито 54 бандита, 48 из них уничтожили танкисты.

А ведь до прибытия к Пинятыну танков 208-й батальон ещё с ночи тринадцать раз безуспешно атаковал противника. И часть националистов вырвалась было из клещей... Но согласно докладной записке подполковника Зобнина, «только благодаря подвижности танков, их огневой мощи, и тем более в условиях бездорожья, удалось догнать остатки банды и уничтожить их».

Тот бой стал последним для башенного стрелка экипажа одного из БТ-7 младшего сержанта Савченко – он погиб от пули вражеского бронебойщика.

***

По итогам действий полка против националистических бандформирований в западных областях Украинской ССР подполковник Зобнин и начальник автобронетанковой службы ГУВВ НКВД СССР полковник Князев в своих докладных записках и рецензиях сообщали:

«Совместные действия танков с пехотой и конницей в чекистско-войсковых операциях по ликвидации бандформирований дали большой эффект. При этом танки, как подвижная ударная группа в руках общевойскового командира, явились средством уничтожения живой силы противника, морального воздействия не только на бандформирования, но и население. Применение танков, танкового десанта полностью себя оправдало, оно деморализует бандитов, вызывает у них животный страх».

Зобнин и Князев не преувеличивали. В ночь с 6 на 7 апреля банда в 400 штыков намеревалась перебить крайне малочисленный гарнизон районного центра Здолбунов, но получив сообщение о подходе к городу двух чекистских танковых взводов под командой старшего лейтенанта Шнуркова, не посмела даже высунуться из леса. В районе Падсува «упавцы», слышавшие ляг гусениц, попросту бежали, бросив имущество и лошадей, о чём мы узнаём из докладной записки Зобнина.

★
Подполковник
Тимур МАКОЕВ
Фото из архива редакции

В квартире Каяцких уютно. Настоящее семейное гнездышко. Я здесь впервые, но чувствую какую-то особенную внутреннюю лёгкость, словно оказалась там, куда уже приходила однажды и где мне было хорошо. Эту атмосферу комфорта создают люди, которые здесь живут. Хозяин, солист Академического ансамбля песни и пляски внутренних войск МВД РФ, заслуженный артист России Сергей Каяцкий, оказался на редкость доброжелательным человеком.

— Чай? Кофе? — с порога спросил он меня. — Понятно, — ответил, услышав, что предпочитаю кофе. — Сварю вам сам.

Улыбкой встречает хозяйка Вера Прохорова — солистка Московского государственного ансамбля русской музыки и танца “Садко”. Делится радостью: недавно сын, десятилетний Никита, стал призёром музыкального конкурса “Золотой ключик”, который проводился в Богородском районе Восточного округа столицы.

— А ещё я пел на конкурсе “Богородские звёзды”, — звонким голосом вторит маме Никита.

— Участвовал в номинации “Вокал. Эстрадное пение”, — подсказывает она.

— Да. — Мальчик делает серьёзное лицо. — Хочу быть как папа. — И, помолчав, добавляет: — Эстрадным певцом.

— Мы с Никитой давно занимаемся. — Сергей Романович колдует над туркой. — На моём сольном концерте дуэтом пели “О, моё солнце” на итальянском языке.

— Только у меня ещё верхние ноты не получаются. — В голосе Никиты слышится сожаление.

— Ничего, это поправимо, — уверенно говорит сыну глава семьи. — Когда три месяца назад стали осваивать игру на фортепиано, тоже ведь не сразу всё получилось. А вот о будущем твоём говорить ещё рано. Всё станет понятно после мутации голоса.

ОТ РУСИ ЕГО ДО ИТАЛИИ

Сидим за столом на просторной кухне с большим окном, пьём кофе. Вечерест, и мы утопаем в закате.

— Посмотрите, какой вид открывается из окна, — говорит хозяин.

Перед глазами панорама Национального парка “Лосиный остров”. Когда-то здесь были охотничьи угодья русских князей и царей, а в XVI веке Иван IV охотился на медведей.

— Летом благодать. Весь остров покрыт зелёной шапкой деревьев. Вот так же было в моей родной станице Динская. — Сергей Романович о чём-то задумался. В его глазах появилась лёгкая ностальгия, как будто он вспоминал что-то давно безвозвратно ушедшее, хорошее, тёплое. Это из детства.

...Летом в станице Динская Краснодарского края улицы утопают в зелени фруктовых садов, а вокруг, насколько хватает взгляда, простираются колхозные поля. В этих местах потрясающей красоты, словно созданных для кисти пейзажиста, прошли детские годы и юность Сергея Каяцкого. Его отец, Роман Иванович, работал землемером в колхозе. “Измерение — это наука и искусство”, — говорил он детям. Бог дал ему трёх сыновей и дочь. Серёжа был младшим в семье.

Роман Каяцкий, сын священника, почитался среди станичников человеком просвещённым (владел польским и немецким языками), с уникальными талантами: обладал каллиграфическим почерком, на хрустальных бокалах с помощью ложек играл полонез Огинского. Он объяснял детям: если бокал наполнен до краёв, зазвучит нота “до”. Если воды чуть меньше, они услышат ноту “си”, а чтобы взять чистое “ре”, воды должно быть на доннышке. Таким необычным образом Серёжа впервые постигал музыкальную премудрость. Отец мог объяснять доходчиво: спокойно, не раздражаясь, не повышая голоса. Он был очень добрым по натуре человеком, и дети его просто боготворили.

В доме Романа Ивановича, ветерана Великой Отечественной войны, раненного в Сталинградском сражении, по праздникам собирались фронтовики. В такие дни домочадцы знали: будет долгое застолье, отец возьмёт в руки гармонь, а потом гитару... Пока мама, Александра Ивановна, хлопотала на кухне, братья-погодки Женья и Сергей забирались под стол, уже засставленный всякими яствами. Приходили гости, и мальчики, примолкнув, буквально затив дыхание, слушали... слушали рассказы людей, прошедших войну. Дядя Лука, грудь которого укра-

С мамой Александрой Ивановной

шали ряды медалей, ходил на костылях: в одном из боёв рядом разорвался снаряд, ему оторвало ногу. Знатный он был певец. Когда затягивал глубоким басом “Думы мои... Думы мои”, дети под столом неосознанно прижимались друг к другу — такая сила, такая мощь слышались в его голосе, что становилось страшно. Как-то Серёжа посмотрел: когда Лука Александрович поёт, почти не открывает рот. Ребёнок сделал открытие: оказывается, всё богатство и красота голоса у человека внутри. Всё ещё удивляясь, он поделился этой мыслью с братом. Они были очень дружны и рассказывали друг другу всё. Старший, Женья, повсюду таскал за собой младшего. Он впервые привёл его в Дом культуры — красивое здание с большими колоннами, где занимался в драматическом кружке. Подумал: может, и брата возьмут, тогда они вместе будут играть в спектаклях. Но режиссёру почему-то не понравилось, как Серёжа изобразил корову. Он отказал. Мальчик от обиды заплакал навзрыд.

— Не плачь, брат, — успокаивал его Женья. — Здесь есть хор. Пошли, тебя послушают.

Так Сергей попал в хор. С затённым внутренним восторгом он слушал, как поёт тенор Константин Парийский. С волнением разучивал свою первую песню, которую исполнит на подмостках — “Ленина помнит земля”. Шёл 1968 год, когда он впервые вышел на сцену. Позже коньком Каяцкого стала ария Варяжского гостя из оперы “Садко”. Получалось не плохо, уже тогда проявился его сильный

от природы голос. Но о том, чтобы заниматься музыкой профессионально, мальчик, конечно, не думал. Всё происходившее было скорее увлекательным действием, возможностью как-то проявить себя.

Наступил 1971 год. К тому времени Сергей окончил среднюю школу и работал на Куйбышевском металлургическом заводе. Учился сталелитейному делу. Как-то ему в руки попала газета, где он прочитал заметку о наборе волонтеров для работы на Всесоюзной комсомольской ударной стройке Камского автомобильного завода. Решил: эх, была не была, и по комсомольской путёвке махнул в Набережные Челны. Там на территории общей площадью около трёх миллионов квадратных метров возводился будущий советский автогигант.

Прошло три года. Сергей приехал в отпуск в Динскую. Много рассказывал родным о работе и о чужих краях. Брат Евгений слушал внимательно, смотрел пристально, будто пытался понять что-то важное, о чём-то напряжённо думал.

— Послушай, брат, — сказал он ему в один из вечеров. — А ты не забыл, что у тебя талант. Тебе петь надо.

От неожиданности Сергей даже не нашёлся, что ответить.

— Сынок, — к нему подошла мама, обняла за плечи, — а правду Женья гово-

рит. Вспомни, как ты в хоре пел, получалось ведь.

— Да когда ж это было... — всё ещё недоумевая, выдавил из себя Сергей. — Вы что, серьёзно?

— Вполне. — В голосе Евгения зазвучали металлические нотки. — Сейчас объявлен конкурс в Кубанский казачий хор, и вот что мы решили: тебе надо идти прослушиваться.

— Да куда мне?! — Сергей смотрел на родных непонимающим взглядом. — Это же для профессионалов конкурс. Высота недостижимая!

В 1971 году Кубанский казачий хор впервые стал дипломантом международного фольклорного фестиваля в Болгарии, и славная весть о нём разошлась по всей земле кубанской. В 74-м художественным руководителем и главным дирижёром коллектива стал Виктор Захарченко, в будущем народный артист России, доктор искусствоведения, профессор, член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству. Это при его бессменном руководстве Кубанскому хору было присвоено звание «Академический».

...В кабинете Захарченко стояли братья Каяцкие. Евгений, как и договаривались промем себя накануне, запел первый. На лице Виктора Гавриловича изобразилась гримаса недовольства. Он искренне полагал, что сюда придут люди, как минимум обладающие голодом, пусть не поставленным. У Женюки, как он утверждал, был внутренний слух, а пел он нечисто. Ну не дал Бог человеку певческого таланта.

— Спасибо вам большое, — вежливо сказал музыкант, как только Евгений наконец закрыл рот. — Идите домой.

— Его послушайте. — Женя кивнул на Сергея.

— Может, не надо, — почти шёпотом произнёс тот.

— Обязательно надо, — громко и уверенно отчеканил Евгений.

— Давай, — обречённым голосом сказал худрук. По его эстетическому вкусу уже потоптались, к тому же он понял, что просто так от этих ребят не избавиться, поэтому устало откинулся на спинку стула.

Сергей запел украинскую народную песню «Давлюсь я на небо». Захарченко невольно оживился, в глазах его появился интерес. Слушал внимательно, а когда молодой человек закончил, сказал:

— Даю вам зарплату 75 рублей в месяц.

В Набережных Челнах Каяцкий получал 300 (по тем временам беше-

На гастролях

ные деньги), но в тот момент даже не вспомнил об этом. То, что произошло, казалось чудом: он попал в мир искусства, о котором раньше, когда играл на гитаре после трудового дня на стройке, не смел и мечтать. И вот так неожиданно отворились для него двери в новую жизнь.

Новичка поставили в хор вместе с баритонами. Поначалу коллеги упрекали, мол, тихо поёшь. Он начал кричать так, что после одного из концертов потерял голос. Тогда один из музыкантов, Юрий Кихасев, сказал: «Тебе надо учиться». И привёл его к замечательному педагогу Алле Николаевне Третьяковой. Она пропагандировала школу итальянца Генри Манчини. Учитель её учителя брал уроки у великого композитора, того самого, который получил четыре премии «Оскар» за музыку к художественным фильмам и семьдесят две премии «Тремми».

— Произношение в пении должно быть величественным, — говорила Третьякова. Оказалось, Сергею легко даются верхние ноты в баритональном диапазоне, и учительница стала вести подопечного как тенора. Вот тогда Каяцкий начал раскрываться как лирико-драматический тенор. Он поступил в музыкальное училище имени Римского-Корсакова, где Третьякова преподавала вокал. В классе у неё всегда был праздник. Она отдавала делу всей душой, с лёгкостью, присущей трудолюбивым, а студенты, заражаясь её энтузиазмом, занимались с упоением. Это были чудесные годы! В 1975-м в Москве Кубанский казачий хор занял первое место и получил звание лауреата на первом Все-

российском смотре-конкурсе государственных русских народных хоров. Талант Каяцкого проявлялся всё ярче, и через два года он перешёл в музыкальное училище при Московской государственной консерватории имени Чайковского. Попал в класс солиста Большого театра заслуженного артиста России Дениса Александровича Королёва. Иногда Сергей задавался вопросом: а как же раньше жил без всей этой радостной, волнующей и неизменно тяжёлой работы, которая теперь захватила всё его существо? В душе был бесконечно благодарен маме и брату, ведь это они чуть не силой заставили его пойти на прослушивание к Захарченко.

В 1979 году началась новая эпоха в творчестве Каяцкого. Его пригласили на работу в Государственный академический русский народный хор имени Пятницкого. И он попал в великое музыкальное царство любимого в народе Валентина Левашова. Насколько это выдающаяся личность, Сергей понял на одном из концертов. На стадионе «Динамо» должна была выступить популярная зарубежная группа, все билеты были раскуплены заранее, но музыканты не смогли приехать в Москву. Спасая мероприятие, организаторы пригласили Левашова. Когда на заполненном до отказа стадионе он подошёл к роялю, с трибун послышался возмущенный свист. Всё гром-

че... громче... Валентин Сергеевич, словно не слыша недовольства публики, с достоинством открыл музыкальный инструмент. Стал играть, а когда тихим, проникновенным голосом запел «А мы с тобой, брат, из пехоты», всё вокруг смолкло. Потом грянули аплодисменты. Выступление его длилось четыре часа: зрители не отпустили, требовали исполнять песни на бис. Когда концерт закончился, стадион провожал Мастера стоя, громовыми овациями.

Под руководством Левашова Каяцкий работал десять лет. В 1980 году впервые выехал за рубеж, в Монголию, где дислоцировалась группировка советских войск. Тогда в его репертуаре появилась русская народная песня «Вниз по Волге-реке», которая со временем стала визитной карточкой артиста. В 1981-м пришлось учить произведение на итальянском языке. Хор поехал в Италию.

Позже в составе Александровского ансамбля три с половиной месяца он гастролировал по США и Канаде. Особенно запомнилось выступление в Вашингтоне на лужайке у Белого дома. Джордж Буш прилетел на вертолёте, вышел бодро, стремительно, с приветливой улыбкой, руки в карманах брюк. Он с удовольствием слушал хор, аплодировал, сопровождая выступления артистов какими-то репликами, а потом повёл их на экскурсию по своей резиденции. На первом этаже не без гордости показал библиотеку. Прошли в западное крыло. Музыканты были

С художественным руководителем Виктором Елисеевым

одеты в военную форму, а Буш завёл их в зал, где заседали министры.

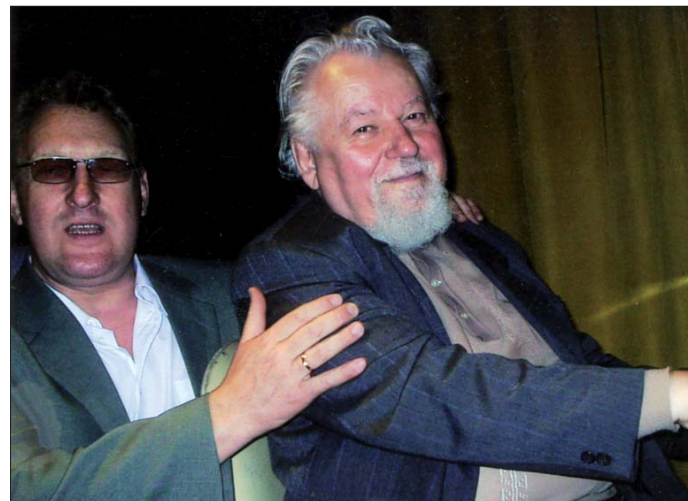
— Рейган сказал, что сюда не ступит нога русского военного, — с явным, неприкрытым недовольством обратился к президенту кто-то из присутствующих.

— Да, это солдаты... — Буш выдержал паузу. — Но их оружие — голоса.

Русские музыканты давали концерты на авианосце на военной базе в Сан-Диего. Чтобы выступить в Лас-Вегасе, целый день на автобусах ехали по пустыне Невада, а потом в городе над их колонной кружили армейские истребители — то ли сопровождали,

выполняя приказ, то ли, демонстрируя силу, предупреждали на всякий случай — не балуй. В Нью-Йорке пели в одной из башен-близнецов Всемирного торгового центра. Везде их выступления имели колоссальный успех. Домой они привезли незабываемые впечатления от Америки. Их с почётом встречали в Министерстве культуры, показали благодарственное письмо от Буша.

Сергей Каяцкий с гастрольями объездил весь Советский Союз. Увидел страну, старался глубже узнать её изнутри. Находил время, чтобы сходить в краеведческие музеи, интересовался историей российских городов и весей. Много гастролировал по глубинке. Сергею Романовичу не припомнить всех концертов. Один из них в 1987 году прошёл в Чебоксарах. Тогда в зрительном зале сидела 18-летняя Вера Прохорова, студентка музыкального училища. С восторгом она слушала сольное выступление Сергея Каяцкого, его пленительно красивый голос. Когда он исполнил «Вниз по Волге-реке», зрители, для которых пение столь высокого уровня было редкостью, от избытка чувств поднялись с мест, так и слушали стоя, а проводжали

С преподавателем по вокалу Всеволодом Соколом-Мацуком

Академический ансамбль
на гастролях в Северной Корее

артиста криками "Браво!" и аплодисментами. На следующий день в училище она только об этом и говорила. Вечером на очередной концерт пришёл весь её курс.

...Верочка выросла в мордовском селе Пилесово в певучей семье: пели бабушка, мама и три сестры. У соседки она брала пластинки Руслановой и Шалапина, слушала, а когда выходила во двор, на всю округу разливался её звонкий голосок. У ворот Прохоровых собирались соседи. Это были её первые слушатели. Девочка мечтала стать артисткой, петь русские народные песни...

Голос Каяцкого произвёл на неё столь сильное впечатление, что запечатлелся в памяти как нечаянная радость среди серых будней, нечто прекрасное, возвышенное. Она старательно занималась в училище, окончив которое, поехала в Москву поступать в Гнесинку. По дороге вспоминала, как однажды дома на каникулах стала распеваться. Бабушка, услышав её, только и сказала: "Мотивно, мотивно, но слушать противно". С тех пор Вера не распевается. Очень важно для неё – передать красоту слова, ведь лишние слов в русских народных песнях нет.

При поступлении в институт она недобрала одного балла, но самобытный талант её был столь очевиден, что педагог по вокалу заслуженная артистка России профессор Светлана Игнатъева решила помочь. Повела аби-

туриентку к заведующей кафедрой народного пения народной артистке СССР Нине Мешко. Через несколько дней Нина Константиновна отправила девушку на приём к заместителю министра культуры СССР. В приёмной Вера ждала четыре часа. Скромно сидела на стульчике в мордовском народном костюме. И вот её вызвали. Она открыла дверь и... растерялась. Накануне с Игнатъевой они репетировали, что Вера должна сказать в министерстве. А она, не говоря ни слова, с порога стала петь. От неожиданности чиновник удивлённо поднял брови, а потом заулыбался. Спросил у Прохоровой про родителей, поинтересовался ещё чем-то. Её приняли на первый курс.

После окончания Гнесинки Вера прошла прослушивание в ансамбле

"Россия" народной артистки СССР Людмилы Зыкиной. Она объездила многие страны мира, гастролировала по девять месяцев в году. В 1994 году художественный руководитель и дирижёр ансамбля народных инструментов "Финист балалайка" Игорь Обликин пригласил Прохорову на гастроли в Германии со своим коллективом. Нужна была солистка, а сильный, глубокий, чувственный голос Веры – это как раз то, что произведёт впечатление на взыскательную немецкую публику. Игорь Фёдорович обладал внутренним чутьём, тем, что называется инстинктом успеха. А девушку заинтересовал новый проект, и она согласилась. Начались репетиции. В один из дней после выступления на сцене она почувствовала, скорее, угадала чей-то пристальный взгляд. Обернулась и встретилась глазами... с Сергеем Каяцким. Узнала его сразу, хотя после челябинского концерта прошло семь лет.

"Какое замечательное сочетание женской красоты и красоты голоса", – подумал Сергей Романович.

"Как странно, удивительно даже встретиться с этим человеком столько лет спустя", – подумала Вера.

Они познакомились. Оказалось, Каяцкий приглашён на гастроли "Финист балалайки" так же, как Прохорова. Поездка в Германию состоялась. Снова они увиделись спустя полгода

С супругой Верой
и сыном Никитой

на концерте в Консерватории имени Чайковского. Ещё через какое-то время были их совместные гастроли в австрийский город Грац, где проводилась декада русской культуры.

Красные черепичные крыши домов... Аркадные дворчики... Здания в стиле Ренессанс... Они шли и любовались очарованием окружающего городского пейзажа. Не заметили, как оказались в самом романтическом переулке Шпоргассе, узком, крутом, вымощенном булыжниками. Он купил ей жаренные каштаны. Она счастливо улыбалась. Он проводил её в отель. Потом позвонил и до утра читал стихи русского поэта Надсона и итальянца Петрарки, декламировал что-то из "Пиковой дамы" Пушкина.

...На Москву уже упали сумерки, почти совсем стемнело. Сергей Романович рассказывал историю любви, а сын Никита, неосознанно улыбаясь, глядел на отца. Переводил внимательный взгляд на маму. У Веры блеснули глаза, она смотрела на мужа влюблённо и трогательно, словно не было столько лет семейной жизни и серьёзных, но не сломивших их прочный союз проблем.

– Когда у супруги случилась большая беда со здоровьем, куда мы только не обращались за помощью. Требовалась серьёзная операция, и сделать её могли только специалисты высочайшего класса. Тогда я уже работал в Академическом ансамбле песни и пляски внутренних войск. Рассказал о своём горе руководителю Виктору Петровичу Елисееву. Он внимательно выслушал и не остался равнодушным. При всей своей занятости стал действовать незамедлительно. Помог Вере лечь в Центральный институт травматологии и ортопедии имени Приорова. Это очень важно, когда руководителем коллектива, где ты работаешь, небезразличны люди и их повседневные проблемы. У одного из наших солистов, Алексея Волжанина, серьёзная потеря зрения. Виктор Петрович помог ему обследоваться в Фёдоровской "Микрохирургии глаза", нашёл спонсора для поездки на лечение в Германию. Это качество – помочь, поддержать в трудную минуту, меня всегда восхищало в Викторе Петровиче.

В ансамбль внутренних войск Каяцкий пришёл в 1995 году. Он помнит, что по тем временам кабинет Елисеева был всего-то пять квадратных метров, на которых едва помещались кровать и стол. Развернуться негде, но в атмосфере витало вдохновение! Знакомство их состоялось первого декабря,

С Иосифом Кобзоном

и уже через десять дней – гастроли в Германии. Каяцкий исполнял произведения Франца Легара, пел на немецком языке. Он всё больше втягивался в плотный график ансамбля. От радости творческого самовыражения испытывал восторг, какой бывает в период особого душевного подъёма артиста. Судовольствием исполнял на концертах арию из "Страны улыбок" Легара, пел русскую народную "Калинку", "Скажите, девушки, подружке вашей" на итальянском языке. Чувствовал свою полноценность в профессии: вот тот момент, когда в разножанровых песнях, наполненных одновременно и проникновенностью, и нежностью, и болью, проявляешь себя полностью. Для человека творческого это чрезвычайно важно, иначе – личная трагедия, которая остаётся болью на всю жизнь.

Сергей Каяцкий выпустил сольный альбом "От Руси моей до Италии" – это музыкальная коллекция украинских и русских народных песен, произведений на итальянском и корейском языках. Когда звучит его насыщенный красками тенор, понимаешь, что поёт человек, глубоко чувствующий, мыслящий.

С воодушевлением Сергей Романович говорил о зарубежных гастролях. Вспоминал поездку Академического ансамбля в Китай в 2009 году, когда посол России в Китайской Народной Республике благодарил артистов, говоря, что их выступление благотворно повлияло на ведение переговоров между двумя странами. Те же слова они слышали в Австрии, Франции, Германии.

Всегда с особенным чувством музыканты выезжают на гастроли в Че-

сненскую республику. В 2010 году после концерта в 46-й бригаде Каяцкий наблюдал, как спецназовцы возвращались со спецоперации, а в это время навстречу им бежала девочка с громкими криками: "Папа! Папа!". Услышав родной детский голосок, отец спрыгнул с бронетранспортёра, упал на колени, положил автомат на землю и простёр руки к дочери. Такие моменты не забываются.

...Из гостеприимного дома Каяцких я уезжала, когда время подходило к полуночи. За окном стояла непроглядная тьма. "О многом не успели поговорить", – сетовал Сергей Романович. Подумала: человеку, настолько одарённому, как он, действительно есть о чём рассказывать бесконечно. Он пригласил меня на концерт, где Вера Прохорова пела песню Фрадкина "На тот большак, на перекрёсток!" и "Нежность" Пахмутовой. За роляем сидела дочь Каяцкого от первого брака Алла, успехами которой он очень гордится. Ведь аккомпанировать солисту – это особый талант. Сам Сергей Романович на итальянском и русском языках блестяще исполнил "Скажите, девушки, подружке вашей". Ему аплодировал зал, а он стоял на сцене со счастливой улыбкой. Это момент признания. Сколько их было... А сколько ещё будет впереди!

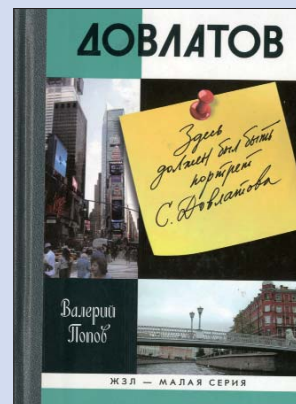
★
Майор Елена ЖАРНИКОВА
Фото из семейного
альбома КАЯЦКИХ

ВЫДАЮЩИЙСЯ СОСЛУЖИВЕЦ

“Н

азовите трёх писателей-современников, чьё творчество произвело на вас наибольшее впечатление за последние годы”. На этот вопрос литературной анкеты я, помнится, ответил без долгих колебаний: Константин Воробьёв, Василий Шукшин, Сергей Довлатов. А было это тридцать лет назад, когда только окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Три десятилетия... А ведь прозвучи вопрос сегодня, ответил бы на него точно так же. И не потому, что в нашей теперешней литературе мало ярких имён. Просто писатели такой величины, как эти трое, на земле рождаются нечасто.

Всё это вспомнилось мне не случайно. В нынешнем сентябре исполняется 70 лет со дня рождения Сергея Донатовича Довлатова (1941-1990), и к юбилею в “молодогвардейской” серии ЖЗЛ издана посвящённая ему книга Валерия Попова “Довлатов”. Не буду пересказывать её содержание. Скажу лишь, что биография Довлатова совсем не проста. Коренной ленинградец, он родился в эвакуации в Уфе. Окончив школу, безуспешно поступал на факультет журналистики ЛГУ им. А.А. Жданова, затем работал в типографии. Через год был принят на филфак ЛГУ, но вскоре отчислен за академическую неуспеваемость. Затем – три года срочной, поступление-таки на факультет журналистики университета. Ранняя женитьба, работа журналистом, безрезультатные походы по редакциям и издательствам с мечтой о своей книге прозы, переезд в Таллин и возвращение в Ленинград, работа экскурсоводом в пушкинском Святогорье, разводы и женитьбы, рождения детей, публикации в самиздате и за рубежом, обвинения в тунеядстве, распространении антисоветчины (апробированный приём борьбы с инакомыслием тех лет), арест, заключение под стражу в калевский

спецприёмник, освобождение под давлением эмигрантских и диссидентских кругов, вызов в ОВИР... И так до отъезда в эмиграцию – сначала в Вену в 1978-м, потом, спустя год, в Нью-Йорк, литературное признание и смерть на чужбине. От сердечной недостаточности. Прямо в машине “скорой помощи” по дороге в госпиталь. В неполные пятьдесят лет.

Таков пунктир непростой судьбы. Соединя личные впечатления с воспоминаниями родных и друзей, петербургский писатель Валерий Попов воссоздал в своей монографии жизненный путь Довлатова, историю создания его произведений, его отношений с окружающими, друзьями и недругами, многие из которых угадываются в персонажах довлатовских книг.

Так уж получилось, что признание на родине, выход сборников повестей и рассказов, а также четырёхтомного собрания сочинений совпали с набравшей силу перестройкой в нашей стране и безвременной смертью писателя на чужбине. Помню, какой оглушительный успех имела его небольшая книжка “Зона”. Включённые в неё смешные и одновременно грустные записки надзирателя исправительно-трудовой колонии отличались и отточенным стилем, и лаконичностью изложения, и глубиной жизненных наблюдений, передающих мироощущение советских людей поколения 60-70-х годов, и прежде всего людей зоны по ту и эту сторону колючей проволоки.

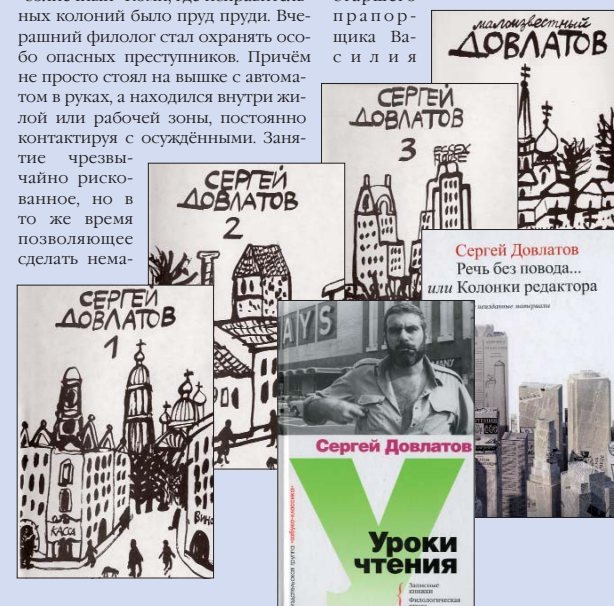
Отсюда и понятен интерес войскового читателя к Довлатову. Ведь внутренние войска в ту пору были по большей части конвойными. Взгляд не постороннего человека, а сослуживца изнутри, повествование, в основе которого обычные факты быденной службы, но выписанные ярко, сочно, убедительно, никого не оставляли равнодушными.

Сегодня уже немногие ветераны помнят “прелести” той конвойной жизни. Служба у чёрта на рогах – в тайге и тундре, среднеазиатской пустыне и среди непроходимых болот, в стороне от насиженных мест. Жизнь в бараке, мало чем отличающемся от зековского, постоянная головная боль, связанная с учёбой и лечением детей, трудоустройством жён. Жизнь среди вышедших на волю и осевших на жительство рецидивистов. Состояние солдат, призванных охранять от врагов рубежи родной земли, а приставленных вместо этого к человеческим клятам. И не на год, как сегодня, а на три... Такого не пожелаешь никому.

Всё это видел, пережил, через это прошёл Довлатов. В январе прошлого года мне в руки попал очередной номер еженедельника с красноречивым названием “За решёткой”. Привлёк внимание материалом о Довлатове. Кое-что показалось любопытным. Вот послушайте: “Неудавшегося студента призвали в армию, и службу пришлось проходить во внутренних войсках. Довлатов окончил школу тюремных надзирателей и был направлен в “солнечный” Коми, где исправительных колоний было пруд пруди. Вчерашний филолог стал охранять особо опасных преступников. Причём не просто стоял на вышке с автоматом в руках, а находился внутри жилой или рабочей зоны, постоянно контактируя с осуждёнными. Занятие чрезвычайно рискованное, но в то же время позволяющее сделать нема-

ло интересных наблюдений над жизнью. Три года пребывания в зоне особого режима, пусть и в качестве вертухая, немало обогатили жизненный опыт будущего писателя. По воспоминаниям Иосифа Бродского (Довлатов был дружен с ним ещё с ленинградской поры, пользовался поддержкой, находясь в Америке. – Е.А.), Сергей вернулся из армии, “как Толстой из Крыма (имеется в виду Крымская война 1853-1856 гг. – Е.А.), со свитком рассказов и некоторой ошеломлённостью во взгляде”. Написанная по горячим следам повесть “Зона” красочно изображала нравы и быт колонии особого режима, рисовала колоритные типажи зеков и вертухаев. “Полицейские и воры чрезвычайно напоминают друг друга, – писал Довлатов. – Заключённые особого режима и лагерные надзиратели безумно похожи. Язык, образ мыслей, фольклор, эстетические каноны, нравственные устоики. Таков результат обоюдного влияния. По обе стороны колючей проволоки – единый и жестокий мир. Это я и попытался выразить”.

Я знакомлю вас с этими выдержками, поскольку мне не удалось отыскать сослуживцев Сергея Донатовича – солдат и сержантов призыва 1962-1963 годов. Однако в своё время в нашем журнале была напечатана короткая корреспонденция старшего прапорщика Вя-

Ивановича Слободянюка – корреспондента ленинградской многотиражной солдатской газеты и его фотоснимок с такой вот подписью: “Над белым листом бумаги склонился рядовой Сергей Довлатов. Сегодня он выпускает очередной боевой листок. Редактор поместил краткую, но выразительную заметку об умелых действиях войскового наряда, возглавляемого ефрейтором Анкиным. Были отмечены и рядовые Юршеский, Иван Калоянов и Грабовский”.

Василия Ивановича не расстроить сегодня о деталях встреч с будущим выдающимся писателем: к сожалению, его тоже уже нет с нами. Так что ограничимся тем, что есть: “Надо ли представлять его читателю? Не знаю, не знаю, – писал Слободянюк. – Мне кажется, что назыви его имя и фамилию, и больше никаких пояснений не потребуется. Герои его рассказов смешны, непосредственны, пронзительны, беззаботны, мудры и ранимы, а потому человечны. Когда-то его упрекали в идейной чуждости, говорили, что персонажи не должны поступать так-то и так-то. А он отвечал: я выдумываю, а не лгу. Не все понимали, что тут кроется большая разница, и непонимающие, как истовые цензоры, хватились за мелочи: “А у него солдаты сплошь поболяки да бабники, по себе, видно, обо всех судит...”

По себе судит? А ведь я знал его солдатом. Было это весной 1965 года. Будучи военным журналистом, прие-

хал я в одну из наших конвойных рот собирать заметки о лучших воинах. Мне сразу порекомендовали: “Есть у нас рядовой Довлатов, добросовестнейший солдат. Службу уже заканчивает, но – никакого разгильдяйства. Общественник, редактор боевого листка”.

Так я познакомился с Сергеем. Узнал, что родился он в сорок первом, ленинградец, до призыва в войска учился в университете, ужасно любит читать, пробует сам писать, но пока лишь для себя: “Свой стиль пишу”.

Нет, он не был ни пошляком, ни бабником, он был грамотным, толковым солдатом, отлично понимав-

шим, что требует от человека боевая служба. Но он искал своего героя – ироничного и раскованного, от имени которого можно было бы передать дух казармы. Он был выдумщиком в мелочах (и этого ему не прощали редакторы), но показывал правду ситуаций.

Наша вторая встреча состоялась через семь лет. Он стоял у Фонтанки, напротив Лениздата, держал в руках пухлую папку. Не слишком весело улыбнулся, всё же стараясь выглядеть бодрячком: “Вот рукопись вернули. Говорят: ты, Довлатов, учишь людей пить и быть безалаберными. Я отвечаю: пить они и без меня могут, чему надо, их в школе научили, а я лишь хочу, чтобы они в любой ситуации людьми были, че-ло-ве-ка-ми! Не поняли”.

Прошло ещё некоторое время, и я встретил его на Невском. Он был настоящим счастливым: “В Талине, кажется, выходит моя книга. Рукопись уже сдана в набор, представляете!” Преждевременно я поздравил его: набор рассыпал. Это – как запретили птице петь...”

В заключение несколько строк из книги Попова. “Служба его в армии вроде как самая закрытая часть его жизни – военная тайна! – пишет Валерий Георгиевич. – Никому из его биографов не пришлось посетить за-терренное в тайге селение Чинья-Вырок близ посёлка Иоссер, где он служил”.

Разумеется, никакой тайны тут нет. Да и какие тайны могут скрываться в этой дыре? А вот почему за почти полвека никто в войсках (кроме Слободянюка) ничего не написал о Довлатове, никого из его сослуживцев и командиров не отыскал и не расспросил – тайна, поистине покрытая мраком. Может быть, приподнять этот покров поможет кто-либо из наших читателей?

★
Евгений АРТХОВ,
полковник в отставке,
член Союза писателей России

Нужна смелость, чтобы так вот просто и определённо высказать своё сокровенное желание, оказавшееся необходимым как вздох, не дающий прерваться дыханию в атмосфере, к которой уже не вполне приложимо пушкинское “здесь русский дух...” Она есть и всегда была у поэта Эдуарда Балашова, и вовсе не для доказательства вынесена в заголовок строка из одного его стихотворения, а просто для констатации факта, умолчать о котором стало бы существом недоразумением. А ещё в при-

“К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ ТАК ХОЧЕТСЯ БЫТЬ БЛИЖЕ!”

ведённой строке заключено очевидное, и это очевидно – отношение гражданина к заветному своему – нуждается в постоянном раскрытии, а значит, является творческой задачей национального поэта, каковым справедливо считается Э. Балашов.

Уместно тут привести ещё одну строку поэта, но уже прозаическую – из его предисловия к только что увидевшей свет книге стихотворений “Алатырь”: “Природа предпочитает погнубить, но не отдать в разорение то, на чём стоит”. А человек? То-то! И впадал:

*Что рушишь? Уж не свой ли дом?
Свои ли палишь клетки?
Равно тебе стоять на чьём:
На тьме или на Свете.*

Выбор тут не требуется, поскольку давно и безошибочно сделан каждым. А бездна, в которую мог угораздить, открылась только теперь. “Алатырь” Эдуарда Балашова – книга масштабная. Не по объёму, хотя и не маленькая – более трёхсот страниц, что по поэтическим меркам вполне пристойно, а по тому, что в ней представлено полувекое творчество поэта, в котором запечатлено его видение и понимание времени:

*Там, под Валдаем,
гремит колокольчик.
Там, за углом, полыхает плакат.*

*Прошлое – хочет оно
иль не хочет –
Перегорая, идёт на закат.*

*Пали заборы.
Не плачут калитки.
Злая, кривая за тучей луна.
Из-под колёс
запоздалой кибитки
В завтрашний день
укатила страна.*

Ах, завтрашний день! Сколько их было – не сочтёшь, начиная хоть с сказочного ковра-самолёта, хоть с гогаевской птицы-тройки... А всё, где завтра лучше, чем вчера, Там счастье теософа.

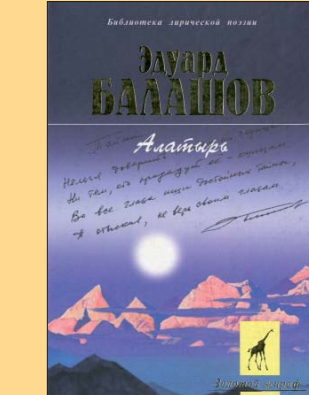
*А настоящее – гора,
Одна на всех Голгофа.*

Стихи Балашова глубокие и ёмкие по своему художественному смыслу. Как это достигается? Осмыслением происходящего вовне и внутри себя, осмелюсь предположить. Во всяком случае, по книге “Алатырь” видно, что автора серьёзно занимают отношения мышления к бытию, духа к природе, а это основной вопрос философии. Самое то для профессора литературного института, коим Эдуард Владимирович является: не командирочным же стихам – увидел, запечатлел – учит он студентов своего поэтического семинара. Хотя... дух живёт, где хочет, и мысль выскается, бывает, из обыденного:

*Мерцает свет на каждом дне,
На каждом часе сострадания.
Я слыю. В агонии. В огне.
И Божья кровь болит во мне
И мучит жаждой покаянья.*

Но для этого нужно иметь кресло, а оно даётся свыше, и не каждому, даже и в сонме стихотворцев. Как созерцание для одних не более чем пассивное наблюдение, рассматривание, а для других – начальная ступень познания, чувственная форма отражения действительности.

Опять пришлось говорить о философии. Но что поделаешь – её свойства как знака качества на стихах Э.Балашова. Этим он очень бли-

зок великим нашим поэтам – Пушкину, Лермонтову, Тютчеву и Николаю Рериху. Связь с ними он обозначает сам, ставя эпиграфом к стихам их строки. А у Рериха взял на пробу композиционное строение стихотворения: последнее слово, несущее наибольшую смысловую нагрузку, обязательно выносится в название. “Получается круг, кольцо, которым, словно стальным обручем, схвачено всё произведение”, – характеризует приём Рериха замечательный знаток и приверженец его творчества поэт Валентин Сидоров, сам достойный доброй памяти. А вот как использовал стихотворный приём гурзу Эдуарда Балашов.

Имя Христа

*Господи, вот она – эта планета!
Ты ей небесную дверь отвори.
Ты на Голгофу улыбку света
Толпы распахивших Тебя усмирил.*

*Неутихающим ветром
страдаю
Все безглазольные земли объез.
И обещаньем второго свиданья
“Мёртвым во гробе
живот даровал”.*

*И на просторы
российского полдня
Вновь путеводная вышла звезда –
Непреходящая слава Господня,
Незаходящее Имя Христа.*

При желании “обруч Рериха” тут можно разглядеть. Но и другие стихотворения Э. Балашова будто выкованы и без видимых скреп стоят прочно, словно о них сказано: лучшие слова в лучшем порядке.

Одно из таких нужных и на место поставленных слов, к чести автора книги, вынесено на обложку – “Алатырь”. Что оно означает – не вопрос: сказочный бел-горюч камень, покоящийся – до срока! – “в море-океане на острове Буяне”. И поэт восторженно оповещает о в тайне ожидаемом нами дне как о свершившемся волшебстве:

*Господи, победа с нами!
Ведай, солнечный народ!
Бел-горюч Алатырь-камень
Вновь взойдёт на небосвод.*

*Русское мятётся знамя,
Русская сверкает мысль.*

Поспешное кукареку? Окстись, кто так подумал. “По странам за буйвой шагающий, /на книжную пыль посягающий, /я русскому слову служу, /в родную страничку гляжу”. Давайте и мы заглянем в неё вместе с поэтом. И вот что увидим. Алатырь – это ещё и устройство, порядок, а через производное алабор – алаборить: ворочать делами, переворачивать, на свою особь приводить в порядок. Сущая перестройка! Сколько их было в России, и все заканчивались, и она всякий раз становилась сама собой. Обновлённой, но – сама собой. Вера в лучшее никогда не обманывала русское сердце. Не поспешил поэт, а в свой час подал благу весть. Ожидаемую. “Доколе терпеть разорения...” И еще нам от него был знак:

*А когда настал молчанья срок,
Одолел я тлен
И пронёсся тенью между строк
Книги перемен.*

И без тени сомнения отнёс бы к Эдуарду Балашову слова, адресованные им другому, поэту, не названному:

*Держул он сердце отворить
И родине, и небесам.*

Впрочем, какая в этом нужна? Вот близкое, и главное, самим о себе сказанное: “Сердце для блага открыто”. Сдержанное, без ячества. Книга

“Алатырь” очень личная, вся как откровение автора. Никаких биографических добавлений не требуется. “Всё увядающее – мимо! /Всё увядающее – прочь! /А увядающее мило, /как бабушка моя точь-в-точь”. И о матери: “Майская вата таджикского тополя. /Свадебный пух тишины. /Ты ли стоишь там – прямо из госпиталя – в белом халате войны?” О “суворовском лице”: “Под пыльным солнцем, под ташкентским небом, /вскормлённые послевоенным хлебом, /мы верили, что мы нужны отчизне. / (Погибшие отцы нас звали к жизни)”. И – “Как быть с доверчиво летящим / последним солнечным лучом, /уже погасшим в настоящем, /ещё сияющим в былом?”.

В книге Э. Балашова мне не попалось ни одной страницы, которую можно было бы пролистнуть, – хочется цитировать и цитировать. Лучше бы вслух, – не аллитерацией удивить, которая бывает уместна и хороша, а увлечь движением мысли, которое тоже небеззвучно:

*Храните Русь,
как вас она хранит.
Обороните – и спасётесь сами.
Россия – радость,
Сергиев магнит,
Грядущий стяг
и Куликово знамя.*

Молитву можно воспроизвести в себе, можно прошептать, а можно услышать в храме. И со стихами, идущими из сердца, так. Дошёл до середины книги: “Россия – радость”, и отзовется на это из предыдущих страниц: “Кто радуется – любит!”

Уверен, “Алатырь” Эдуарда Балашова будет замечен, прочитан и услышан всеми, кому дорого русское Слово, и, надеюсь, вздохнут вместе с поэтом: “К родной земле так хочется быть ближе!”

В одной из своих максим Балашов сказал когда-то: “Дошёл до конца – иди дальше”. Это же и себе завет? Так что – с Богом!

Евгений ЕРХОВ,

***

Что случилось-приключилось
В дальней стороне?
Снилось, снилось,
не приснилось –
Отдалось во мне.

То ли рокот самолёта,
То ли стук копыт.
Не кукушка ли со счёта
Сбилась и молчит.

То ли голос на подмогу
Тщётно призывал,
То ли месяц на дороге
Вышел и пропал,

Или сердцу стало тесно,
Или вспомнил мать?..
Слышу Родину, как песню,
Слов не разобрать.

***

Я у Нарвских ворот
Воскрешаю события Нарвы.
Мне на плечи кладёт
Воин в шлеме тяжёлые лавры.
И веленьем Петра
Я теряюсь в строю
пёстроцветном.
В стоголосом “ура!”
Я приветствую знамя
под ветром.

Я иду на тытки
Твёрдым шагом.
И дрогнули шведы.
Побежали полки.
И запахло кострами победы..
Ах, всегда бы, всегда
К месту прежних боёв
возвращаться,

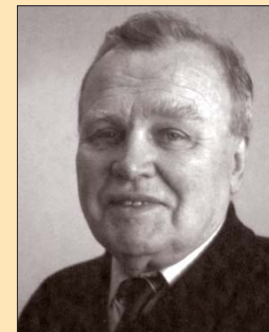
Где встанут города,
Где сады обещают начаться,
Где пылает звезда,
Словно вечный огонь
над могилой,
Чтобы помнить всегда
О судьбе нашей Родины милой!

***

Опять я на краю земли.
По эту сторону границы.
И письма матери, как птицы,
Манят и кличут издали.
И сладко слышать мне:
“Сынок,
Здоров ли?
Что же не ответил?..
“Спасибо, мама, за пирог...”
“Тебе спасибо, что отведал...”

Эдуард Владимирович БАЛАШОВ родился в 1938 году на Украине, в городе Мариуполь в семье фронтовика. После суворовского училища окончил Московское высшее техническое училище им.Н. Баумана, а затем Высшие литературные курсы. Работал старшим инженером столичного транспортного управления гражданской авиации, редактором отдела поэзии издательства “Советский писатель”. Ныне преподаёт в Литературном институте им. А.М. Горького.

Автор более десятка поэтических книг. В своё время знаменитый критик В.В. Кожин не без оснований причислил Эдуарда Балашова к лучшим поэтам последней трети XX века.

Эдуард БАЛАШОВ

“Я ПРИВЕТСТВУЮ ЗНАМЯ ПОД ВЕТРОМ...”

“У нас морозные деньки.
А снегу – не откросьте двери..
Спасибо, мама, за носки...”
“Тебе спасибо, что примерил..
Приехал бы.. Уж я стара...”

И вот я дома. Отобедал.
– Спасибо, мама, мне пора.
– Тебе спасибо, что проводал.

ОТЦУ

Иду посередине сна,
себя посередине.
Вокруг меня твоя страна.
И этот сон – не сон.
Вот только что мне кистью лет
виски посеребрили
Иль повстречавшийся рассвет,
или вдогонку клён.

Иду посередине дня,
ушедшего в когда-то.
И этот день живёт во мне
и будет жить века.
Все деревья в твоём лесу –
уснувшие солдаты,
Пороховые в небесах
ночуют облака.

Пока страна моя жива,
не оскудеют дали.
Ещё Отечества рука
простёрта надо мной.
И в тишине звенит листва –
осенние медали
На гимнастёрке фронтовой,
простреленной войной.

АРТОБСТРЕЛ

Легли снаряды
Пряником в один квадрат.
Рай кладбищенской ограды
Превратился в сущий ад.

Все как есть, могилы взрыты.
Камни, плиты – всё вверх дном.
Были снова те убиты,
Кто почил здесь вечным сном.

И мешался с облаками
Порохом пропахший прах.
Заскрипел надгробный камень.
И настал загробный страх.

Повставали криво-косо
Уцелевшие кресты.
Где здесь я? А где здесь ты?
Тихо так – и нет вопроса.

И всю ночь в разрыв ограды
В тишине за строем строй
В маскировочных халатах
Души шли к передовой.
Прямо с марша в наступленье
Подкрепление ушло.
То не значилось сраженье
В сводках Совинформбюро.

И того не помнят плиты,
И в неведение село:
Сколько ожило убитых,
Сколько мёртвых полегло.

***

Смотрю на солнце виновато,
Хотя ни в чём не виноват.

Вся госпитальная палата
Сегодня смотрит на закат...

И ворохи листвы колючей,
Беспомощной на склоне лет,
И эти пепельные тучи,
Не пропускающие свет, –

Всё, всё смиряется в природе,
Уходит в стороны и вверх,
И, предоставленный свободе,
Свет остаётся в нас во всех.

Как быть с доверчиво летящим
Последним солнечным лучом,
Уже погасшим в настоящем,
Ещё сияющим в былом?

КТО РАДУЕТСЯ – ЛЮБИТ

Кто радуется – верит
Всему, что шепчет ветер
В сиреневой тиши.
Ты веришь ли, скажи?

Кто верит – тот и знает,
О чём собака лает,
Забывшая свой дом.
Скажи, скажи о чём?

Кто знает – понимает,
Зачем вдова стирает,
Рубаху мужа трёт,
И плачет, и поёт.

Кто понимает – любит,
А любит – приглубит
И сирого мальчика,
И ветхого отца.

Еркен АБИШЕВ

РАССКАЗЫ

ЭТИ СТАРИКИ

По твёрдому убеждению бабки, ума у деда совсем не осталось. У меня его и вовсе не было. И оба мы лодыри, каких не видывал свет. И весь аул, по мнению бабки, удивляется, как ей удаётся благополучно здравствовать в столь мрачной компании...

Ну, насчёт дедова ума я с бабушкой согласен. Сидит он в тени сарая и сучит тарамыс – сухожилие. На коленях у него – доска странной формы. Сначала, видимо, хотели смастерить из неё человека, вырезали одно плечо, но потом раздумали и отдали деду. А дед знай себе кожи шинкует, испортил заготовку. Изрубцевал всю доску, впадину вырезал вместо живота.

В деревянном сундучке у него – шило, мыло, ножи, клещи, молоток и берёзовые полешки. Дед сапожничает. В нашем сарае хранятся драные сапоги и сбруи со всего аула! А тут – “лодыри”. Ну, бабушка скажет тоже.

И я не бездельничая. Колёсики раскалываются легко. Приложил нож – тук молотком! Готово. Одно удовольствие...

– Эй, Шеге (это гвоздь значит)! – окликает дед. – Как ты будешь жить, когда я помру?

– Скоро это случится? – спрашиваю я.
– Скоро не скоро, но помру точно, – заверяет дед.
– Хорошо буду жить.
– Почему же это?
– Брить мне голову некому будет...

Пришёл сосед, старик Каршига. Это у него прозвище такое – Захлибик. Старикашка тщедушный, лысый и ехидный... Захихикал:

– Саптама мои готовы, Омеке?

Сроду не имел Каршига сапог-саптама.

– Посмотри в сарае, – говорит дед, не отрываясь от дела.

Каршига шмыгнул под крышу, порылся в куче, кричит:

– Омеке! Здесь ногу поломать можно. Не разберу, где мои.

Это Каршига-то свое добро не узнаёт. У, противный старикашка!

Дед ему:

– Примерь, какие понравятся, и ступай.

Каршиге того и надо. Покряхтел, потоптался и вышел наружу.

– В самый раз. Может, даже мои?

Как бы не так. Один сапог серый, другой – рыжий.

Хитрый старикан: знает – деду приносят на починку то, что выбросить не жалко, и дед перепутал все сапоги давным-давно...

– Где ваша хромая старуха?

“Дурак ты”, – сказал бы я Каршиге, да боюсь, влетит от бабки. Нисколько она не хромая, разве что вот на самое стечко. Оказывается, когда она была молодой и здорово скакала на коне, во время игры в кыз-куу упала с лошади и не успела высвободить ногу из стремени. С тех пор она слегка припадает на одну ногу. Да что объяснять этому вздорному Каршиге! Он просто злится, что моя бабушка всех стариков-хвастунов в шашки громит, никому спуска не даёт.

– Дома, – отвечает дед.

– Все равно проиграешь, Каршига, – предупреждаю я его, – лучше не сердь бабушку.

Каршига хихикает.

– Видали мы таких старух.

– Позвать?

– Не надо, – сразу испугался. – А что ты делаешь?

– Не скажу. Обулся? Топай.

Каршига обиженно передернул плечами.

– Смотрите на него... Весь в старуху. Верно она прозвала тебя – Шеге.

Бросил свои старые сапоги под ноги деду и ушёл. Небось опять сноху притеснять, как бабушка говорит.

– Эй! – очнулся дед. – Ты и в самом деле что-то делаешь?

– Зубы.

– Какие ещё зубы?

– Обыкновенные. Бабушке.

У деда отвисла челюсть. Вижу, не понял.

– Не тебе же одному быть зубастым, – объясняю ему. – Вон их сколько у тебя! Хоть сухожилия перетрысай.

А бабушка даже баурсаки (это по-казахски пончики) в чае мочит... Вот подрасту, разбогатею и вставлю ей золотые, как у байгальдинского Серика, что в Аягузе жуликом работал... Пока пусть деревянными пользуется...

– У, маубас! – Дед обозвал меня пустоголовым и с укоризной добавил: – И из-за этого пустого казанка твоя мать умерла при родах...

Опять вспомнил. Сколько лет прошло, а он всё не может простить мне смерть своей дочери.

– Маубас, – повторил он и заскорзлым ногтем ткнул меня в лоб.

– Я же не виноват, что стал рождаться! – взвизгнул я и

замахнулся на него молотком.

Он хотел схватить меня за ухо, но я увернулся.

– Ах ты, сукин сын! – заорал он, поймав меня за шиворот.

Я аж взвыл от обиды... Не знаю, чем бы это всё кончилось, если бы нас не разняла бабушка.

– Ой, балбесы! – запритчала она. – Ой, позор, позор! Позор, позор... Разобралась бы сначала. Выходит, я оскорбление должен был снести? Тоже мне, умница!

– Ну этот – ладно, соплик. А тебе чего не хватает, старый дурачок?

Вот это другое дело.

– Он говорит, что я убил свою мать, – быстренько подлил я масла в огонь.

– Ойбай-и-и! Совсем из ума выжил! “Единственная дочь”! Я тринадцать детей потеряла. Тринадцать своих жеребят пережила и осталась на старости лет с вами, недоумками.

Дед втянул голову в плечи, будто его собираются стегать камочкой. Бойся, когда ругаются... А бабушка правду кричит. Последним её сыном был мой отец. И он погиб на фронте. По фотографии вижу: был на меня похож. Но это бабушку не устраивает. Она говорит, что все мы одного его ногтя не стоим. А спорить с бабушкой у нас не принято...

Соседи поговаривают, было бы лучше, если б мои старики отдали меня в детдом, а сами разъехались по родне... Мне даже слышать это странно: “Им было бы лучше”. Да они живы только потому, что я есть, и хочу, чтобы они жили. Какая у них могла быть жизнь без меня? Прозабавление. Без меня они были бы даже чужими. Какими-то сватами и сватьей. А теперь мои дед и бабушка – самые родные родственники. Разве это плохо? Говорят, что сваты – всё равно что скрепённые ножи. Чуть какая-то. Никакие они не ножи, разве что – половинки ножиц. А я у них – Шеге, Гвоздь.

Дед кричит:

– Иди голову мылить. Брить буду!

Держи карман. Он додумался обыкновенное бритьё превратить в наказание.

– Сам скоблись!

– Ну и сиди под бабушкой юбкой!

Дед сполоснул руки, лицо, провёл концами мокрых пальцев по носкам сапог, поднялся с кряхтением: “Ой, белим!” (то бишь – моя поясничка!) – и прошёл в дом. В почётном углу расстелил полотенце поверх алаши и начал молиться... Как он унижается перед своим Аллахом! Становится на колени, кланяется, пока не уткнётся лбом в полотенце, берёт себя за уши, словно силится расслышать, что ему говорит Всевышний, и бормочет, вздевая руки:

– ...Сухана робике робиль хизати хаммай я сифун. Нурсалим (это настоящее имя Каршиги) альхам ди лиль-ляя Рабига (так зовут мою бабушку) аль аминь...

Я люблю, когда он читает Коран и бьёт поклоны. В это время можно сесть на него и покататься. Только надо успеть удрать, прежде чем он скажет “аминь”. Иначе дед, закончив переговоры с Аллахом, за меня возьмётся без всякой почтительности. На этот раз я не катался, поэтому удирать было незачем.

– На поясницу жалуюсь, а перед Богом раскланиваешься – ничего не болит, – злорадно заметил я. Дед трясёт бородой, раздвигая ноздри, втягивает воздух.

– Ай, тажал, – говорит он и спохватывается: заругался после молитвы. Заискивает: – Давай, солнышко, я тебе

сказку рассказу.

Сказки я люблю, готов их слушать в любое время. Только дедовы не очень интересны. Далеко до бабкиных! – Давай! – соглашаюсь я.

Дед садится, подвернув ноги калачиком. Я устраиваюсь напротив, и дед начинает прямо где-то с середины.

– Под землёй тоже живут люди. Грешники и черти. Носят они ремни на ногах...

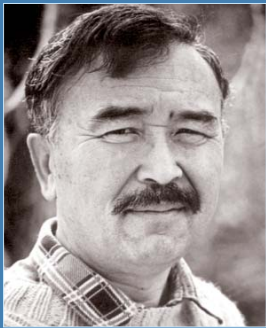
– Как лошади? – уточняю я.

Дед осекается, моргая слезящимися глазами, смотрит на меня.

– Пусть будет, как лошади, – нехотя соглашается он, – им, бедным грешникам, теперь всё равно.

– А кто такие грешники?

– Кто ворует, водку пьёт, дерётся, хлебом играет... Слушай дальше. Мы, обыкновенные люди, обитаем на земле между небом и подземельем. И носим ремни посредине, на поясе.

ОБ АВТОРЕ

Еркен Сыздыкович АБИШЕВ – сын офицера и отец офицера. Он родился в Семипалатинской области, служил в авиации в Забайкалье, Заполырье. Работал в редакциях газет, на радио и телевидении, в кино. В 1977 году окончил сценарный факультет ВГИКа. Является автором ряда художественных фильмов. Среди наиболее известных – “Волчья яма”, “Человеческий фактор”, телевизионный художественный фильм “Дыня”. В качестве автора и режиссера снял десятки документальных фильмов. В частности, ленту “Граница терпения” (о жизни пограничников Восточного погранокруга), “Лев Гумилев. Уроки истории”, “Мелодия времени”.

Член Союза кинематографистов России. Живет в Москве.

Мы знакомили читателей с его литературным творчеством, опубликовав несколько рассказов. Сегодня продолжаем знакомство.

– Тракторист Балтабай носит комбинезон, и ремня ему никакого не надо.

Дед пропустил дополнение мимо ушей.

– На небе тоже живут существа. Ангелы и праведники.

– Понял, понял. Ремни носят на лбах...

– Спаси, Аллах! Что за ребенок?! Стреляй тебя Бог! – возмущается дед.

Было бы, конечно, интересно стать предметом внимания самого Господа Бога, посмотреть, как он будет стрелять в меня. Хотя, впрочем, вряд ли он станет мелочиться.

– На каждом твоём плече сидит по ангелу, – продолжает дед. – Как тебе исполнится тринадцать лет, так начнут считать твои поступки. Левый – грехи, правый – благоденствия. На том свете Бог прикинет и решит, куда тебя деть. В рай или ад.

Я языком передёрнул плечами и провёл по ним ладонями.

– Они не во плоти. Их не смахнёшь, – предупредил

дед.

“Ну и пусть сидят, – решил я. – Хотя что за занятие, пониживая на чьих-то плечах, всю жизнь считать поступки. У меня что ни шаг – событие. Запираться запоминать. Бедные ангелы”.

– А ты грешник или праведник?

– Это одному Богу ведомо, – уклончиво сказал дед.

– А бабка?

– Старуха у нас святая женщина.

– Почему?

– Потому что она – мать...

– А я?

– А ты – соплик...

Пришла бабушка.

– Старик, пора кизяк месить... Надо навоз раскидать, а то куча гореть начинает.

– Ой, поясница!.. – опять закричал дед. – Что-то мне нездоровится.

– От безделия, – заверила бабка.

– Помереть не дашь, из могилы вытацишь, – захныкал дед, но ослупать не посмел.

– И ты, джигит, собирайся. Нечего старика забавлять. Пошли. Корова вот-вот отелится, а всё без присмотра ходит. А проследить бы надо.

...Дом наш стоит на самом краю аула. Рядом начинаются кочкарники, которые тянутся до самой горы Жуантобе. Сейчас они покрыты яркой зеленью.

Отовсюду слышатся писк, хлопанье крыльев, крикание, вхохтанье.

Бабка идет, сцепив руки за спиной, изредка останавливается, поджидая меня, и, приложив ладонь ко лбу, высматривает разбредшихся по луку коров.

– Эй! – окликает она. – Что ты там увидишь?

– Апа, смотри, змея!

Бабка подходит, усмехается.

– Глупыш, это – уж. На лягушек охотится.

– А гадюки здесь есть?

– Сейчас ещё нет. Сыро. Летом спустятся с Жуантобе... Пошли, не бойся.

Подобрала хворостину... Я едва поспеваю за ней. Вот бы крылья иметь, как у чибисов... Скажут тоже – “хромая старуха”...

– Слышишь, Шеге, чибисы стонут?

– Да.

– А что они кричат, знаешь?

– Ки-и-игрик, ки-и-игрикау!

Бабка качает головой.

– Не слышишь. “Кудрет-ау, кудрет-ау!” – “Создатель!”

– вот что они кричат.

Прислушиваюсь. Точно! И до того жалобно, что у меня засвербило в носу. Я смотрю на пёстрых хохлатых птиц с округлыми, как у старых ворон, крыльями. Тоскливо стаяя, они кружатся над нами, а я спрашиваю:

– На что они-то жалуются Богу? Мало им крыльев?

– А, – отмахнулась бабка, – ни одна тварь не умеет до-

вольствоваться отпущенным судьбой. Вот и уповают на Создателя.

– А ты довольна судьбой?

– Да.

– Почему?

– Потому что у меня есть хвостик.

– Где? – обрадовался я.

Она обернулась и ткнула меня хворостинкой в грудь.

– Вот теленается.

Я обогнал её и стал идти задом наперёд.

– А дед судьбой доволен?

– Старика пожалеть надо, – вздохнула она. – Иди нормально, упадёшь...

Наша корова стояла, опустив голову, тяжело поводя боками. Бабка погладила её.

– Скоро отелится.

Придавливая ей спину, уложила наземь.

– Ну-ка, Шеге, нарви сухой прошлогодней травы теленку на подстилку, – приказала она.

Пока я набрал охапку сена, корова уже отелилась. Телёнок лежал мокрый и неподвижный. Бабка разжала ему челюсти и сильно дунула в зев. Теленок вздрогнул и засопел ноздрюшками.

– Вот так, – сказала бабка, – заставим жить.

Корова поднялась, и, ревниво косясь на нас, принялась облизывать его. Язык её, шершавый, как оселок, оставил красивые волны.

А у Кольки Диденко мать не даёт корове облизывать телёнка. Унесёт его сразу домой, корова помычит-помычит и успокоится. Потом их в стадо вместе пускают, и они, как чужие, не признают друг друга...

Прошло немного времени, и телёнок поднялся на ноги. Он стоял, как на былинках, – большелобый, лупоглазый, и качался из стороны в сторону. Корова подставила вымя, и малыш принялся деловито сосать. Чмокнув раза два, он капризно боднул вымя, не удержался и шлепнулся оземь.

– Дурачок, – улыбнулась бабка. – Однако он быстро встал на ноги. Вот бы тебе так, Шеге!

Бабка взяла телёнка на руки и понесла домой. Корова, недовольно мыча, пошла следом...

На другой день дед в который раз слёг в постель: занемог. Кричал, стонал, крепился, но не выдержал и пошёл к врачу. В больнице деду сказали, что у него с сердцем неважно, и дали каких-то капель, тёмных, словно полынный отвар. Велели пить по двадцать капель перед едой. Дед, пустая башка, махнул рукой: “А! Шипа болса болсын, болмаса – атасын...” (Коль лекарство – пусть лечит сразу) – и вынул всю склянку. Слова он изрёк складными стихами, отчего они стали поговоркой, и каждый потом, собираясь делать что-то решительное, добросовестно повторял их. Но самому деду не повезло...

– О-о-ой! О-о-ой! – орёт он из-под одеяла. – Помираю...

– Ты только, пожалуйста, проверни это дело потише, – советует бабушка.

– Старуха, и ты, Гвоздь, подойдите ближе... Выслушайте моё завещание... Да подойдите же сюда!

– Валяй, – говорит бабка, продолжая взбивать сметану. – Тебя и Каршига, сидя у себя дома, слышит...

– Прости, старуха. Не успел я сено придавить камнями. Ты уж сама как-нибудь. Или Каршигу попроси. Я ж его, плешивого, всю жизнь обувал. Телегу у Рысбека забери. Подрастёт этот Гвоздь, может, человеком станет, лошадей обзаведётся, так пригодится... Балтабая-тракториста попроси тала подобрать. А то ведь зимой замёрзнете... Остаётесь, бедные, совсем сиротами. Как вы без

мужчины будете жить теперь? – сокрушается дед и выталакивает из глаза слезинку.

– Ой-пой-пой-о-ой! Это завещание у тебя которое по счёту? – усмехается бабка. – Какой заботливый человек покидает нас! Не успел он тала нарубить... Лодырь несчастный. Не расстраивайся. Как отлежишься, ступай в тальник и сам выполни своё завещание.

Но на этот раз дед не ошибся.

Через неделю он помер.

Сильный ветер стремительно несёт по небу рваные облака. Они на глазах меняют очертания, окрашенные предзакатным солнцем в багряный цвет.

Я стою, прислонившись к стене сарая в том месте, где обычно сидел мой забавный дед, и разглядываю облака. Они представляют мне душами праведников. Вон на коне всадник с развевающейся буркой. Должно быть, Чапай, а вон кто-то с ружьём – наверное, мой отец. А где же дед? Я совершенно уверен, что место его в раю. Ведь он тоже был праведником: не обманывал, не крал, не сквернословил, хлебом не играл. А если и дрался, так я был виноват, я я первым лез в драку, я должен быть в аду. Дед ни при чём.

Неслышно подошедшая бабка обняла меня. Я повернулся и, уткнувшись в её чапан, незаметно вытер слезы.

– Как мы будем теперь жить, апа?

– Глупый. Как все...

ШУРУП

Вот про ослов говорят: тупые. Тупые, мол, и упрямые. Ну, насчёт их упрённости не спорю. Как что не так, действительно – ни пшу, ни ну, ни шагу вперёд. Это лошади будет себе жили рвать, пока с ног не свалится. А насчёт ишачьей сообразительности, извините...

Служил я на высокогорной погранзавете. Состояла она из тридцати солдат, двух офицеров (один был женат), прапорщика-старшины, трёх собак-следопытов и кошки Василисы. Связь с миром осуществлялась по радиотелефону, да ещё раз в неделю два бойца с рюкзаками отряжались в кишлак, расположенный в двадцати километрах, за почтой и сменой белья. Изредка из райцентра, где располагался штаб погранотряда, прилетал вертолёт с продуктами, обмундированием, боеприпасами и большим начальством, проверяющим, как мы службу несём.

Однажды летом мне с приятелем выпал черёд идти в аул. Спускаться по узенькой тропинке, петляющей меж скал, одно удовольствие. Следи лишь, чтобы на осыпях кувырок не покатился – дров наломалось...

В посёлке мы первым делом зашли на почту, забрали письма, посылки. Ох, хорошо их получать, да вот каково наверху тащить! Потом в сельпо отоварились заказами друзей – сигареты там, конфеты, ступёнка, детская смесь для командирского дитя, и в последнюю очередь наведались в быткомбинат за свежевыстиранным постельным бельём...

Пора в обратный путь. Но в гору подниматься – это не вниз трусить. Через каждые полсотни шагов привал: воз-

духу не хватает. Высокогорье. Вдруг нас окликает местный аскал:

– Стой!

Смотрим, направляется он к стоящему во дворе ослу, тянет за уздечку и ведёт к нам:

– Берите.

Мы, естественно, растерялись. Приятель мой, вологодский вахлак, начал было мямлить что-то насчёт денег: мол, нет у нас финансов, а дед только усмехнулся.

– Бери-бери! Так бери. Ишак общий.

Он сам помог нам связать рюкзаки и, навьючив на осла, напутствовал:

– Чу! Пошёлё!

Надо сказать, в аулах действительно бывали ослы, которые конкретно никому не принадлежат. Если надо, скажем, сена, дров, ошей с поля привезти, запрягают такого ослика и – вперёд. Завершив работу, распрягают, хлоп по крупу – свободен, гуляй. И мотается бедняга опять по дворам, где клок сена ухватит, где ботвой и пожнивными остатками закусит, а если повезёт, на колхозном дворе к общественной скотине пристроится. Пока не прогонят...

Ба-а-алин, лафа! Я веду осла на поводу, приятель – сзади. Оба налегке. Да и зачем ишачить, когда настоящим ишаком обзавелись! И наша поклажа для него – похоже, тифу, семечки. Это же надо как нам подфартило! На заставу прибыли, как белье люди. Солдаты дивились, словно если бы мы на “газоне” подкатили.

И для vissutoго жизнь пошла: не жизнь – малина. Целыми днями слонялся возле кухни или паса на приволье. Изредка с кухонным нарядом ходил по дрова, раз в неделю родной кишлак навещал. И уж совсем редко – от вертолётки грузы перетаскивал. Со всеми сдружился, свой бизнес основал: за кусок сахара катал верхом свободных от службы солдат, которые дали ему кличку Шурупа. (Так пограницы обычно зовут армейцев.) Выдать, крепко он в своей прошлой жизни намаялся от одиночества и неприкаянности, если по команде балдеющих солдат: “Застава, в ружье!” – научился издавать трубный рёв и, припадая к земле брюхом, ползал...

Но вот однажды в очередной раз прибыл вертолёт, а Шурупа нет. Сбежал, подлец! Пришлось нам весь груз на себе перетаскивать – а это полтора километра по горным кручам. Отвыкли мы ишачить! Закончили работу – тут и он явился не запыхавшись. И так повелось: только заслышит шум винтов вертушки, бежит в кусты, и хрен его найдёшь! Пробовали даже собаку по следу пускать – ничего не вышло. Собачки-то натасканы на душманов, а не на ишаков! Может, иная и обнаружит, но молчит, не гавкнет. Не иначе и они своих не закладывают.

Но пограничники – народ тоже изобретательный: низжали стреляных гильз на крепкий капроновый шнурок и повесили Шурупа на шею. Попробуй теперь укрыться! Но и на этот раз ишак оказался не промах: сообразил, что ожерелье его выдаёт, и стал не убегать, а просто затаиваться и лежать неподвижно среди камней. Пограничники хоть и следопыты, но поди разыщи среди серых гранитных валунов серого осла! Да и времени нет на поиски скорей: надо борт разгружать, а не этого сачка vissutoго искать.

Но в конце концов нашлась на него управа. С помощью тех же вертолётчиков, которые следили за нами по радиопредупреждениям: “Через двадцать минут будем у вас. Держите своего Шурупа!”. Иногда даже из самого штаба погранотряда напоминали. Вот какой знаменитостью стал наш ишак!

А однажды случилось вот что. Заболели два солдата разом. Насморк, кашель, удушье, глаза распухли. Начальство в штабе переполошилось. Из отряда примчалась вертушка с военврачом. Молодой доктор осмотрел больных и вдруг, увидев в окне Шурупа, с которым ребята чуть ли не целовались (сахаром изо рта кормили), хлопнул себя по бёдрам:

– Так у вас ведь сап, засранцы! От осла заразились. Немедленно на борт! Всех – в лабораторию! И осла!

Делать нечего, приказ начальника, хоть и доктора, – закон для подчиненных. Проводили сослуживцев до вертолётки, и Шурупа затолкали.

Спустя полмесяца, отъезжая от госпиталя пайках, “больные” вернулись. Выяснилось: аллергия у них на пыльцу каких-то горных цветов. А невинный Шуруп так и остался за двести километров от заставы, в совершенно чужом городке. Смешно же было надеяться, что и его повезут обратно на вертолётке...

Через полгода вышел срок моей службы. Сначала мы, дембеля, на вертушке прилетели в город, в отряде выравили документы, оттуда – на автовокзал, чтобы на автобусе добираться на железнодорожную станцию, которая в восьмидесяти километрах. Нас было шестеро, в новеньких шинелях, перетянутых скрипучими ремнями, с одинаковыми чехоманчиками в руках. На душе – радость неопишемая.

Вдруг слышу знакомое характерное бречанье и вижу осла, собирающего на грязном перроне вокзала арбузные корки.

Шуруп! В том же ожерелье из стреляных гильз, которое мы ему когда-то повесили на шею.

– Шуруп! – кричим хором. – Шуруп!

Он вскинул голову и со всех ног бросился к нам.

– Шуруп! Шурупчик! Где ж тебя носило, братан?! Бродяга ты серый...

Кто-то сбегал в привокзальный буфет, притащил коробку рафинада.

А он – не до лакомства! – знай только трётся своей тяжёлой башкой о наши дембельские шинели и сопит, будто силится что-то сказать, и поверите, из глаз его слёзы катятся. Народ же, глядя на нас, диву даётся: солдаты, обступив осла, поцелуями его осыплют...

Началась посадка в автобус, погрузились и мы. Поехали. А Шуруп потрусил следом. Выехали уже за черту города – он не отстаёт. Автобус прибавил скорость – и Шуруп перешёл на галоп. Но вы же знаете, какой из осла скакун. Смех, да и только. А у меня на душе – хоть из автобуса выпрыгивай. До сих пор, как увижу по телевизору солдат, погранзаставу да просто сахар кусковой, так сразу представляю несущегося в пыли за автобусом Шурупа. Мнится он на своих негнущихся, как ходули, ногах, взбрыкивает.

Вот ведь, братцы, какая штука: жизнь, а...

ИДИ СЮДА! ИДИ КО МНЕ!

Поздней весной и в начале лета у нас в парках, скверах и даже прямо на улицах, под деревьями вырастают грибки: опята, синеножки, сморчки. А то вдруг, разворо-

тит асфальт, такой ядрёный крепыш-шампиньон вылупится – ремонтникам работы на полсмены...

В такие дни мой сын приходит из школы поздно: ищет грибки. Иногда целый мешочек из-под сменной обуви тащит.

Однажды, когда шёл мелкий моросающий дождь, сын заметил в траве какой-то комок. Приняв за гриб, наклонился и разглядел мокрого прородшего сеничка. Ночью были шквальные ветры, и птенец, видимо, выпал из дупла. Вот сенишка и принёс его, едва живого, домой.

Сеничок был до того слаб, что не мог даже стоять на лапках и, закатывая глазки, беспомощно валился набок. Сквозь редкие слипшиеся перышки просвечивало голое красное тельце.

– Не выживет он, – заключил я, видя, как сын пытается вихнутого в него муху. Сеничок не разжимал крепко стиснутого жёлтого клювика. Пришлось осторожно расклинить клюв вязальной спицей и втиснуть-таки муху в горлышко птички насильно... Запихали вторую, третью...

– Давай не будем зря мучить его, – предложил я, видя, с какой безучастностью птенец воспринимает то, как мы начинаем его мухами.

Оставили в покое. Но не прошло и получаса, как слышим требовательный писк. Смотрим – обсох, оклемался и, трепыхая крыльшками, широко раскрывает оранжевое с жёлтой каймой (тут и в полумраке не промажешь) клюв. Настрогали мяса – ест, творог даём – с удовольствием, дождевых червей, припасенных для аквариумных рыбок, как макароны, глотает. Сначала было обрадовались, потом испугались: а ну как ему дурно станет? Но слышим, горланит всё тише, глуше, наконец стал икать – уф, обёлся.

Посадили его на крошку цветочного горшка, он устал закрыл глазки, задремал. Ну, думаем, с голодухи на целый день заправился... Но не прошло и получаса – опять орёт.

– Может, он ненормальный какой-то, – переполошились дети.

Полистали книжки, нашли рассказ о сеницах и выяснили, что сеничок наш вполне нормальный: умять за день пищи в восемь-двенадцать раз больше, чем весит сам, для него обыденное дело. Притом заметьте: в меню его не зёрна и ягоды, а черви, тли, гусеницы... Так что птица сеница – настоящая хищница, гроза садовых вредителей.

Прошло несколько дней, сеничок окреп, выучился летать и настолько освоился, что садился нам на голову, плечи и неженно перебирал своим клювиком наши волосы. Но если испытывал голод, орал в самое ухо. Попробуй не накорми! И, удивительное дело, упорно не желал клевать самостоятельно, выжидая, когда соизволят засунуть ему корм в самую глотку. Задумались мы: как же он потом на воле будет корм добывать? Да ещё с таким зверским аппетитом. И решили: вот тебе блюдо, клюй сам, а с рук кормить больше не будем.

Сеничок подолгу возмущённо вопил, садился на руки, ципал за пальцы, но в конце концов голод (который, известно, не тётка) выбил из него блажь. Но ещё долго и после того, как научился есть самостоятельно, не упускал случая кланяться, широко открывая клюв, те же кусочки мяса, крошки яиц, творога.

Надо заметить, что особой изысканностью манер птенца не отличался: в блюде забирался с ногами, крепкий остренький клюв после трапезы чистил о крошку та-

релки; очень интересовался книгами, особое пристрастие питая к старинным переплётам. С любопытством заглядывая в таинственные щели, яростно тербил шелковые крошки.

Вскоре он превратился в крепкую, здоровую, любопытную сеницу, как и все представители его семейства. Единственное, что нас огорчало, – рос грязнулей, отчего смахивал на обыкновенного воробья. Но однажды, когда сын мыл в раковине посуду, подлетел сеничок и уселся на кран. Нетерпеливо поёрзав, ринулся вдруг к чашке, уселся на крошку и давай трясти хвостом, набрасывая на себя тёплую воду. Сын налил ему воды в тарелку, куда сеничок тут же забрался с ногами и стал купаться. Сначала, делая приседания и трепыхаясь, он намочил грудку, потом завалился набок и, словно венником в парной, стал охлapyиваться крыльями. И только не кричал при этом от удовольствия. Вдоволь накупавшись, взмахнул крыльями, а не тут-то было: намоченные перья не удержали его, и он плюхнулся на пол. Скофуженно проверещав что-то, ускорил в угол. Долго приводил там себя в порядок, любовно перебирая клювом каждое перышко, а когда обсох и взлетел, глазам нашим наконец-то предстала настоящая сеница! Грудка жёлтая, на ней – чёрная салфетка, на крыльшках наискосок – чёрно-белые газари, брюшко белое, а на шее – пелерина с едва заметным малахитово-зелёным отливом. А когда он, окончательно придив себя после бани, вдруг запел – тоненько, нежно и затейливо, мы поняли, что сеничок наш окончательно возмужал. Впрочем, взрослые жесты ещё долго не мешали ему вдруг спохватиться и заверещать, поддичаючи разинув клювик, и, трепыхая растопыренными крыльшками, изобразить из себя беспомощного птенца.

Целыми днями он порхал по комнатам, выписывая сложнейшие пируэты и стремительно лавируя между предметами, садился на отвесные шнуры плафонов; а мог и вовсе, уцепившись за что придётся, висеть вниз головой. Любимым его занятием стала очистка цветов от тли. Поскольку весна и начало лета в тот год выдались дождливыми, то цветы сильно страдали от неё.

Так же, как человек, он очень забавно выглядел в моменты гнева. Когда на железный карниз за окном кухни опускались голуби, сеничок взлетал на высокий буфет (при этом хохолок у него на затылке воинственно дыбился) и поднимал возмущённый крик. Но лишь те улетали, он победоносно прохаживался по подоконнику, отряхиваясь, словно после драки, и долго ещё не мог успокоиться.

К нам он очень привязался. Куда мы – туда непременно и он. Когда я, оставившись дома один, пытался работать, он хватал клювом авторучку, забирался на клавиатуру компьютера и вдохновенно пачкал бумагу.

Настало лето. Мы решили потихоньку приучать нашего приёмшца к самостоятельной жизни. Испуганно дрожа всем тельцем и крепко вцепившись остренькими коготочками в мой палец, он не хотел улетать. Я осторожно снял его и посадил на перила балкона. Вокруг шумела листва, внизу гудели машины, сновали прохожие, проносились воробьи, голубы, ласточки; скворцы уже ставили своих птенцов-слётков на крыло. Сеничок, нахохлившись, посидел малость, потом в ужасе пискнул и, вспорхнув, удрал в дом. Я опять вынес его на улицу. Усевшись мне на плечо, он на своём сеничьём языке стал жаловаться на то, как там ему страшно, и уговаривал скорее вернуться в комнату. Заволнованная его тирада вдруг привлекла внимание других сениц, и они, оживлённо

галдя, слетелись невесть откуда на ближний клён и, попрытавшись в густой листве, настороженно притихли...

Вдруг одна из них подала голос.

– Вот дикарь! – должно быть, сказала она на своём синичьем языке. – Это здесь-то страшно?! А на ком ты сам сидишь – не страшно?! Лети сюда, дурачок!

Наш синичонок смущённо притих и долго слушал голос незнакомки. В конце концов любопытство взяло верх, и он полетел на интригующий зов. На этот шаг сородичи его ответили сдержанно-одобрительным цвириканием. Желая ему добра, я, конечно же, хотел, чтобы он присоединился к своим. Но в то же время внутри у меня, признаюсь, всё сжалось: неужели он сейчас так навсегда и покинет нас?.. Но тут на подоконник уселась парочка сизарей, и приёмыш наш, панически пискнув, стремглав прошмыгнул мимо меня в комнату. Он уселся на люстру и, едва переведя дух, взахлёб застрекотал о своих впечатлениях. Выговорившись, притих, и жизнь наша опять потекла по прежнему руслу.

Но, как оказалось, не совсем бесследно прошёл тот первый выход в свет и первое общение с вольными собратьями. Теперь он на каждую промелькнувшую за окном тень тревожно озирался, обрывал своё пение и прислушивался к уличному шуму. Если удавалось услышать ответное “цс-с цинь-цинь”, принимался горланить с удвоенной энергией.

Дни стояли погожие, и дверь на балкон мы не закрывали. Листва клёна шестелела так маняще близко, что синичонок наконец отважился по собственной инициативе перелететь на неё. Ветка качнулась, ветер тут же задрал его перышки. Не привыкший к таким неприличным шуткам, он стремглав вернулся. Отдышавшись, полетел опять, осмотрел зыбкую ветку, страшную бездну под собой, поклевал что-то и радостно закричал мне, призывно по-птенычьи трепыхая крылышками: мол, иди сюда! Наверное, он несколько не удивился бы, если б я вдруг взмахнул руками и, круша ветки, опустился рядом. Он ведь принимал нас за своих родителей. Видя моё упорное нежелание откликнуться на его приглашение, он снисходительно возвращался сам, а подзаправившись, улетал опять. Но улететь с освоенного им клёна дальше, на другие деревья, не отваживался, по-видимому, считая только этот клён относящимся к ареалу нашего общего обитания.

Однажды утром, когда он, как обычно, увлечённо ревизовал кленовые семечки, к нему подседа синица. Новенькая затеяла игру в догонялки с прятками и, увлекшись, бросилась на соседнюю берёзу. С слыу, с жару наш приёмыш кинулся было следом, но на полпути, спохватившись, сделал крутую дугу и шмякнулся мне на плечо.

Что тут произошло! Незнакомка завопила так, словно новый её приятель угодил в пасть коту. Наш синичонок сначала даже заложенно подпрыгнул от её крика, но тут же стал демонстративно клевать у меня с ладони и что-то щебетать. Должно быть, он укорял дику незнакомку за робость и нецивилизованность. Вероятно, он был убедителен в своих увещеваниях, поскольку новенькая, перестав верещать, осторожно подлетела и опустилась поблизости от нас на перила балкона. Но стоило мне протянуть ей угощение, как она упорхнула.

Прошло ещё некоторое время, и теперь уже наш синичонок смело резвился на улице, перепрыгивая с ветки на ветку, с дерева на дерево. Вскоре, присоединяясь к ватаге приятелей, и вовсе стал исчезать из поля нашего зрения. Но, впрочем, не проходило и часа, как он, запыхав-

шийся, возбуждённый, возвращался и, привычно капризно горлая, требовал чего-нибудь домашненького.

Так минула ещё неделя.

По-прежнему ровно в девять вечера вместе с детьми он отправлялся спать. Поначалу, остерегаясь сквозняков, облюбовал электровозок в прихожей, но после двух-трех визитов поздних гостей, которые его едва не довели до инфаркта, счёл за благо почивать на гардине в детской комнате. Днями он отлучался всё чаще и чаще и отсутствовал всё дольше. Так и жил, мотаясь между улицей и домом. Как ни обильно и разнообразно мы старались его кормить, но, видимо, в рационе ему чего-то не доставало, потому что перышки его, пока он был домоседом, не имели того здорового блеска, каким отливали теперь. Нравилась нам и его подружка – кандидатка в “снохи”, с которой они теперь летали неразлучной парочкой...

Он все реже возвращался, наскоро клевал припасённое угощение и при этом все время озирался, чутко внимая её нетерпеливому писку.

И вот однажды мы напрасно прождали его весь вечер, бодро уверяя друг друга, что хорошо, что он окунулся в родную стихию, что этого-то мы и добивались, а теперь должны радоваться за него. Однако на душе у каждого было тяжело. В утешение вспоминали, как в последние дни в его поведении возникли проблески диковского отчуждения. Значит, рассуждали мы, можно надеяться, что наш приёмыш не пристанет к другим людям, не превратится в попрошайку, не пойдёт по рукам, став предметом чьих-то праздных забав. Деланно ворча, мы убирали следы, оставленные им в самых неожиданных местах, облегчённо вздыхали, что наконец-то избавились от несносного грязнули. Но шербающую перламутровую пуговицу, которой он любил играть, не выбросили и дверь на балкон, не сговариваясь, оставляли открытой...

С тех пор прошло уже много лет, но мы, увидев за окном юркую синицу, вспоминаем нашего синичонка, уверяя друг друга, что это мог быть именно он.

Недавно мне довелось поехать с другом за город. Множество синиц вилось вокруг нас. С любопытством свесив головы, они поблескивали живыми бусинками глаз.

– Иди сюда!. Иди ко мне! – подзывал я, протягивая кусочек колбасы.

Приятель сначала посмеивался, но, присмотревшись, был вынужден согласиться, что они с интересом прислушиваются к человеку. А мне всё мерещилось, что среди них порхает и наш синичонок, который вот-вот сядет мне на плечо и заверещит, взахлёб рассказывая, почему он так долго отсутствовал... Мы ведь так и не попрощались с ним. И даже не удосужились дать ему клочку. Просто окликали: “Иди сюда!” или “Иди ко мне!”. И он радостно несея на наш зов.

– Иди сюда!. Иди ко мне!..

Ну до чего несовершенно устроена эта самая якобы бессмертная душа человека, если отсутствие даже такой маленькой пичужки способно производить в ней опустошение.

